

КОСТРОМА

*литературный
альманах*

2023

КОСТРОМА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск № 7

по итогам

*II Международного литературного конкурса
имени А.Н. Плещеева*

*и Областного литературного конкурса прозы
имени В.Г. Корнилова*

Кострома
2023

УДК 821(4/5)
ББК 84(0)
К 725

Издание альманаха осуществляется при поддержке
департамента культуры Костромской области

Кострома : литературный альманах. Выпуск № 7 / гл. ред.
Н.Мушинова. – Кострома : Областная писательская организация
К 725 Общероссийской общественной организации «Союз писателей
России», 2023. – 220 с.

В седьмом выпуске альманаха «Кострома» опубликованы
литературные произведения победителей Второго Международного
литературного конкурса имени А.Н. Плещеева и Областного
литературного конкурса прозы имени В.Г. Корнилова.

Представляет интерес для широкого круга читателей.

УДК 821(4/5)
ББК 84(0)

© Костромская областная писательская
организация Общероссийской общественной
организации «Союз писателей России», 2023
© Мушинова Н.Е., гл. ред., 2023
© Коллектив авторов, 2023

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ «КОСТРОМА»: ОБЛАСТНОЕ, ВСЕРОССИЙСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗВУЧАНИЕ

Литературный альманах «Кострома» издаётся Костромской областной писательской организацией при поддержке департамента культуры Костромской области. Он имеет свою историю. Самый первый выпуск вышел ещё в 1946 году, «последний» – в 2010 году, но в 2020 году усилиями инициативной группы из числа членов Костромской областной писательской организации альманах возродился. Вышло уже шесть тематических выпусков.

Издание альманаха осуществляется в рамках Всероссийского образовательного проекта «Использование регионального компонента на уроках русской словесности». Реализация регионального компонента – один из путей сохранения исторической памяти народа, воспитания патриотизма и гуманизма у подрастающего поколения через любовь к малой родине, природе родного края, культурным традициям и литературному колориту губернии.

Особую актуальность эта работа приобретает в настоящее время, когда различные западные СМИ и Интернет-ресурсы распространяют искажённую информацию о нашей истории и культуре, агрессивно насаждают культ денег, насилия и извращений, желая разрушить традиционные ценности, духовное единство русского народа, лишить нас национальной идентичности. У молодого поколения должны формироваться не только ценности общества потребителей, но и милосердие, уважение к старшим и желание помочь младшим, любовь к труду, бережное отношение к природе, чувство гражданственности и патриотизма. Именно эти ценности неназойливо, аккуратно формирует настоящая литература, в том числе литература региональная, близкая сердцу каждого человека, который узнаёт в описании города свой родной город, в образе героя рассказа – своего родственника или соседа, в размышлениях о смысле жизни – свои мысли и чувства. И если «местный» поэт или прозаик создаёт нечто талантливое, то он попадает в эмоциональный резонанс с читателем, независимо от места его проживания, выходя на уровень философского обобщения, и тогда эффект Слова умножится и зазвучит громко и внятно, преодолевая пространственно-временные преграды.

За три года путём совместных усилий правления Костромской областной писательской организации, руководства Союза писателей России, департамента культуры Костромской области литературный альманах «Кострома» вышел на всероссийский и международный уровень, поскольку в нём публикуются литературные произведения не только российских, но и зарубежных авторов из Беларуси, Казахстана, Азербайджана, Приднестровской Молдавской Республики и др.

Но «новейшая» история возрождённого альманаха началась с литературы региональной.

В выпуске № 1 (2020 г.) представлены произведения известных костромских писателей и поэтов, победителей и призёров всероссийских и

КОСТРОМА

региональных литературных конкурсов, а также молодых авторов – участников пятнадцати литературных объединений Костромской области.

Выпуск № 2 (2020 г.) посвящён 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

В выпуске № 3 (2021 г.) представлены художественные произведения молодых поэтов и прозаиков – членов Совета молодых литераторов из восьми регионов России от Калининграда до Мурманска.

Выпуск № 4 (2021 г.) посвящён 60-летию Костромской областной писательской организации. В нём представлены не только литературные произведения известных костромских поэтов и прозаиков – членов Союза писателей России, но и воспоминания о тех, кого уже нет с нами. Интерес представляет рубрика «Из архива...», в которой размещены материалы, обнаруженные в архиве Костромской писательской организации. Важным разделом является «Алфавитный биографический указатель», в котором представлены биографические справки с фотографиями костромских литераторов, входивших в состав Костромской областной писательской организации за 60 лет её существования.

В выпуске № 5 (2022 г.) опубликованы литературные произведения победителей Первого Международного литературного конкурса имени А.Н.Плещеева, проведённого Костромской областной писательской организацией при поддержке Союза писателей России, и доклады участников пленарного заседания Международной литературной конференции «Дни литературы в Костроме», а также литературные подборки членов литературных объединений по итогам Дней литературы в Костромской области, прошедших в 2021 году.

В выпуске № 6 (2022 г.) представлены литературные произведения костромских поэтов и прозаиков, адресованные детям разных возрастных групп и молодёжи, отобранные редакционной коллегией по итогам областного литературного конкурса «Костромские писатели – детям!». Произведения имеют высокое художественное качество, возрастную направленность, пропагандируют традиционные духовно-нравственные ценности. Альманах красочно иллюстрирован, представляет интерес для семейного чтения, помогает учителям русского языка и литературы в подготовке тематических уроков и внеклассных мероприятий с использованием регионального компонента.

В 2023 году выходят в свет ещё два выпуска альманаха «Кострома».

В этом выпуске (№ 7, 2023 г.) опубликованы литературные произведения лауреатов Второго Международного литературного конкурса имени А.Н.Плещеева в номинациях: «поэзия», «проза», «литературная критика», «драматургия», «произведения для детей», «художественный перевод» и победителей Областного литературного конкурса прозы имени Владимира Григорьевича Корнилова. Цель конкурсов: поиск и продвижение талантливых авторов, работающих в различных жанрах литературы; популяризация произведений, отражающих идеи нравственности, духовного поиска человека, пропагандирующих общечеловеческие ценности, идеалы добра и милосердия; развитие литературной среды региона.

Выпуск № 8 (2023 г.) посвящён 200-летию великого русского драматурга А.Н. Островского, чья жизнь и творчество тесно связаны с Костромским краем. В нём представлены литературоведческие исследования известных костромских учёных и театральных деятелей, посвящённые творчеству А.Н. Островского и русскому театру, а также пьесы современных костромских драматургов.

Презентации выпусков литературного альманаха «Кострома» проходят в Костромской областной универсальной научной библиотеке и в Союзе писателей России в Москве.

В заключение хочется выразить благодарность руководству Союза писателей России и лично Николаю Фёдоровичу Иванову, Геннадию Викторовичу Иванову, Валерию Анатольевичу Латынину, Григорию Исааковичу Блехману, департаменту культуры Костромской области и лично директору департамента культуры Марине Александровне Назиной, а также творческому коллективу Костромской областной универсальной научной библиотеки и лично директору библиотеки Эдуарду Константиновичу Соколову за помощь в реализации литературных проектов, осуществляемых Костромской областной писательской организацией Союза писателей России.

Наталья Мусинова

*председатель Костромской областной
писательской организации,
главный редактор литературного
альманаха «Кострома»*

I. ПОЭЗИЯ

ГРИГОРИЙ КНЯЗЕВ, 32 г. Член Новгородского регионального Совета молодых литераторов СПР. По итогам IV Всероссийского совещания молодых литераторов «Химки-2021» рекомендован к вступлению в СПР. По итогам семинара от Союза писателей Москвы рекомендован к вступлению в СПМ. По результатам всероссийского конкурса от АСПИ выиграл право на издание авторской книги стихов. Печатался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Новая Юность», «Дружба народов» и др. Лауреат российско-итальянской литературной премии «Белла» (2014 г.), дипломант Международного Волошинского конкурса (2019 г.), финалист Всероссийской премии имени А.И. Казинцева. Победитель Международного литературного конкурса имени А.Н.Плещеева в номинации «Поэзия» (2022 г.).

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Нет, ночь не просто тишь да тьма,
Где сердце замирает, прячась, –
То состояние ума,
Когда острее, чем в полдень, зрячесть.

У ночи лик угрюм и строг,
И циферблат глядит сурово.
Но каждый, хоть на миг, пророк
Из всех, не спящих в полвторого.

Есть в ночи что-то от времён
Грядущих или первобытных.
Полотнища её знамён –
Меж тел нагих и беззащитных.

Созвездья встали, как войска,
На галактическом параде.
Ночь-торжество и ночь-тоска
С безуминкой в кристальном взгляде.

Едва сюжеты дня уснут,
Что слух и зренье отвлекали,
Прозрачность, призрачность минут
Проступит в сумрачном накале.

РАДОНИЦА

Прогнозы воплотились в дождь –
И ты под мостиками радуг
К родным на кладбище идёшь
Могилы привести в порядок.

Здесь, на границе двух миров,
Работать трудно, но отратно:
Полоть, стирая пальцы в кровь,
Траву забвенья рвать нещадно.

А после, от жары в поту,
Где за квадратами – квадраты,
Шагать до выхода версту,
Читая имена и даты.

Как переводы на санскрит –
Связь с запредельным и нездешним.
Лишь бабочка легко парит
От дома к дому в свете вешнем.

ЯНВАРСКОЕ

Лежат снегов кристаллы –
Природы письмена,
Чтоб вечность прорастала
Сквозь них как семена.

А мы иначе пишем,
Чем цепи аш-два-о.
Нас тянет к сферам высшим
Поэзии вещество.

Пространство языкасто.
Ломая белый наст,
Строчит поэтов каста...
О, как же много нас!

Слова – поверх друг друга,
Следов не разобрать,
И замечает вьюга
Открытую тетрадь.

Живу взаперти в своём теле и разуме, –
Почти герметичен мой тесный мирок
В пространстве, которое узкими лазами
Выводит меня за окно, за порог.

А там невзначай из тревожащей дальности –
У слуха на грани, у дня на краю –
Пустые обрывки чужой мне реальности
Зачем-то стучатся в реальность мою.

Быть может, затем кто-то крикнул, процокали
В ночи каблучки, «скорой» вырвался вой,
Чтоб сам у себя я спросил: «Одиноко ли
Тебе?» – и в ответ покачал головой.

В фотоальбом вхожу я, как в паноптикум...
Отец и мама прямо с фотоснимка
Вот-вот шагнут, мою меняя оптику,
На свадебном портрете встав в обнимку.

Пятнадцать лет большой любви туманятся...
Лишь здесь навек застыв красивой парой,
Они ещё не знают, что расстанутся,
Студентка-мама и отец нестарый.

На всё, что было, то, что есть, наложится,
За настоящим прошлое скрывая,
Но карточки чуть содранная кожа
Слегка саднит, как будто ткань живая.

Вмиг жизнь промчится мамина и папина,
Как долго бы ни жили папа, мама,
А времени широкая царапина
Срастётся-зарубцуется до шрама...

Лес наш гулок. Сквозь клёны гляну –
И увижу вблизи-вдали
Для прогулок сцену-поляну,
И почувствую мощь земли.

Слава, Гений! У насекомых,
У зверей, и птиц, и грибов,
У растений, к свету влекомых,
Воля к жизни значит – любовь.

И не просто деревом зелёным
Разлетелась Тебе хвала –
У погоста дубом и клёном
Жизнь предвечная расцвела:

«Всё творится и всё творимо,
Всё друг друга тайно творит.
Повторится неповторимо
И себя во всём повторит!»

Куда попадают тени зверей,
Когда каменеет их плоть?
Придумал ли зверям Эмпирей
Миры создающий Господь?

Пред небом слово замолвят о нас
Собаки, еноты, коты,
Предчувствуя собственной смерти час,
Что вмиг искажает черты.

Пусть люди судят: мол, звери – в раю,
Судьбы, мол, характера – нет,
Но глажу тёплую кошку свою
И вижу в глазах её свет.

Глаза её умным светом горят,
Мерцают, как твой изумруд.
Так жалко преданных милых зверят –
Неужто бесследно умрут?

В ночное море первозданное
Мы входим, как Адам и Ева.
Такое ощущение странное –
Оно не справа и не слева,

Со всею нашей подноготною,
Оно не сверху и не снизу,
Как счастье, капельку щекотное,
Подобно веющему бризу.

Мы, как столбы над морем белые,
Вдруг падаем в его объятия,
Стеснительные, оробелые,
На берегу оставив платье.

Игривы волны, месяц пялится –
Глаза лукаво заблестели...
Пльви, пльви, душа-скиталица,
В легчайшем безграничном теле!

Какой-то дурманящий запах –
От сладости до тошноты...
У пышной сирени на лапах,
Как тонкие пальцы, цветы.

Такого напора-накала
Заката, что прян и душист,
Давно уже не возникало
Сквозь ласточек радостный свист.

Весеннего переполоха
Волненья в моём городке,
И так хорошо, что аж плохо
На этом счастливом витке!

От смешанных чувств в их избытке
Почти сумасшедший азарт,
И солнце, как золота слитки,
Сдано под проценты в ломбард.

На прощанье с летним днём
Выйду на крыльцо из дома.
Солнечных лучей солома
Жёлтым стелется огнём;

В увядающей траве
Хор кузнечиков нестройный;
Остывает воздух знойный
В полинялой синеве;

Прячась, клонятся ко сну
И петунии, и флоксы...
Я ж до ночи не улёгся, –
День так жалко пролистнуть!

Будет всё: земля, вода
И зимой мечта о лете, –
Но таких минут, как эти,
Не случится никогда!

Не грусти, что лето на исходе,
Что на небе облака со льдом!
Дни, как карты в карточной колоде, –
Всё идёт обычным чередом.

День-другой – мир стихнет, и ни звука,
Онемеют сад, и двор, и дом...
И опять за встречу – разлука.
Всё идёт обычным чередом.

Без тоски глубокой, мелкой злобы
Я по кругу временем ведом,
Но куда оно, увы, ни шло бы, –
Всё идёт обычным чередом.

Лисы бродят по соседним дачам.
В увяданье верится с трудом.
Чтобы не сказать: «...к чертям собачьим»,
Говорю: «...обычным чередом».

Настольной лампе на краю
У ночи светлый гимн пою:
Спасибо, лампа дорогая,
Что ты мне светишь не мигая!

Как ты проста, как свет твой прост,
Земная дочь небесных звёзд.
В твоём задумчивом гореньи
Покой и умиротворенье.

Твой взгляд во тьме подслеповат,
А в небе в триллионы ватт
И тут, и там горят лампы –
От Андромеды до Плеяды...

Зачем так много ламп? Кому
Они, преодолая тьму,
Свой свет – то тёплый, то холодный –
Даруют на луне бесплодной?

Неужто только для меня
Без меры тратится огня,
Включается и гаснет где-то
Очередное чудо света?

Мной движет страх шагнуть в небытие,
Где никакой вещественной зацепки
За жизнь, а узы смерти слишком крепки,
Чтоб я навеки победил её.

Смерть Словом одолев на миг в году,
Всё остальное время существую,
За всякую материю живую
Беспомощно хватаясь на ходу.

Внезапно возникают на пути
Воздушные ворота и воронки,
Но постепенно рвётся воздух тонкий –
И жутко в чёрный вакуум уйти.

ЕВГЕНИЙ ПРУДЧЕНКО, 57 л., г. Алматы (Казахстан). Родился в Алма-Ате. Служил в армии. Окончил Алма-тинский нархоз. Работал начальником цеха завода художественной керамики, экспертом Департамента международных отношений Нацбанка РК. В 30 лет сменил род деятельности: увлекся журналистикой. Занимал должности корреспондента, редактора, секретаря в различных казахстанских изданиях. Автор книги «Ажар – 100 женских лиц». Сочинением стихов стал заниматься поздно, в сорокалетнем возрасте. Лауреат, дипломант, призёр ряда российских и международных литературных конкурсов. Увлекается (на уровне хобби) производственной и межличностной психологией, военной историей. Занял 2 место в Международном литературном конкурсе имени А.Н.Плещеева в номинации «Поэзия» (2022 г.).

НОЧЬ. ВНЕ ВЕНЕЦИИ

I

Моё Величество Венеция,
ночей верительную грамоту
сожгите! Звёздная аннексия
стеклу покажется и мрамору
изменой, сговором поверхности
с неравноправными стихиями,
воспламенится в ярый ревности
ко тьме, пособнице алхимии.
Великодушная, пьянящая
великосветская история –
под покрывалом настоящего
уснёт без ропота гармония,
на дне барокко обездвиженном
в мечту уляжется подножную
вся философия булыжины –
сокрыть согбенное ничтожество.

II

Прах геометрии. Движение
лагуны. Сонные артерии.
Абсурд объёма. Наваждение.
Воды апатия. Мистерии.
Отягощение пределами.
Палаццо. Кампо. Безразличие
качает шлюпки с гондольерами.
«А джорно» мессы. Крик. Каприччио.

Аллегро. Скерцо. Эпитафия
высокомерию и доблести.
Руины космоса. Под факелом
в анатомических подробностях
тьма разлагается в бессилии,
стыдясь бесславного изгнания
в трансцендентальную Бастилию.
Целует небо на прощание.

III

Иллюзии. Видений выводок.
Большое меньше грандиозного.
Надежды мост, не вздохов-выдохов.
Из состоянья коматозного
выходит время, на мгновение
забыв о собственной ненужности
в пределах соприкосновения
воды и суши, двух окружностей.

Пиано. Панцирные капсулы
досужих дождей, точно реквием,
стоят с помпезными гримасами,
мечтая скромно – о бессмертии.
Чего взалкали ваши зодчие,
призвав архангелов в свидетели?
Непостижимо многогочие
в умышленном великолепии.

IV

Вендетта солнца. Оратория.
Перемещение грядущего.
По акварели акватории
мерцает летопись: плывущие –
корсары с колотыми ранами,
торговцы с липовыми визами,
суда со специями пряными.
Всё языком прибоя слизано.

Тень крестоносца, и кого ещё
претендовавшего на царствие?
Перед оружием беспомощен
футляр аквариумный Грации.
Презрев планид увещевания
шагали варварские полчища

присвоить факт существования
средневекового сокровища.

V

Труха и пыль. И вспомнить совестно.
Проулки вымощены тайнами.
Провинциалам так несвойственно
величие монументальное,
есть что-то в нём потустороннее,
ветхозаветное, печальное... –
сиротский страх под колокольнями,
пиратский ветер над причалами.

Сто восемнадцать, нет, не холмики –
континентальные изгнанники,
обречены ведь не на подвиги –
на всесьеденье Адриатики;
да – вероятно по оплошности,
географической погрешности.
Пространство делится на плоскости,
впиваясь в тело бесконечности.

VI

Да обойдутся здесь ходящие
без надоедливых извозчиков.
Нет грациознее, изящнее
четырёхсот хрустальных мостиков!
Да зададутся здесь вопросами:
что есть дворцы и что есть капища?
и почему великороссами
гордятся глинистые кладбища?

Здесь без работы преть прозаикам
с их романической агрессией –
волна сплетается в мозаику,
восторг пульсирует поэзией
как зазеркальная энергия,
огранка магии во времени.
Овеществлённая элегия
в архитектурном измерении.

VII

Тугое небо. Искажение.
Печать отчётливая прошлого:
грех стеклодува, в искушении
воздвигнуть мир из невозможного;
в каменотёсе примесь алчности,
но глазу проще и привычнее
блуждать в тщеславной величавости
инертных запахов античности.

Химеры, странниками с флагами.
Оковы парусные пристаней.
Смирение архипелагово,
укор немой ветрам расхристанным.
К чему надуманные почести
для эфемерного... – реального.
Как мало смысла в одиночестве
бесмыслия сакраментального!

VIII

Анданте. Свесились над пропастью
столетья. Полые, случайные.
Секунды приняли по описи
сосуды с рыбами и чайками,
ларцы, набитые монетками
сестерциев, канаты с лодками,
перины с юными кокетками –
всё, из чего бельканто соткано.

Скучнеет. Ночь сжимает челюсти.
Волна наушничает темени
о сокровенном, не о вечности,
намного большем – недоверии
к застывшей тине, к аномалии
окаменевшей в исступлении,
с её капризами, канальями –
к земле! как к форме преступления.

IX

Триумф фантазии и ужаса,
прыжок в трехмерное бездействие;

атака дикого содружества
на ритуальное возмездие.
Блаженство. Смокинги и рубища
вприпрыжку с платьями помятыми
орут, ужаленные будущим,
кипят языческими клятвами,

блещут жеманно диадемами,
сияют ржавыми коронами;
снуют разбуженные демоны
в обнимку с важными буффонами,
спешат на страстное свидание
с океанидами, сиренами...
Что там осталось вне сознания? –
отжившее. Второстепенное.

Х

Плацента пустоши. Биение
некоронованной галактики.
Проточный вакуум забвения,
утечка воздуха и памяти.
Потеря ритма, такта, фабулы,
реальности, ориентации...
сюжета! Нежатся в прострации
и звездочёты, и сомнамбулы.

Желе пространства и материи,
и нет нужды в аудиенции.
Парит над призраком империи
ночь.
Вне Венеции.
Вне Времени.

МОСТЫ

1

Невесомее ветра,
тяжелее беды,
сочетают надменность
и наивность воды.

2

Что провал притяженья,
баркарола без слов,
от покоя теченья
к суете берегов.

3

В шуме чаек и галок
вынет душу Эол,
тарантелла из балок,
менуэты из волн.

4

В неделимой упряжке,
в бездорожье реки...
осторожностью Пряжки
дерзновенностью Мги.

5

Фиолетово-яркий,
не поднять головы...
инфантильность Фонтанки,
благородство Невы.

6

Под приглядом заката,
всех огней горячей,
уплывает токката
за Горелый ручей.

ВЕНЕЦИЯ. № 4

Венеция, слабая птица,
ни спеть, ни взлететь, поклониться
и то ведь, по сути, не вправе
в своей одинокой оправе.

Лазурное море без цвета,
когда не хватает цемента,
строители с камнями к славе
в её одинокой оправе

стремятся воспеть поднебесье.
Свобода, она – мракобесье!
за это ты больше не ратуй...
поймите, зрители статуй...

вдали от Медины и Мекки,
не кельты найдут, так ацтеки...
кляня ненавистную негу... –
вот здесь приземлится б Ковчегу,

тогда не искали бы корни...
Теперь прорицателей кормим
– налив по стакану от «Гжелки» –
борщом из железной тарелки.

Здесь солнцу не знать макияжа.
Турист, рядовая пропажа...
в гондоле куском бандероли...
Продлились бы вечно гастроли.

Всё мимо – и лайнер, и сейнер,
стручком в недорытом бассейне
одной из немногих гимнастик
не вобла, не кит – головоастик!

И кто я!? скажите по правде!
А может, не прав был сэра Дарвин!?
Сиж у бассейна, горюю...
а вы подсластили пилюлю?!

Я кто здесь – рептилия или
уже насекомое? Всплыли

грехи... – то ведь неповторимо –
в имперских развалинах Рима,

вдали от Везувия, Этны,
как будто проезд безбилетный –
гондола хребтом к переправе...
и кто я ей в этой ораве!?

сомнительный сгусток молекул...
а я ведь вчера бекал, мекал...
всё отдал родимой отаре...
Венеция в дивной оправе

На сонный дворец моралиста
тень ляжет от тела туриста
как ржавая сталь инородца
под свеженькой падалью солнца!

ИРИНА ИВАСЬКОВА, 41 г., г. Анапа. Родилась в 1981 году в г.Красноярске. Член Союза писателей России, член экспертного отдела Совета молодых литераторов Союза писателей России. Публиковалась в литературных журналах: «Наш Современник», «Сибирские огни», «Север», «День и ночь», «Подъём», сетевых литературных журналах «Литература», «Формаслов». Руководитель молодёжного литературного объединения «Авангард». Живёт в г. Анапе. Заняла 3 место в Международном литературном конкурсе имени А.Н.Плещеева в номинации «Поэзия» (2022 г.).

Волна свернёт и развернёт
зелёные рулоны шёлка –
порвётся там, где было тонко,
уйдёт в песок, что шло на взлёт.
Как равнодушны берега
к моим следам, слезам и смеху.
И незначительной помехой
меня считают облака –
между открытостью небесной
и тайной теснотой земли...
Летит над морем день воскресный,
и вспыхивает, и горит.

И здешний свет,
и тамошняя тьма –
всё ожидает песни и письма.
И пели мы, и письма отправляли.
Краснеет море по горизонтали,
по вертикали замерли дома –
хоронят за кирпичными боками
и здешний мрак,
и тамошнее пламя...

Читай теперь не то что между строк,
а между букв. Не в плоскости листа,
но в глубине его, где переплёт волокон
лелеет память годовых колец,
у слова есть таинственный близнец,
налитый смыслом, как чудесным соком
деревья наливаются весной.
Найди его. Прочти его. Пропой.

...Уже стемнело, фонари зажглись
и приняли – как должное, живое –
неловкий мелкий снег в свои круги,
и умножали его скудность вдвое.

Стеклянный, оловянный, лубяной
февральский день прощается со мной.

А завтра будет дождь – так говорят,
и потеплеет так, что снег исчезнет.
Взойдёт на трёхколёсный самокат
трёхлетний и решительный наездник.

Запахнет шерстью мокрое пальто,
и всё, что я скажу, не то, не то...

Коготками по крыше –
то ли дождь, то ли снег.
Не понять, не расслышать
в полутьме, в полусне.

Торопливо и больно –
от макушки к ногам
топоток треугольный
по железным листам.

Холодны, светлолицы,
пахнут льдом и водой –
это зимние птицы
прилетали за мной.

После метели

За снежные косы подвешено,
замёрзшее небо смеётся,
Запутаны, сплавлены, смешаны
и ветер, и люди, и солнце.

Всё мечется, ёжится, светится,
завалены двор и газон,
а туча уставшей медведицей
спускается за горизонт.

И белыми хлопает крыльями,
метельный продолжив балет,
украшенный надписью фирменной
и пойманный веткой пакет.

Колыбельная

Закрой глаза, я выключаю свет.
Зима придёт сюда на сотни лет,

и вот уже так плотно, тяжело
лёт иней на оконное стекло,

что ничего не видно, кроме снов –
о стёртых буквах в складках валунов,

о звёздах на изнанке тёплых век,
о маленьком измученном волхве,

о горьком дыме посреди степи –
вдохни его и поскорее спи...

Ребёнок спит. Идёт зима ко мне,
как снег идёт, как снег идёт, как снег.

Инфанта

Инфанта в кружевном воротнике
ворота миновала налегке,
во двор вошла по мраморным ступеням.
Крошиться солнцу и метаться теням,
и таять шоколадке в рюкзаке,
забытом в кинозале под сиденьем,
пока идёт инфанта до крыльца,
пока дрожит осенняя пыльца
на пальцах, кружевах и лёгкой чёлке,
и катятся блестящие, с иголки,
каштановые шарики-сердца –
сентябрь будет первым в этой гонке.
Замри, инфанта, в клеточках секунд,
они к тебе бегут, бегут, бегут,
из школы пахнет тряпками и мелом,
и прячется тепло в каштане спелом
до заморозков первых и простуд,
до первых танцев белого на белом.

Всё вздор, душа моя. Июль засчитан.
Черешня пройдена, но есть ещё инжир.
И если б лето было алфавитом,
мы оказались бы сейчас на букве Ы.

Ищи беспечности в кругу фруктовом,
где пахнет мёдом и приют ревнивых ос –
броди по рынку и кивай знакомым,
и о моих словах не вспоминай всерьёз.

За летом я, в его тугой подкладке,
усердным солнцем я расписана как хной.
Я подразумеваюсь. Я в остатке.
И всё-таки немного, но с тобой.

Плыви, моя рыба, где любо,
где камни в негромкой волне
обёрнуты в зелень,
а берег устелен
листвою в сухой седине.

От холода небо немеет,
плыви, моя рыба, домой.
А я уцелею,
осмыслю потерю,
цветной обрасту чешуёй.

И кто-то мне скажет – послушай,
ты что, позабыла слова?
Молчанка, ей-богу...
Плыви понемногу,
пора тебе, рыба, пора.

Апрель

Слово за́ слово, слово за словом –
ничего для весны не готово,
расплескалась весна по дворам.
Прошлогодние треплет газоны,
все дела её бесцеремонны,
все приёмы безжалостны к нам.

Лихорадку, и слабость, и сырость,
но весеннюю несокрушимость,
но готовность идти налегке –
обещает нам эти подарки,
нас уже рассмотрела с изнанки
и отыщет в любом уголке.

Вот младенца нам катят навстречу –
кроме крика, не знающий речи,
он родился ушедшей зимой.
Толстощёкий, тугой, ясноглазый,
целый мир затмевающий разом
бесконечно правдивым собой.

Сон

Два города становятся одним
пространством перекрёстков и паролей.
У хлебного горбатый армянин
сыпает мелочь в ковшики ладоней
своей темноволосой пацанве,
а дочке – шоколадное печенье
и яблоко в блестящей кожуре...
Пространством продолжается движение,
и улица, ведущая к реке,
приводит к морю: что за глупый морок!
Там бабушка в плаще-дождевике
воронам предлагает чёрствых корок
и тусклого дроблёного пшена.
Гремит трамвай (но здесь же нет трамвая),
и снег идёт (но вроде бы весна),
а я на старой даче засыпаю.
Глаза открою где? Окно соврёт,
закроет небеса москитной сеткой.
Пространство завершает поворот
и падает серебряной монеткой.

В сумерках

Долгих закатов тревогу
не объяснить, не унять...
Смотрит устало и строго
мальчик в пустую тетрадь:

путник идёт безымянный
по неизменной прямой
с точки одной – изначальной –
к точке конечной – другой...

Комната полнится синим,
тянется к лампе рука.
И темнота отступила,
и завершилась строка.

II. ПРОЗА

АНДРЕЙ ПУЧКОВ, 58 л. Член Российского Союза писателей и Союза писателей Крыма. Рассказы печатались в журналах: «Сибирские огни», «Енисей», «Сура», «Новый Енисейский литератор», «День и Ночь», «Страна Озарение», «Русло», «Белая скала», «Союз писателей», «Фанданго» и др. Вышли в сборниках издательства Перископ-Волга: «Вселенная новогодних ёлок», «Род: Люди», «Чужестранцы», «Мистический писатель», «Священная война» и др. В сборниках издательства Дикси Пресс: «Песня. Том 2», «Красная незабудка» и «Заблудившееся время». Победитель Международного литературного конкурса имени А.Н. Плещеева в номинации «Проза» (2022 г.).

РАЗОРВАННОЕ ВРЕМЯ

рассказ

1943 год. 18 июля...

Семёныч сосредоточенно работал рычагами управления танком, выбирая наиболее удобную для машины дорогу. Вести танк сейчас было сплошным удовольствием, так как он мог высунуться через открытый люк механика и видеть дорогу. Когда дойдёт до дела, люк придётся закрыть и обзор значительно уменьшится. Придётся полагаться на сына – командира танка.

– Ну что, батя! Как ты тут?.. – раздался над ухом крик, и Семёныч, вздрогнув от неожиданности, мельком глянул на улыбающуюся физиономию сына, который выбрался из башни и ехал на броне, ухватившись за ствол танка, чтобы не свалиться.

– Да чтоб тебя!.. Чёрт ты окаянный! – выругался Семёныч и, зажав правый рычаг, выровнял машину по центру просёлка. Машинально отметил, что надо отрегулировать бортовые фрикционы, а то машину постоянно ведёт влево.

Ехали быстро, и танк успел уйти в сторону, пока он, отвлекшись от дороги, ругался на Стёпку. Сын засмеялся и, постучав пальцами по шлему отца, полез обратно в башню...

– Вишь ты, весело ему, – беззлобно проворчал Семёныч и подумал о том, что повода для веселья у них нет. Они остались втроём: он, Стёпка да Гриша-заряжающий, а их наводчика снайпер подстрелил! Вылез тот под пулю сдуру-то!

– Батя! Давай жми вон к тому бугру, – услышал Семёныч в шлемофоне и, налегая на рычаг фрикциона, с гордостью за сына подумал: «Ничего страшного,

КОСПРОМА

Стёпка и сам наводчик, как говорится, от Бога! Не многие с ним в этом деле сравниться могут!».

Им, можно сказать, крупно повезло! Холм, на котором они заняли позицию, зарос березняком и кустами, из-за которых танк был практически не виден. Кроме того, на холме нашлось несколько заросших травой ям, поработав над которыми лопатами, экипаж получил неплохие укрытия для машины.

Семёныч сидел на земле, привалившись спиной к берёзе, и, закрыв глаза, слушал стрёкот кузнечиков. Ныли натруженные от быстрой работы лопатой руки и плечи. Торопились углубить ямы, в которые будет прятаться танк.

Усталость привычная – он всю жизнь, с детских лет, работал. Сначала помогал отцу, как мог, а когда подрос, выучился на тракториста и пропадал на колхозных полях, зачастую оставаясь ночевать в поле, так как сил возвращаться в деревню уже не было...

– Устал, батя? Держи, я тебе водички принёс, – услышал он голос сына и улыбнулся. Хороший у него сын вырос, умный, недаром командиром танка стал! Работящий, заботливый, воды вот отцу принёс. Он открыл глаза и принял из рук сына флягу.

– Спасибо, сынок! Это ты кстати водички-то добыл, а то в такую жару без неё совсем плохо было бы. Где взял-то?..

– Да здесь... недалеко, – ответил, присаживаясь рядом с отцом, Степан. – С другой стороны холма в овражке родничок образовался...

Он помолчал немного, а потом мельком, словно ему неудобно за то, что он сейчас скажет, посмотрел на отца и тихонько проговорил:

– Надо готовиться, батя... В бинокль их уже видно... Через полчаса здесь будут!..

– Ты иди, сынок... Иди, – вздохнув, пробормотал Семёныч. – Я сейчас тоже подойду, водички вот напьюсь и подойду.

Когда сын ушёл, он несколько секунд сидел, глядя под ноги на пожухшую под жарким солнцем траву, а потом тяжело поднялся и, запрокинув голову, посмотрел вверх.

Небо было чистым, чистым и голубым! У его младшей дочери Оксанки глаза были точно такие же!.. Чистые и голубые!.. Он ненавидел небо за этот цвет... Он вообще перестал любить хорошую погоду. Понимал, что это глупо, но ничего поделать с этим не мог.

Полгода назад он случайно встретился с земляком, который рассказал, что фашисты, занявшие их деревню, сожгли заживо всех жителей. Загнали в колхозный сеновал и сожгли. Его жена и дочь тоже сгорели... Его голубоглазый девочки не стало. Но сейчас этот цвет был ему нужен...

Семёныч крепко зажмурился, вызывая в памяти образ улыбающейся дочери, и, заскрипев зубами от захлестнувшей душу ненависти, пошёл к танку.

Подмяв бронированным брюхом кустарник, танк замер напротив перешейка, который им надо во что бы то ни стало перекрыть. Перекрыть и не пускать танковую колонну немцев дальше, сдерживать их столько, сколько смогут.

Позиция была проходная, Семёныч знал это. Степан сказал, что отсюда удобнее всего расстреливать первые танки, чтобы они перегородили узкий перешеек между изгибом реки и их холмом.

Семёныч высунулся в открытый люк и, прищурившись, смотрел на приближающееся пыльное облако, похожее на гигантского змея, растянувшегося вдоль дороги на несколько километров. Вот голова пыльного чудовища нырнула в лесок, проскочила его и с нарастающим лязгом стала накатывать на перешеек, стремясь быстрее проскочить опасное место.

– Давайте!.. Давайте, сволочи! – бормотал Семёныч, не замечая того, что поглаживает пальцами шершавые ручки рычагов. – Давайте! Мы вас уже тут встретим! Мы вам всё припомним, суки! Всё!.. И доченьку мою припомним!.. А сынок мне поможет... Умеет он вас бить... Будете вы тоже гореть!..

Семёныч ждал выстрела, но от грохота танковой пушки вздрогнул и машинально втянул голову в плечи.

Головной танк, почти проскочивший перешеек, резко встал и, теряя размотавшуюся гусеницу, начал медленно разворачиваться вокруг оси.

Семёныч удивился: не мог Стёпка с такого расстояния промахнуться, уж он-то знает! Знает, как его сын может стрелять!

Опять громыхнула над головой пушка, и немецкий танк замер, развернувшись поперёк дороги, идущей по перешейку. Семёныч довольно улыбнулся. Он понял, что сын первый раз специально по гусенице стрелял, чтобы танк именно так и развернуло. Попробуй-ка его теперь выдерни... поперёк гусениц-то!..

Пушка грохнула ещё раз, и ещё... А потом Семёныч услышал в шлемофоне голос сына:

– Всё, батя! Давай вывози нас отсюда!..

Семёныч, с лязгом включив заднюю передачу и довольно ощерившись, подал машину назад, с удовольствием глядя, как из подбитых танков вырывается пламя. Оно жадно пожирало не только металл, но и мечущиеся возле подбитых машин тёмные фигурки людей.

– Молодец, сынок!.. Молодец! Так их, тварей!.. – прошептал Семёныч, резко развернул машину и, стараясь не валить берёзы, направил танк на вершину холма.

2267 год. 17 августа...

Сооружение внешне было ничем не примечательным. Прямоугольный куб из пластали, возвышающийся над землёй на десять этажей и поблёскивающий во все стороны огромными окнами. Но сооружение было уникальным, и не потому, что в нём располагался один из корпусов университета по изучению полей и энергий, а потому, что на глубине в ещё десяток этажей размещалась установка, которая бросит вызов самому времени! С её помощью можно будет обуздать время. Остановить его и позволить человеку увидеть прошлое!

КОСПРОМА

На крыше здания стоял седой человек и наблюдал, как на аэроплощадку опускается транспортный модуль. Когда вытянутый, похожий на гигантскую сигару, правительственный транспортник опустился на магнитные захваты, человек решительно направился к нему, не дожидаясь, пока двери транспорта откроются.

– Профессор Литвинов Геннадий Сергеевич?! – то ли спрашивая, то ли утверждая, обратился к нему выбравшийся из затемнённого нутра машины её пассажир.

Не этого человека ожидал увидеть профессор. Прибывший был невысокого роста, полный и лысый, и постоянно улыбался, щуря маленькие глазки.

– Да-да, это именно я, – растерявшись, проговорил учёный. – Вот только, по правде говоря, я рассчитывал увидеть более многочисленную делегацию от правительства. Всё-таки такое событие!..

– Геннадий Сергеевич! Голубчик! – всплеснул пухлыми ручками лысый человек. – Ну что вы такое говорите? Какая делегация? Ну, сами подумайте... Если, кроме меня, здесь будут топтаться ещё полтора десятка таких же дилетантов? Кому от этого будет лучше? Правильно! Никому! Вам, друг мой, точно будет хуже. Поэтому принимайте меня одного... Ах да! Простите великодушно, – довольно засмеялся прибывший, – я не представился, – и он по-светски наклонил голову. – Николаев Дмитрий Владимирович.

И только теперь профессор узнал этого человека – заместителя председателя правительства! Да-а-а, представительства у этой делегации хоть отбавляй, невзирая на отсутствие свиты. А то, что он прибыл один, это да! Это очень даже хорошо!

– Простите, Дмитрий Владимирович! – смутился профессор. – Я вас, знаете ли, сразу и не узнал! Вы внешне несколько, так сказать, изменились!..

– Да полноте вам, Геннадий Сергеевич! Несколько изменился!.. Я безбоязненно растолстел и окончательно потерял свою шевелюру. До сих пор ещё в зеркале себя не узнаю! Да бог с ним, с моим внешним видом! – он взмахнул рукой, словно отгонял мух, и, улыбнувшись профессору, попросил:

– Покажите, пожалуйста, где будет происходить сие знаменательное событие. Я, конечно, далёк от физики и прочих точных наук, но любопытен. Это один из моих существенных недостатков, бороться с которым я не в силах.

– Да-да! Конечно, – смутился профессор, – прошу вас, следуйте за мной, – и он, сделав приглашающий жест, пошёл к прозрачной капсуле пневмолифта, часто оглядываясь, словно опасаясь, что гость отстанет и потеряется на пустой посадочной площадке.

– Мы сейчас находимся в самом низу? На последнем этаже? – спросил высокопоставленный гость, даже не пытаясь скрыть интереса.

Он почти уткнулся носом в прозрачную стену, отгораживающую операционный зал, в котором произойдёт переход, от мест для зрителей.

– Нет, Дмитрий Владимирович, – снисходительно улыбнулся профессор, с удовольствием наблюдая за непосредственным поведением гостя, – под нами

ещё два уровня, в которых находятся энергопроводящие и охлаждающие коммуникации.

– Охлаждающие? – удивился гость. – Простите, конечно, за глупый вопрос, но что же вы там собираетесь охлаждать?

– Да нет, что вы! Вопрос для человека, далёкого от физики, совершенно нормальный, – пожал плечами профессор и, сложив на груди руки, задумчиво проговорил. – Видите ли, Дмитрий Владимирович, в километре отсюда находится станция, от которой до этого зала проложены два кабеля диаметром полтора метра каждый.

Он посмотрел на гостя и, не дождавшись вопросов, продолжил:

– Даже не кабели, а стержни, выполненные из тугоплавких материалов, по которым подадут энергию мощностью в пятьдесят процентов от того, сколько вырабатывает гигантская страна...

– И-и-и!.. – поторопил задумавшегося профессора гость.

– ...при прохождении такого колоссального потока энергии стержни раскалятся добела, и чтобы они не расплавились, их уложили в каналы из ферробетона, заполненные охлаждающей жидкостью.

– Ясненько, – покачал головой гость и, мельком глянув на профессора, спросил. – Насколько я понимаю, вон то кольцо, – и он кивнул головой в сторону операционного зала, – и есть то место, где будет совершён переход?

– Совершенно верно, Дмитрий Владимирович! Именно это кольцо и прорвёт ткань времени!.. – проговорил профессор и, словно оправдываясь за свою самоуверенность, поспешно добавил. – По крайней мере, мне очень хочется в это верить.

1943 год. 19 июля. 18 часов 36 минут

Семёныч, откинувшись на неудобную спинку сиденья, вывернул назад голову и смотрел в мёртвые глаза сына. Он понимал, что сын мёртв, видел, как умирают! И не раз!.. Такие глаза... Разум уже осознал смерть сына, но сердце с этим не соглашалось. Оно, сердце, измученное несправедливостью всего случившегося, заставило его всхлипнуть и по-детски вытереть нос рукавом чёрного комбинезона.

– Сейчас, сынок, сейчас, – пробормотал Семёныч и, открыв люк горящего танка, с трудом вылез на броню.

От двигателя полыхнуло жаром. Семёныч даже не посмотрел в ту сторону: он знал, что танк мёртв, и ему уже не помочь. Но сына он должен вытащить. Чувствуя онемение в левой половине туловища, Семёныч перегнулся через башенный люк, подхватил сына под мышки и, застонав от пронзившей тело боли, потащил вверх...

Перед глазами, качаясь из стороны в сторону, маячила какая-то травина. Она мешала и раздражала мельтешением. Семёныч попробовал убрать её, но с удивлением понял, что не может пошевелить рукой. Тогда он отвернулся от надоедавшего мельтешения и опять увидел глаза сына... И Семёныч заплакал.

КОСПРОМА

Он сначала даже не понял, что плачет. Понял только тогда, когда почувствовал, как слёзы катятся по лицу.

– Прости меня, сынок, не уберёг я тебя!.. – прошептал Семёныч и, взяв сына за португею, потащил его подальше от горящего танка, упираясь в почерневшую траву стоптанными каблуками сапог.

Он тянул тяжёлое тело сына, всхлипывал и, глотая слёзы, повторял и повторял, как мантру: «Прости меня, сынок... Прости меня, сынок... Прости меня...». Тянул до тех пор, пока не обессилел и не лёг рядом с сыном, сжав его руку в ладони.

Он не знал, сколько прошло времени. Лежал и смотрел в небо. Смотрел и видел, как в перечёркнутой чёрными дымами вышине, зародилась яркая точка, которая быстро разрасталась и вскоре заполнила слепящим светом всё, что мог видеть умирающий человек.

2267 год. 17 августа. 15 часов

Профессор стоял в смотровой комнате и, засунув руки в карманы синего халата, наблюдал за последними приготовлениями к временному переходу. Он не вмешивался в работу команды: его люди профессионалы, и знают, что и как делать. А в его присутствии будут невольно на него оглядываться и отвлекаться.

Он это знал не понаслышке. Не всегда был профессором и руководителем проекта, который растянулся на тридцать лет и наконец-то приблизился к завершению.

Всё готово! Он это знал, но медлил, пока не увидел, как на него удивлённо поглядывают сотрудники. Машинально посмотрев на ручные часы, профессор отметил время и тихонько скомандовал: «Всё. Поехали...».

– Прямо как при первом полёте в космос! – улыбнувшись, проговорил стоявший рядом высокопоставленный гость.

– Да, Дмитрий Владимирович, – согласился профессор, – слова те же. Вот только этот временной космос для нас был более недоступен. И неизвестно ещё, когда мы со временем будем общаться так же, как сейчас с космосом!..

– Я так понимаю, сейчас начнётся? – спросил гость и кивнул в сторону операционного зала, в котором три человека, затянутые в серебристые комбинезоны, поднялись по приставной лестнице и встали на небольшой площадке в центре кольца.

– Да, они сейчас начнут, – подтвердил профессор и, мельком глянув на гостя, опять посмотрел на часы: 15 часов 9 минут...

Кольцо быстро раскручивалось вокруг своей оси до тех пор, пока не превратилось в один сплошной сверкающий шар. Как только поверхность своеобразной сферы скрыла стоящие внутри неё фигуры людей, слепящий шар стал вытягиваться вверх, превращаясь в овал.

– Верхняя часть кольца удаляется от нижней, – ответил профессор на незаданный гостем вопрос. – Сейчас и произойдёт разрыв времени, – и он снова посмотрел на часы: 15 часов 13 минут 48 секунд...

И, подтверждая слова профессора, посередине сверкающего кокона появилась темная полоса, которая быстро раздалась в стороны, отодвинув свет к краям овального контура.

Выглядело так, будто смотришь на объёмную гало-картину! Тут у тебя в комнате стены, покрытые обоями, и цветы, стоящие на подоконнике. Всё знакомое и привычное. А там, за пределами картины, – совсем другой мир!.. Профессор с трудом вытолкнул из лёгких ставший вязким воздух и опять задержал дыхание.

В очерченной чёткими границами овала картине царило другое время и место: на пожухлой от жары траве неподвижно лежали два человека, одетые в чёрные комбинезоны танкистов. Над ними, словно пытаясь спрятать от опасности, нависала выкорчеванная с корнем берёза. Ствол умирающего дерева покрывали рваные раны, будто его драл гигантский хищный зверь. Всё видимое пространство усеяно чёрными оспинами ям от разрывов снарядов и скелетами мёртвых, лишённых ветвей деревьев.

Три серебристые фигуры, следуя инструкции, какое-то время выжидали, всматриваясь в портал, а затем по очереди вошли в эту реальную картину. И сразу же на них напозла чёрная волна дыма, скрыв от глаз наблюдателей.

– Запах гари можно почувствовать только там, – охрипшим голосом сказал профессор, заметив, что Николаев принюхивается, почти прижавшись лицом к барьеру, – Дмитрий Владимирович, мы отделены от зала герметичной стеной, но если хотите, вас потом туда проводят.

– Нет!.. Благодарю вас, – почему-то шёпотом ответил гость, и отшатнувшись от прозрачной преграды, опять устремил взгляд на невероятную картину.

Когда дым рассеялся, серебристые фигуры подошли к лежащим на траве танкистам, подняли одного на руки и вместе с ним вернулись в свой мир.

– Вы говорили, что туда подаётся огромное напряжение, а почему с этими ребятами ничего не случилось? – спросил через несколько минут пришедший в себя от удивленного Дмитрий Владимирович, с интересом наблюдая, как доставленного из прошлого человека укладывают в прозрачную капсулу.

– Видите ли, – улыбнулся профессор, – время и пространство – это монстр, который способен поглощать невероятное количество энергии. Вся энергия, которую мы доставляем к месту перехода, поглощается этим прожорливым чудовищем. Так что для людей в этом плане угрозы нет, – улыбнулся профессор и облегчённо вздохнул, глядя, как увозят капсулу с танкистом, а потом посмотрел в глаза гостю и спросил:

– Но вас ведь больше интересует то, как мы решились доставить из прошлого человека, зная, что нельзя вмешиваться в события минувших дней?

– Да! Это правда! Это, пожалуй, беспокоит меня больше всего! Должность, так сказать, обязывает.

– Давайте пройдем ко мне в кабинет, – предложил профессор. – Там нам будет удобнее. Да и мне проще сдержаться, чтобы не убежать к своим людям и не начать раздавать указания!

КОСПРОМА

– ...Вы совершенно правы, Дмитрий Владимирович, когда беспокоитесь о том, что наша история может измениться, если мы вмешаемся в уже свершившийся ход событий, – профессор мерял шагами кабинет, сложив ладони и прижав кончики пальцев друг к другу. – Но, друг мой, не в нашем случае! Не в нашем!..

Николаев не отреагировал на фамильярность, понимая, что профессор сейчас в последнюю очередь думает о соблюдении правил этикета.

– Всё вот это здание, – развёл руками профессор, – занимает искусственный биологический разум. Невероятно мощный, способный совершать триллионы операций в секунду. Этот разум в состоянии просчитать вероятность событий, которые могут последовать после того, как мы заберём человека из прошлого и доставим его сюда, к нам.

Он подошёл к окну и задумался, глядя, как над зеленью леса собираются облака.

– И к какому же выводу пришёл ваш искусственный биоразум? – поторопил профессора гость, побуждая продолжить рассказ.

– Ах да!.. Прошу прощения! Задумался, знаете ли, – смущённо засмеялся профессор, оторвавшись от созерцания леса, затихшего перед надвигающимся дождём. – Так вот, вероятность изменения событий, связанных с перемещением этого человека из прошлого, равна нулю! Если коротко, то там, у себя, он погиб. Если ему не оказать помощь, то он умрёт и здесь! И ничего не изменится!

Учёный сел в кресло напротив гостя и после недолгого молчания негромко проговорил:

– Но этого война забрали не для того, чтобы дать умереть. Он будет жить здесь, у нас. И его история начнётся сегодня, когда его сердце забьётся самостоятельно. Ну а отсутствие его тела там объясняется просто: при прямом попадании крупнокалиберного снаряда тело человека перестаёт существовать.

Профессор опять задумался и начал постукивать пальцами по журнальному столику, который стоял рядом с его креслом. Потом, спохватившись, перестал барабанить пальцами по столешнице и продолжил:

– То, что структура времени по плотности не постоянна, стало известно недавно. Относительно, конечно, – улыбнулся профессор. – Уже семьдесят лет, как мы это знаем.

– Простите, что? Вы сказали, что время имеет плотность! Я не ослышался? Получается, что я могу взять время и, например, разрезать его как какой-нибудь материал, имеющий структуру и, как вы говорите, плотность?

– Вы не ослышались! – с явным удовольствием подтвердил профессор. – Именно плотность! И именно разрезать! Я ничего не имею против выражения «разрезать время».

Профессор помолчал несколько секунд, разглядывая выражающее сомнение лицо собеседника, а потом, привычно соединив перед собой кончики пальцев, сказал:

– Истины ради стоит признать, что это явление было открыто совершенно случайно. В одном из институтов группа, занимающаяся изучением молний,

снимала на высокоскоростную камеру разряд этой самой молнии. И случайно рядом с местом, куда ударил разряд, оказалась обычная мышь. О том, что в съёмку вмешался хвостатый зверёк, узнали только после того, как просмотрели запись. На ней чётко было видно, как мышь во время прохождения разряда исчезла и появилась в трёх метрах от места удара молнии. Сначала, разумеется, это посчитали дефектом записи. Перепроверили раз, два, и выяснили, что запись тут ни при чём. После этого плёнка попала в наш исследовательский центр, и была создана группа по изучению данного феномена.

– А как же тогда люди, которые погибали от удара молнии? Или же получали тяжкие увечья? Как с ними быть? Почему они не переместились во времени, как эта пресловутая мышь? Не сместились в сторону, туда, где находились до того момента, как в них попала молния?

– А как быть с теми людьми, в которых попадала молния, но они оставались целы и невредимы?! На них не было ни одной царапинки! Единственное, что они испытывали, – это ошеломление и потрясение от случившегося. Таких случаев едва ли не половина из всех попаданий молнии в людей.

– И что же это значит? Что значат все эти молнии и мыши?

– А это значит, что до сегодняшнего дня разрезание, как Вы говорите, времени было процессом неуправляемым, как неуправляема и сама молния.

– А вы, значит, научились управлять временем?

– Нет, мы пока только научились управлять энергией, при помощи которой можем раздвигать границы времени, расходуя невероятное её количество.

Учёный помолчал, а потом негромко сказал: «Свет!». Под потолком ярко вспыхнула лампами выполненная в старинном стиле люстра. Профессор ткнул пальцем в люстру и проговорил:

– Как только энергия высвободилась, то есть начала работать, излучая свет, плотность времени в комнате изменилась, точнее – уменьшилась. Измерить это изменение мы пока что не можем, оно слишком незначительно. А вот в местах, где этой энергии много, к примеру, на территории какой-нибудь подстанции, уже можем! Есть у нас уже такие приборы, Дмитрий Владимирович! Есть!

– Скажите, Геннадий Сергеевич, а если бы мы забрали сейчас не этого солдата, а того, второго?

– Это невозможно, – грустно улыбнулся профессор. – Видите ли, через несколько дней после боя, на место гибели экипажа танка, со своим дедом приехала девушка, которая была близка со Степаном, вторым воином. И они похоронили погибших прямо там, на этом холме. А позже у неё родился сын!.. Их со Степаном сын!.. И неизвестно, как бы повернулась история, если бы эта девушка не обнаружила тела Степана. Принимая во внимание фактор существования этой девушки, история с крупнокалиберным снарядом уже не сработает!.. Или сработает не так, как должно!.. Мы на такой риск пойти не могли.

– Скажите, а почему выбор пал именно на этого человека?

КОСПРОМА

– Я не знаю. Почему из десятков миллионов погибших в той войне людей искусственный разум предпочёл конкретно этого человека? Это нам ещё предстоит узнать! Но я знаю, почему было выбрано именно это время!.. Это страшное, безжалостное время!..

Профессор, задумавшись, начал постукивать пальцами по столешнице, но спохватившись, перестал и, заметно сконфузившись, поправился:

– Это я погорячился на счёт того, что «знаю». Нет, конечно, стопроцентной уверенности у меня в этом нет. Но теория есть, и в ней я уверен процентов на восемьдесят!

– Надеюсь, вы меня ознакомите с вашей теорией, – улыбнулся гость и прищурился, явно получая удовольствие от разговора.

– Да-да, разумеется, разумеется... – пробормотал профессор, встал и, опять соединив перед собой кончики пальцев, заходил по кабинету.

– Итак, Дмитрий Владимирович, вы ведь знаете или слышали о том, что человек, если хотите, тело человека, является носителем довольно значительного количества энергии? – как на лекции, хорошо поставленным голосом спросил профессор и посмотрел на гостя.

Однако дожидаться ответа не стал и продолжил:

– Если отбросить все условности, то чисто с физической точки зрения человека можно сравнить с батареей. С мощной живой батареей!..

Профессор помолчал, а потом тихо проговорил:

– А теперь представьте, друг мой, что одновременно разрядились десятки и десятки миллионов этих батарей!.. Видите ли, несколько лет этой безумной войны в масштабе времени не являются какой-то величиной. Все эти неимоверно долгие годы для человека – ничтожно малый промежуток времени. Это даже не миг. Это значительно меньше!.. И вот в этот миг выплеснулась энергия миллионов погибших людей!.. Цинично выражаясь, батареи разрядились... Энергия разом высвободилась!..

Профессор сел в кресло и, тяжело вздохнув, закончил:

– Вспоминаем нашу лампочку, вокруг которой при включении уменьшается плотность времени. Вектор поиска идёт по пути наименьшего сопротивления. Миллионы умерли, их энергия высвободилась... Плотность времени уменьшилась... Вектор уткнулся в это место...

– Это страшно, профессор!.. Раз, и батарея разрядилась, и человека не стало! Потом ещё одна, и ещё одна, и ещё... Это жуткое сравнение, профессор!

– Да, я знаю. Жуткое... Но это самое простое объяснение моей теории, и если вы объясните её другими словами, я буду чрезвычайно признателен.

2267 год. 23 августа. 12 часов 35 минут...

Открыв глаза, Семёныч долго смотрел в белый потолок и не мог понять, где находится. Слишком уж чисто и опрятно. Он сначала подумал, что это палата для офицеров, но отбросил эту мысль, так как раненых офицеров доставляли в прифронтовой госпиталь на общих основаниях. А что творилось в таких госпиталях, он знал не понаслышке, – пришлось побывать!

Выбиралось помещение, подходящее по размеру, и размещались десятки кроватей, на которых ожидали помощи раненые. На них же умирали те, кто не дождался!.. Умерших выносили, и на их место укладывали других раненых, частенько даже не поменяв бельё. И ещё Семёныч запомнил запах госпиталя! Тяжёлый, наполненный духом крови и грязных тел воздух, казалось, висел над кроватями и давил, давил на лёгкие, мешая дышать.

Раздался стук в дверь, и Семёныч, вздрогнув от неожиданности, с трудом выдал из пересохшего горла:

– Войдите.

Странно скользнув в сторону, белая дверь открылась, и в палату вошла молодая симпатичная девушка в белом халате. Улыбнувшись, она поздоровалась:

– Доброе утро, Иван Семёнович! Как вы себя чувствуете?

– Благодарствую! Хорошо, – прохрипел Семёныч и невольно закашлялся от першения в горле.

– Пожалуйста, выпейте вот это, – попросила девушка и, взяв с тумбочки у кровати Семёныча стакан, протянула его, – выпьете, и вам сразу станет легче. В горле перестанет першить.

– Скажите, а ещё кого-нибудь привезли оттуда, где я был? – спросил Семёныч и, уже зная ответ, закрыл глаза.

– К сожалению, нет, – вздохнула девушка. – Вас привезли одного! Вы всё-таки выпейте, – повторила она, и Семёныч, приподнявшись на локте, послушно выпил оказавшуюся неожиданно приятной на вкус бесцветную жидкость.

С жалостью посмотрев на уснувшего человека, девушка осторожно поправила под его головой подушку, вышла из палаты и почти столкнулась с профессором Литвиновым.

– Здравствуйте, Варя! Ну, как он? – спросил профессор, кивнув головой в сторону комнаты, где спал их необычный гость.

– Всё в порядке, Геннадий Сергеевич. Сейчас спит, по показаниям врачей должен восстановиться в течение нескольких дней.

– Отлично, отлично! – улыбнулся профессор. – Пускай выздоравливает. Когда он полностью придёт в норму, тогда я с ним и поговорю. Вы пока, Варенька, присматривайте за ним, – и профессор, кивнув девушке на прощание, направился к лифту.

– Геннадий Сергеевич! – окликнула его девушка и, догнав, пошла рядом. – Скажите, пожалуйста, а не лучше было бы воссоздать привычную для него обстановку? Мне кажется, что тогда гость легче бы адаптировался к новому для него миру. Нельзя так сразу бросать человека с головой в непривычное и новое для него место!

– Да! Мы размышляли об этом, – остановился профессор и задумчиво посмотрел на девушку. – Создать на каком-то участке привычную для нашего гостя обстановку большого труда не составило бы. Но психологи нас отговорили. Мотивировали тем, что будет лучше, если он с самого начала поймёт, что оказался не там, где ожидал. Тогда наш гость подсознательно

КОСПРОМА

подготовится к тому, что увидит вокруг нечто необычное. То, чего не было в привычной для него жизни. И я с ними согласен. Ну, а за душевное равновесие этих людей, думаю, нам не стоит волноваться...

И профессор, опять кивнув на прощание Варе, пошёл к лифту. Но через несколько шагов остановился и, обернувшись к девушке, сказал:

– Знаете, мне кажется, что если бы любой из нас пережил то, что пережили они... то жизнь закончили бы в психиатрической клинике. А они вопреки всему жили, любили, воевали, рожали детей...

2267год. 26 августа. 10 часов, 12 минут...

Семёныч уже девять дней находился в этом необычном месте, которое поначалу принял за госпиталь. Незнакомым было всё, начиная от самостоятельно открывающихся дверей и заканчивая большими окнами, в которых отсутствовали привычные перекладины и форточки. Остальная обстановка в комнате тоже необычна. Мебель сама по себе вроде знакомая: тумбочка, кровать, стулья, стол, кресло – всё привычное и понятное. Но материала, из которого были изготовлены вещи, он никогда раньше не видел.

Он стоял возле окна. Смотрел на неподвижную, застывшую поверхность небольшого озера, возле которого стояло здание, и машинально водил кончиками пальцев по гладкой, кажущейся тёплой поверхности подоконника.

За спиной раздался мелодичный звонок, и Семёныч, повернувшись к двери, негромко сказал:

– Войдите.

– Здравствуйте, Иван Семёныч! – поздоровалась, впрхнув в комнату, девушка, одетая уже не в белый халат, а обычное платье. – Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, Варенька! – улыбнулся Семёныч. – Со мной всё в порядке!

– Тогда мы с вами идём гулять! Врачи разрешили! Если мы, конечно, не будем сильно увлекаться.

– Так вы поэтому сегодня пришли не в халате?

– Да! – улыбнулась девушка. – Вам нравится? – и она, опустив голову, начала сама себя разглядывать.

– Очень! – опять улыбнулся Семёныч, глядя на девушку. – Вам синий цвет идёт.

– Тогда одевайтесь, – и Варя протянула Семёнычу плечики, на которых висели тёмно-синие брюки и белая рубашка с коротким рукавом, – а я подожду на улице.

Они гуляли по лесу. По самому обычному лесу с проложенными пешеходными дорожками, покрытыми плотным шершавым материалом, по которому было удобно идти. Сначала Семёныч подумал, что это парк, но почти сразу отбросил эту мысль. За исключением дорожек это был обычный лес. Не дикий, конечно, но и не парк, который он один раз видел, когда по надобности приезжал в город.

Устав, Семёныч присел на одну из скамеек, расставленных вдоль дорожки, и, откинувшись на удобную спинку, отдыхал. Всё-таки сказывалось тяжёлое ранение. Он был ранен в грудь и бедро, но, к своему величайшему удивлению, за несколько дней почти полностью выздоровел. Теперь на месте повреждений остались тоненькие розовые полосы, не похожие на грубые шрамы от прошлых ранений. И если бы не одышка...

Это было настолько невероятным, что Семёныч, не веря самому себе, время от времени прикасался к груди, чтобы в очередной раз убедиться в том, что пальцы не чувствуют под тонкой тканью рубашки рубцов.

Тяжело вздохнув, он прикрыл глаза и попытался вспомнить всё, что успел увидеть за время прогулки.

Станным было всё. Семёныч уже понял, что находится не в госпитале или другом медицинском учреждении. Он уже не раз порывался напрямую спросить Варю, но всякий раз его что-то удерживало, словно он боялся услышать ответ.

Потом они вышли к высоченной стеклянной башне, и когда Семёныч задрал голову, ему показалось, что верхушка этого строения парит на уровне облаков.

– Что это такое? – спросил он у Вари.

– Дом, – ответила девушка и внимательно посмотрела на Семёныча.

– Дом?! Это... в котором живут?

– Ну да! Обычный дом. Я в таком же живу, – пожал плечами Варя, – но только в другом месте, – и она махнула рукой в сторону, где предположительно жила.

– Дом... – повторил Семёныч и, посмотрев на девушку, добавил:

– Я раньше таких домов не видел. Они хорошо заметны, а это плохо...

– Нам пора возвращаться, – улыбнувшись, не дала ему договорить Варя, – а то врачи долгие прогулки ещё не разрешали.

После ужина Семёныч опять вышел на улицу и направился к озеру. Он уже несколько дней ходил сюда, с недоумением рассматривая непривычную обстановку. Вот и сейчас, подойдя близко к воде, смотрел, как скользит по неподвижной водной поверхности пара чёрных лебедей. Он таких птиц никогда не видел – это было красиво.

Народу на улице прибывало, и Семёныч стал разглядывать гуляющих людей. Он не слышал, о чём они говорили, но, судя по их беспечности и непринуждённости, о войне никто не упоминал.

А он за последние годы уже привык, что все вокруг говорят только о войне. Кто бы о чём ни говорил – всё сводилось к войне: к танкам, бомбёжкам, фашистам, потерям, снарядам, раненым и убитым. К эшелонам с боеприпасами и продовольствием, к эшелонам с подкреплением!.. Война, война и война! Казалось, что людям и говорить больше не о чем. И он к этому привык. И уже считал нормальным.

Тяжело вздохнув, Семёныч осмотрелся. Здесь войны нет. Не именно в этом месте или где-то рядом. Войны не было вообще! Он не чувствовал её. Семёныч знал войну. Знал, как она выглядит и как пахнет. Войне было

КОСПРОМА

подчинено всё: и жизнь, и смерть. И люди привыкли к этому и беспрекословно отдавали всё, что она требовала. Война заполняла всё пространство, и спасения от неё нигде не было.

А здесь мир! Это другой мир!.. И люди другие... Они не знали, что такое война... Это по ним сразу видно, и одеты они по-другому...

2267 год. 30 августа. 11 часов 22 минуты

Геннадий Сергеевич шёл к Гринёву Ивану Семёновичу, к человеку из прошлого. Человеку, которого они выдернули из 1943 года за несколько минут до смерти. Оттягивать встречу дальше нельзя.

Ивана Семёновича в комнате не оказалось, и профессор, вызвав лифт, поднялся на крышу здания, где была обустроена смотровая площадка. Он знал, что тот проводит здесь много времени.

– Здравствуйте, Иван Семёныч, – выходя из лифта, улыбнулся профессор и протянул руку вставшему ему навстречу танкисту. – Меня зовут Геннадий Сергеевич, я являюсь руководителем института, в котором вы находитесь, и мне надо многое вам рассказать.

Он готовился к этому разговору. Стараясь избегать научных терминов и слов, непонятных человеку из прошлого, он рассказал всё.

Семёныч слушал внимательно, не перебивал и не задавал вопросов, а когда профессор закончил рассказывать, негромко проговорил:

– Да, я уже понял, что нахожусь не там, где должен. И если бы не видел всё собственными глазами и не почувствовал это, – и он приложил руку к месту на груди, где был шрам, – то не поверил бы.

Семёныч вздохнул и, посмотрев в глаза профессору, спросил:

– Зачем вы меня забрали в своё, как вы говорите, время?

– Ну как же зачем?! Чтобы хотя бы вы жили! – развёл руками профессор, словно хотел обнять всё, до чего мог дотянуться. – Вы ценой собственной жизни и ценой жизни своих детей, отстояли для нас этот вот мир! Наш мир!.. Прекрасный мир!..

– Да, идёт война ... – ничего не выражающим, бесцветным голосом ответил Семёныч и посмотрел в глаза профессору. Тот, встретившись с ним взглядом, осёкся и медленно опустился в одно из кресел, расставленных по смотровой площадке.

– Мы воюем вот за это... за ваш наступивший мир... – и Семёныч, подойдя к прозрачному ограждению, установленному по периметру смотровой площадки, посмотрел на зелёное море листвы, из которой вдалеке сверкающими мачтами вздымались высотные здания.

– Но ведь это и ваш мир! Вы как никто другой заслужили право жить в нём! Это всё и ваша жизнь тоже!..

– Нет, – пробормотал Семёныч и тяжело опустился в соседнее кресло, – моя жизнь осталась там, возле сына... рядом с которым умер и я.

Он помолчал, а потом спросил:

– Скажите, пожалуйста, Геннадий Сергеевич, а вы можете вернуть меня обратно... туда... к моему сыну?..

– Но-о-о!.. Как же так?!.. Не понимаю. вы же... Вас же не станет... Вы же умрёте... – начал было профессор, но закончить не смог, горло перехватило. И замолчав, он с ужасом посмотрел на этого странного человека.

Не замечая, что творится с собеседником, Семёныч встал, опять подошёл к ограждению и замер, прижавшись лбом к прохладной поверхности.

– Я помню, как держу мёртвого сына за руку, – наконец, тихо проговорил он. – Я чувствую его руку... и до сих пор не могу её отпустить... У меня нет сил разжать пальцы... Я... вместе с ним умираю опять и опять...

Проглотив застрявший в горле комок, профессор с трудом выговорил:

– К сожалению, это решение не в моей компетенции, но я подумаю, что можно сделать...

Рабочий день давно закончился, но Геннадий Сергеевич всё еще находился в кабинете и, стоя у панорамного окна, наблюдал, как густеющие сумерки медленно наваливаются тёмным телом на окружавшее пространство, изгоняя из него свет.

Когда стемнело, профессор сел в кресло и, удобно вытянув ноги, задумался, в который раз прокручивая в голове мельчайшие детали удачного опыта: «Всё прошло без единого сбоя или какой-нибудь досадной накладки. Все системы работали чётко и слаженно. Эксперимент с перемещением во времени, можно сказать, прошёл успешно...».

Профессор поморщился, как от зубной боли, и потёр пальцами виски, сиюсь удержать ускользающую мысль. И удержал!.. Осознал её!.. Как во сне он встал с кресла. Подошёл к встроенному в стену бару, взял бутылку коньяка и, налив полстакана, залпом выпил, не чувствуя ни крепости, ни вкуса напитка. Повертел пустой стакан в руках, словно недоумевая, откуда он взялся и, поставив его на стол, прошептал:

– Ну, конечно... Это всего лишь эксперимент... Что же ещё?! Я, самонадеянный глупец, провёл над этим человеком эксперимент и заставил его вновь и вновь переживать смерть сына... Господи!.. Простишь ли ты меня?!

Невзирая на поздний час, профессор взмахом руки над встроенным в стол сенсором вызвал трёхмерную модель наборной панели. Набрал на виртуальных кнопках код экстренной связи с секретариатом правительства.

Ответ пришёл через пару минут: посреди профессорского кабинета появилась голограмма молодого человека, одетого в строгий деловой костюм. Увидев профессора, он улыбнулся и, склонив в приветствии голову, поздоровался:

– Здравствуйте, Геннадий Сергеевич! Как ваше здоровье?

– Здравствуйте! Простите, не знаю, как к вам обращаться, – смутился профессор, – но у меня возникла острая необходимость поговорить с Дмитрием Владимировичем.

– Это не может подождать до утра?

– Я думаю, что нет!.. Не может! Это касается известного ему проекта, – профессор помолчал несколько секунд, а потом негромко добавил, – от этого

КОСПРОМА

разговора зависит жизнь человека!.. Я думаю, что Дмитрий Владимирович поймёт меня.

Молодой человек кивнул и попросил подождать, пока он свяжется с Дмитрием Владимировичем. Голограмма с чуть слышным звоном распалась на мелкие искорки, которые зависли на пару секунд в воздухе и погасли. Сев за стол, профессор с тоской подумал, что оказалось вопрос, связанный с жизнью человека, может заключаться не в том, чтобы сохранить эту самую жизнь, но и в том, чтобы её прервать.

Разрешение он получил. Профессор нашёл слова, которые убедили заместителя председателя правительства в том, что Гринёва необходимо вернуть назад, в его время. Но если бы его попросили повторить сказанное!.. Он, к своему стыду, не смог бы ничего вспомнить.

На следующий день на утренней планёрке Геннадий Сергеевич объявил, что они опять начинают подготовку к переходу, чтобы вернуть в 1943 год человека, которого с таким трудом и такими затратами доставили в настоящее время.

Подготовка к переходу заняла несколько дней и отняла уйму времени и сил. Несмотря на занятость, Геннадий Сергеевич ещё не раз пытался уговорить Гринёва остаться, однако безуспешно. Иван Семёнович внимательно выслушивал доводы и неизменно отказывался.

Но у профессора оставался ещё один аргумент, довод, с помощью которого он рассчитывал всё же уговорить этого странного человека остаться.

– ...Я знаю это, Геннадий Сергеевич, – с улыбкой ответил Семёныч, когда профессор сообщил, что у него родился внук. – Степан перед тем боем сказал, что я стану дедом, вот только мы не знали, кто будет! Он продолжил наш род... Мой мальчик никогда меня не подводил... Хотя бы поэтому я должен остаться с ним.

– Иван Семёнович, я прошу вас не совершать самоубийства! Вы же понимаете, что это самоубийство?!

– Нет, это не самоубийство. Невозможно убить самого себя, будучи уже мёртвым, – усмехнувшись, ответил Семёныч и, кивнув профессору, вышел из комнаты.

Геннадий Сергеевич знал, куда он пойдёт. Этот непостижимый человек часами сидит на лавочке возле озера и смотрит на чёрных лебедей.

– Почему он так поступает? – судорожно вздохнула Варя. – Почему не хочет жить? Он же совершенно нормален! А нормальный человек должен хотеть жить! У них что, осознание жизни было другим? Они не боялись смерти? Или считали человеческую жизнь не такой ценной, как мы считаем?

– Нет, Варенька, наши предки как никто знали цену жизни. Но поистине великим их поколение делает то, что они знали цену чужой жизни. Потому и умирали за других людей, не раздумывая! Отсюда и массовый героизм, и потрясающее самопожертвование!

Профессор подошёл к окну и точно так же, как Семёныч, прижался лбом к стеклу.

– И что теперь будет?

– Все вернутся на свои места... Я на своё, ты на своё, и он тоже вернётся туда, где должен быть.

– Он умрёт...

– Да, он умрёт! – тяжело вздохнул профессор и вдруг спросил:

– Скажи, пожалуйста, что ты знаешь о той войне? О самом кошмарном событии двадцатого века, да и не только двадцатого?

– Ну-у-у, я специально не изучала этот период... – начала было девушка, но профессор её перебил:

– Другими словами, ты не знаешь практически ничего. Мы уже забыли. Вернее, помним о том, что когда-то очень давно была война, и погибло много людей!.. На этом наши познания заканчиваются. И это в нашей стране! Про другие страны я вообще молчу! Зачем, спрашивается, вспоминать давно прошедший ужас? Зачем напоминать себе о той крови и грязи, что несёт война? Зачем ворошить миллионы разорванных снарядами тел солдат и миллионы трупов замученных в концлагерях людей? Зачем? Это ведь так неприятно и страшно!.. Пускай они покоятся с богом! Мир ведь стал таким чистым и красивым, надо жить в нём и радоваться!..

Профессор повернулся к девушке и, привычно сложив перед собой кончики пальцев, извинился:

– Прости, пожалуйста! Я немного не в себе от того, что нам предстоит сделать. Это даже и самоубийством-то не назовёшь. Мы становимся соучастниками эвтаназии совершенно здорового человека! Нервничаю... Вот и сорвался.

Девушка грустно улыбнулась:

– Мне тоже, Геннадий Сергеевич, не по себе... До слёз не по себе! Я не знаю, как мы с этим жить дальше будем?

– Как с этим жить дальше? – задумчиво повторил профессор. – А вот это как раз просто, очень просто. Мы, я имею в виду вообще всех, никогда не сможем стать такими, как они, – и профессор кивнул в сторону озера, возле которого на лавочке сидел Семёныч. – Но попытаться духовно приблизится к нему... к ним!.. Хотя бы приблизиться... Мы должны попробовать. И начать с изучения той войны. Не для расширения кругозора, не потому, что так надо, а для того, чтобы наша собственная душа не сузилась и не сошла на нет!

Профессор подошёл к окну и после довольно длительного молчания тихо сказал:

– Знаешь, я больше всего на свете боюсь, что он решил уйти от нас из-за того, что мы изменились и стали другими!.. Что мы забыли ту войну, и он это понял!

2267 год. 3 сентября. 15 часов 18 минут

– Я не знаю, как это произойдёт и что вы будете чувствовать, – тихо проговорил профессор, глядя в глаза Семёнычу, одетому в форму танкиста. – Думаю, вы будете чувствовать то же, что и в последние минуты своей жизни.

КОСПРОМА

Вы не будете помнить того, что произошло, что вы были здесь, так как в то время вас ещё с нами не было.

Он помолчал и, кивнув в сторону шлюза, ведущего в операционный зал, сказал:

– Как только войдёте в эти двери, сразу уснёте. Мы усыпим вас намеренно, так вам будет легче.

Профессор опять помолчал и спросил:

– А может быть, вы всё-таки...

– Нет, я не передумал, – улыбнулся Семёныч и, протянув руку профессору, попрощался. – Не поминайте лихом, Геннадий Сергеевич! Я думаю, что у вас всё получится!..

1943 год. 19 июля. 18 часов 47 минут

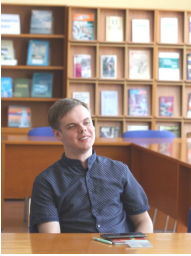
... Он тянул тяжёлое тело сына, всхлипывал и, глотая слёзы, повторял и повторял, как мантру: «Прости меня, сынок... Прости меня, сынок... Прости меня...». Тянул до тех пор, пока не обессилел и не лёг рядом с сыном, сжав его руку в ладони.

Он не знал, сколько прошло времени. Лежал и смотрел в небо. Смотрел и видел, как в перечёркнутой чёрными дымами вышине, зародилась яркая точка, которая быстро разрасталась и вскоре заполнила слепящим светом всё, что мог видеть умирающий человек.

2267 год. 3 сентября. 15 часов 23 минуты

Возле небольшого искусственного озера на скамейке сидела девушка в синем платье и плакала. Слёзы, скатываясь по щекам, падали ей на руки...

РОМАН РАЗЖИВИН, 28 лет. Родился и вырос в Костроме, живёт в Петербурге. Писать начал в прошлом году, за это время: попал в лонг-лист премии А.И. Левитова, стал финалистом Всероссийского фестиваля им. Л.И. Ошанина, стал победителем конкурса «Литературные резиденции». В настоящее время работает над повестью и продолжает писать рассказы. Победитель Конкурса «Литературные резиденции» АСПИ в номинации «Проза». Занял 2 место в Международном литературном конкурсе имени А.Н. Плещеева в номинации «Проза» (2022 г.).

ВОЛЯ К ЖИЗНИ

рассказ

Промозглый ветер, небо темнее, чем земля. Бесконечный вой в ушах, влага в воздухе тяжелее пудовой гири. Этот край никто не выбирал. Скалы торчат так, словно хотят проткнуть небо. Порвать это чёрно-серое полотно, чтобы хоть один солнечный луч испугал эту мёртвую землю – мечта многих. Деревья гнутся в поклоне суровому морю, наверное, они никогда и не знали, как стоять прямо. Вскоре ветер переменится и будет склонять их в сторону безжизненных болот. Безжизненность – визитная карточка этих мест. Она здесь повсюду: в глубине леса, в почве, в камнях, в убийственных волнах, обрушивающихся на скалы многотонной мощью, во взглядах местных жителей.

Три таких обречённых на здешнюю жизнь человека пришли сегодня утром на местный аэродром – единственный символ того, что отсюда есть выход. Сегодня прилетит самолёт или... то, что у них принято называть самолётом: развалюха, которой уже давно без разницы – в каких условиях её поднимают в воздух, она и в ясный день не имела права летать. Так уж повелось, что эта развалюха, какой бы она ни была, всегда становилась важной деталью особо значимых событий местного масштаба. Важное событие здесь бывает только одно – приезд. А приезд тут бывает с периодичностью кометы Слотера-Бернхема, примерно раз в 11 лет. Сегодня был именно такой день.

Вой мотора развалюхи никогда не был слышен за воем ветра, и три пары глаз со взлётно-посадочной полосы были устремлены в свинцовое небо. Стихия беспощадно трепала их шарфы и капюшоны, но они привыкли и твёрдо держались на ногах, не собираясь отдавать ветру поклон. Вскоре болтающаяся в воздухе, как пчела в урагане, развалюха появилась в двухстах метрах от встречающих. Если не грохнется пузом о камни – доставит приезжего потрёпанным, испуганным до смерти, но живым.

Молодой Сергей Вольнов молился на всех языках, будучи неверующим. Он остуился в жизни всего раз, но клялся, что не заслуживает такого наказания. Стремительно приближающаяся в иллюминаторе земля не

КОСПРОМА

приносила чувства облегчения, наоборот, страх выворачивал нутро. Сергей мечтал не о том, чтобы выжить, а о том, чтобы всё это поскорее закончилось.

Трое местных двинулись в сторону кое-как приземлившейся развалюхи в тот момент, когда с неба обрушился страшный ливень, прибывая к земле с яростью молота. Пилот даже не вылез из кабины, а местные схватили приезжего под руки и поволокли в деревянный амбар. Сам он весь дрожал и едва волочил ноги. Его весьма неприветливо бросили на деревянный стул и грохнули кружкой перед самым носом, плеснув в неё что-то горячительное, по запаху напоминающее водку. Пойло залпом проскочило в глотку и растеклось в желудке теплом.

– Не боись, дрожь ща уймётся, не ты первый. Но погодка могла быть и получше, эхх... ага... гхм. Как звать-то?

– Сс... еррё... гга .

– Да, отстань ты от него, Горбач! Плесни лучше парню ещё, мы застряли тут, пока лить не перестанет.

Троица разглядывала приезжего с неподдельным любопытством. Наверное, глядя на него, они представляли, как сейчас выглядят все городские. Перед ними был молодой человек лет двадцати пяти с мертвенно-бледным лицом и прилипшими ко лбу волосами. Он был закутан в синий пуховик, который все трое сочли модным городским, и всё ещё дрожал внутри него не то от холода, не то от страха. Любопытствующая же троица – простые деревенские мужики. Ближе всех к Серёге сел Горбач. Он был долговязым, худым и высоким, работягой по виду, а ещё... слегка горбатым. Двое других – Карл и Сеня, они были братьями. Первый помладше, низкого роста и очень пухлый, все в деревне удивлялись – как он только находит себе прокорм, где даже крысы мрут с голоду. Второй постарше и ростом чуть выше, стройный – младшему в укор, видимо, тот объедает всю семью. Сергей глядел перед собой опустошённым взглядом, остальные сидели молча, каждый думая о своём, изредка прикладываясь к бутылке водки и причитая насчёт непогоды. Прошло минут двадцать, ливень не умолкал. Горбач снова завёл:

– Ну, чё успокоился? Знатно вас там потряхало. Каким боком ты попал-то сюда?

Карл и Сеня подняли головы и упёрлись взглядом в рот Серёги, мечтая услышать что-то невероятное.

– Случайно...

– Эй, парни, слышали? В нашу-то дыру и случайно! – Горбач повернулся к остальным с явной ухмылкой. – Ну, ты давай выкладывай по порядку, нам тут до вечера торчать. Сеня, верни бутылку!

– У меня был выбор: полтора года тюрьмы или три года у вас на маяке.

– И ты выбрал маяк? Дурень! Тебя б отпустили досрочно, полтора за убийство не дают, а всё остальное – хрень собачья!

Карл решил встрять:

– Эй, Горбач, а чё дурень-то? Его потом на работы-то возьмут со статьёй? Пральна решил, что маяк выбрал, всё ж свобода!

– Да эта свобода хуже неволи, поперёк горла застряла!

– А лет-то те сколько? – обратился Горбач к Серёге.

– Двадцать п-ять.

– Ну и чё ты с властями не поделил?

– Да... Не в то время, не в том месте.

– Да, на понт тебя взяли, вот что!

– А вы сами-то что на маяк не идёте? Занятые слишком? – Серёга насутился.

– Так если б мы пошли, дяляга, ты бы в тюрьге барахтался.

Карл подскочил, словно ему на большую мозоль наступили:

– Ишь чё, приезжий! Местным-то деньгу башлять надо, а чинуши не хочут нам зарплаты подписывать. Вот и тащут эков, у которых выбора нет. Маяк уже пятнадцать лет не работает, на кой хрен он им нужен – одному чёрту известно. Может, по бумагам он рабочий, хрен его знает, вот только корабли у нас тут тоже не ходют.

– Так он даже не работает?! – удивился Серёга.

– А ты чё думал? На настоящий маяк тебя бы хрен кто пустил, там образование надо.

– Так и чё я там делать должен?

– Жить и следить, как он разваливается.

– Бред какой-то.

– До тебя мужик был по своей воле тут. Договор с ними подписал, что пять лет тут жить будет за просто так, какие-то записи всё делал, мож, стихи писал, кто его знает.

– И что в итоге? Уехал? – с надеждой спросил Серёга.

– Не-а... – проглотив рюмку водки, сказал Горбач, – волки сожрали, всё лицо обглодали твари, живого места не было, месяц прошёл уж. Поэтому тебя и прислали.

– Охренеть...

От аэродрома до деревни было пять километров, которые преодолевались местными жителями пешком. Автомобилей тут не было, как и дорог. Лет пятнадцать назад, когда в этих краях изредка проплывало хоть что-то похожее на корабль, на деревню обращали больше внимания; сейчас же всё медленно умирало. Из местных немногие были смельчаками, кто решался на побег из этого гиблого места. Но назвать трусами тех, кто остался, медленно умирая вместе с деревней – язык не повернётся. До маяка от ближайших населённых домов было ещё пять километров. Расстояние, которое растягивалось до бесконечности, стоило выйти в путь в сумерках под волчью серенаду, бывшую тут нормальным явлением.

Вся компания преодолела первую часть маршрута и остановилась у Горбача на обед. Убранство его дома несильно отличалось от амбара, где они пережидали ливень. Все четверо пообедали какой-то похлёбкой. Сергей протрезвел ещё во время прогулки от аэродрома и вышел наружу, чтобы окинуть взглядом деревню, пока остальные откупоривают очередную

КОСПРОМА

бутылку. «Лучше бы я сперва выпил ещё», – возникло в уме Сергея, когда он увидел полуразрушенные деревянные дома с окнами без стёкол, законопаченными подручными обломками какого-то мусора. «Неужели и здесь люди живут?» – спросил он в пустоту. Ответа не было, но всё было понятно без слов. Он вернулся.

– Сегодня дальше не идём. Опасно. Утром проводим тебя на маяк. Высыпаться нормально, – скомандовал Горбач.

Сергею ничего не оставалось, как просто подчиниться происходящему. Даже самый жуткий день рано или поздно кончается. Карл и Сеня отправились домой. Настала ночь. Скомкавшийся матрас впиался в позвонки – другого Сергей и не ждал. Сейчас он мог вырубиться даже стоя. За ночь он дважды вставал по нужде, справлять которую нужно было, конечно же, на улице. Каждый такой раз, он словно заново осознавал, где находится. Отрезвляющая прохлада врзалась в разум не хуже волчьих клыков. «Не хватало ещё воспаления лёгких», – думал Сергей и возвращался туда, где тепло. Спать оставалось не больше 4 часов.

Утром свинцовое небо, пропускавшее тонкие лучи рассеянного света сквозь прохудившиеся облака, выглядело, как лёд с прогалинами. После плотного завтрака, захватив несколько сумок с припасами (доставленными вместе на развалюхе), полагающимися зрителю маяка, Горбач повёл Сергея дальше. Они шли по каменистым склонам, углублялись в лес, снова выходили ближе к берегу. Горбач постоянно твердил Сергею, чтобы тот запоминал путь, потому что ему придётся ходить одному. Тучи висели неподвижно, уходя за горизонт.

– Привыкай к погоде, приезжий, здесь это норма.

Не хватало бы и пальцев на руках, чтобы сосчитать, к чему Сергею предстояло привыкнуть, но он старался принимать всё, что для местных было нормой. Они вышли на возвышенность: небольшой холм окружали деревья.

Горбач кинул сумку на землю и скомандовал на привал.

– Тут это и случилось.

– Что?

– Бедолагу загрызли, что до тебя был.

– Откуда тут вообще волки?

– А почему бы им тут не быть? Этих бродяг везде хватает.

– А оружие есть на маяке?

– Да на всю деревню, дай бог, одно ружьё, тебе его точно не видать.

Они посидели молча минут пять, давая ногам отдых. Сергей то и дело озирался по сторонам, сердце стучало.

– Слушай, Горбач, неужели, вас устраивает такая жизнь?

– А другой-то нет, – спокойно ответил Горбач, словно ждал этого вопроса.

– Почему вы не свалите отсюда? Здесь же невозможно...

– Ну, может, потому, что это дом?

- Да, на хрен нужен такой дом?
- Ха, опять же, другого-то нет, приезжай.
- Ваша деревня поддыхает. Чем вы тут вообще живёте?

– Рыбу ловим, вон на том берегу, – Горбач ткнул пальцем куда-то в сторону.

– А дальше что? Ты понимаешь, что твой последний день будет точно такой же, как сегодняшний? Ничего не поменяется.

– Слушай, ты умного не корчи, делюга. Может, деревня идохнет, но даже это можно сделать чин по чину. А где лучше? В ваших ср...х мегаполисах? Да, у вас там тоже всё гниёт, только вони вы не чувствуете, нос мишурой забили и делаете вид, что всё как надо.

– Да, в вас воли к жизни ни на грамм.

– Ты тут второй день, вот и бойкий донельзя. Твоя воля к жизни, а точнее то, чё ты так зовёшь, сгинет уже через год. Либо успокоишься, либо повесишься на хрен.

Пространство пронзил волчий вой, неопытному туристу, такому как Сергей, могло показаться, что это было метрах в десяти. А Горбач продолжил:

– Во! Ещё третий вариант нарисовался. Волки сожрут! Они у нас по зрителям спецы, вот чё. Давай шевелись, вон твой маяк.

Под пронзительный скрип входной двери они вошли внутрь дома, стоявшего у подножия маяка. Целый ворох крыс разметался в разные стороны, на месте остались только те, что были мертвы. Вонь стояла – хоть топор вешай. И без того скучная обстановка была погрызена и приведена в полную негодность. Весь пол был усеян перьями, чем-то белым, вроде муки и крысиным дерьмом.

– Мда-а... – протянул Горбач, – этот дурень муку же здесь хранил, а как его не стало, так никто сюды и носа не казал. Советую жить на самом маяке. Крыс тут, что мама не горюй, сгрызут раньше волков.

– Слушай, Горбач, мог бы ты не упоминать волков настолько часто?

Знакомство с маяком прошло более тепло, чем с предназначенным для жизни потрёпанным домишком. Внутри маяка было сухо, много вещей для быта осталось от предыдущего зрителя. Помещение на первом этаже походило на жилое. Судя по всему, предшественник Сергея развёл в доме крысятник и переехал жить сюда. Однако чистота и уют сохранились до сих пор. Ветер сюда не проникал, крысы не могли пробраться через крепко сбитую и плотно закрывающуюся дверь, щелей не было. Узкая винтовая лестница вела на самый верх, и Сергей дважды поднялся и спустился по ней. Помещение наверху имело круговой обзор и позволяло окинуть взором все окрестности на много безжизненных километров. Горбач кинул сумку с припасами на первом этаже и попрощался с Сергеем, удостоверившись, что тот помнит обратную дорогу. Наконец, впервые с момента прибытия Сергей

КОСПРОМА

остался один. Ему ещё предстояло вслушаться и взглядеться в своё собственное отчаяние и безысходность. Он снова поднялся на самый верх и, облокотясь об ограждения, долго сверлил взглядом непокоримый океан. «А так ли уж у меня нет выхода?» – вопрос в пустоту, самому себе.

Будни Сергея потекли блёклой вереницей тусклых фонарей, затухающих от всплесков волн неласкового серого океана. Первые несколько дней он не вылезал с маяка, уничтожал припасы и смотрел на все четыре стороны, представляя себя властелином никому не нужных земель. Времени было предостаточно, а Сергей был предоставлен себе. Припасов должно было хватить на тридцать дней, а это означало, что посещать деревню нужно минимум раз в месяц. Сергея пугала одинокая прогулка, волчий вой отдавался эхом из прошлого в настоящее. Он старался не думать о том, что рано или поздно придётся проделать этот путь. Расстояние было невелико, при желании в деревню можно было мотаться хоть каждое утро, если от одиночества сходишь с ума, но Сергей ходил с ума от страха перед опасностью. Он даже не знал, чего боялся. Он никогда не сталкивался с волками, всё, что он знал – это то, что они могут убить, и страх неизвестности съедал ещё больше, чем страх смерти. Он бы очень хотел, чтобы кто-то из местных навевался к нему изредка, занося продукты и избавляя от пугающей прогулки, но для местных его страх не был достаточной мотивацией.

На маяке было электричество, что, по сути, являлось роскошью, было много литературы о том, как маяк устроен. Забавно, но сейчас эти книги не имели абсолютно никакого смысла, однако Сергей всё равно их читал, чтобы скоротать время, а иногда искренне тосковал от того, что ему достался такой маяк. Судя по описанию в книгах – это довольно интересная работа. Он стал разбираться в сигналах маяков, узнал про линзу Френеля, изучил навигационные свойства и классификацию маяков. Исследовал радиотехническую рубку и даже провёл пару воображаемых переговоров по радиации – так, от безделья, но по всем правилам, как было описано в учебнике. Так он узнал, что его маяк был опознавательным и когда-то служил для обозначения опасного места. Иногда Сергей копался в макулатуре, оставшейся от предыдущего смотрителя: там были какие-то открытки с большой земли, дневниковые заметки, в которых их владелец описывал недружелюбный край, несколько ящиков битком были заполнены рисунками этого самого маяка. Теперь было понятно, чем занимался тот бедолага. Под грудой таких картин Сергей нашёл рамку, в которой под стеклом находилась бумага, стилизованная под древний пергамент. Надпись на ней гласила:

*«Огонь внутренний да будет выпущен вовне,
Пламя твоё пусть станет сигналом миру,
Да будет тебе призванием твоя работа.
Да будет тебе счастьем твое призвание»*

Вероятно, это было какое-то напутствие для зрителей маяка. Сергей протёр рамку от пыли и поставил на стол. Хоть что-то позитивное должно быть на этой богом забытой земле. Засыпал и просыпался Сергей каждый день, глядя на эту надпись.

Припасы предательски кончились на исходе четвертой недели. Сергей отринул страх и, взяв что-то наподобие перочинного ножа в качестве мнимой защиты, поутру двинулся в путь. Он заставлял себя идти уверенно и бодро, и страх позволял ему это делать, швырнув ему в руки поводья иллюзорной свободы, продолжая контролировать его разум из тени. Хрустнула ветка — сердце бьётся в груди, как пулемёт. Волк?! А... Нет. Какая-то большая птица слетела с одного дерева на другое. Шаг стал менее твёрдым. Бывает, человек находится в такой стадии страха, когда он подсознательно пытается быть крупнее и громче: начинает петь песни, колотить по железной кружке, кричать в пустоту. Сергей был на той стадии, когда хотелось провалиться под землю и ничем не выдавать своего присутствия. Лес жил своей жизнью, Сергей не жил вовсе. Кое-как взяв себя в руки, он продвигался вперёд, вспоминая места, через которые проходил с Горбачём. Внезапно случилось то, чего он так боялся. Выйдя из леса на опушку, он оказался лицом к лицу с тем холмом, на котором нашли бездыханное тело его бедного коллеги. Сергей боялся этого места, он отворачивал взгляд, будто мертвец до сих пор лежал там и отпугивал своим видом всех, кроме волков. Украдкой, по возможности быстро, он пробирался по кромке леса дальше вглубь, нащупывая тропу, которой тут не было. Резкий шорох в листве, стремительное движение, силуэт за кустами. Это конец. Сердце ушло в пятки. Теперь это точно был волк.

«Зачем я пошёл сюда? Разве не очевидно, что волки теперь дежурят возле этого холма?» – думал Сергей. Ноги его подкосились, он был готов принять свою судьбу. И стоило ради этого жить?

Резкая боль в руке, капли крови бойкой шеренгой устремились в траву, бесполезный перочинный ножик выпал из ладони на землю, звонко ударяясь о небольшой камешек.

Мгновение. Тишина. Осознание. Спohватившись, Сергей инстинктивно поднёс руку к своим губам, нелепо пытаясь унять рану. Страх настолько затмил его разум, что он не заметил, как сильно сжал в руке ножик, поранив сам себя. А волк где? Нет. А был ли?

У местных был выходной, что с трудом вязалось с деревенским укладом. Все сидели по домам. Сергей без труда нашёл жилище Горбача. Припасы для зрителя привозили на развалюхе, которые забирали местные вместе со своими грузами.

– Что с рукой? Уже нашёл с кем подраться?

– Да... Это так, случайность.

КОСПРОМА

– Ты смотри, с этой случайностью два тюка не дотащишь. Ща бинт принесу.

– Спасибо, как-нибудь постараюсь дотащить.

– Я с тобой дойду. Дома тошно.

Сергей не стал сопротивляться, он более всего жаждал не в одиночку проделать обратный путь. Через десять минут уже мелькали склоны, угрюмый лес и остроконечные скалы.

– Ты чё-то сам не свой. Чё с рукой-то сделал, деляга?

– Да, порезался просто, нормально всё.

– Порезался да так и побрёл? Даже не забинтовал?

Сергей промолчал, а Горбач не стал лезть дальше.

– Стоп, привал, – скомандовал Горбач.

Сергей меньше всего хотел останавливаться в этом месте, ему становилось дурно. Минут пять они сидели молча, вдруг Горбач подскочил со своего камня и метнулся чуть в сторону

– Ё-моё! Да, я всё понял! Это и есть твоя хвалёная воля к жизни? – Горбач указывал рукой на окровавленный перочинный ножик, лежащий на земле. Сергей от досады закрыл лицо руками и оперся локтями себе о колени.

– Это и есть твоя воля к жизни? Ножом себе руку отхреначить? Кого ты тут встретил?

– Никого...

– А на кой хрен себя проткнул?

– Да, случайно, нож сжал! Ну, что тебе надо от меня? Говоришь же, что всё понял, – Сергей чуть ли не рыдал.

– Я понял, что жизнь ты ни черта не любишь.

– Не люблю? Жизнь? Да я больше всего её потерять боюсь, думаешь, я просто так тут встрял, остолбенев?

– «Боюсь, боюсь» – себя послушай! Бояться смерти и любить жизнь – это разные вещи! Боишься чего-то? Хрен с ним, бойся! Бойся, но делай! Делай, мать твою!

Обрушилась тишина, один сидел, другой стоял, оба на взводе. Горбач продолжил уже спокойнее:

– Ты один из тех, кому, если волк руку прокусит, то всё, уже на кладбище место ищешь.

– Да что...

– Да то. Голову включи! Если ты сдаёшься, представив волка только в башке своей, то куда вообще такая жизнь? Да будь ты трижды без ног и без рук, что с того?! Откуда тебе знать, чем всё закончится?

– ...

– Ты видишь то, чего ты боишься?

– Нет.

– А на хрена тогда боишься?

– Но... волки...

– И? Может через десять лет меня застрелит алкаш в тракторе, мне его уже ща начать бояться?

– Не переворачивай...

– Ты боишься тех волков, которые в башке твоей. А те, что на воле гуляют – ср...ть на тебя хотели. Когда-то, может, ты с ними встретишься, а может – нет, но зачем ты их боишься прямо сейчас? Ты вживую их ни разу не увидел, а они тебя уже загрызли, вот и вся правда. Пойдём, дождь собирается.

Раздавленному Сергею хотелось выпить, о чём он не замедлил поведать Горбачу под видом предложения скоротать время. Горбачу эта идея всегда была по душе, и первой из припасов вынули бутылку водки. За окном, которого не было, припустил дождь, выдав себя барабанной дробью по крыше, доносящейся до первого этажа слабыми раскатами. В такую непогоду из посёлка сложно было выйти из-за беспощадно размытых дорог и тропинок и, понимая это, Горбач не стремился к преодолениям преград. Они молча пили минут тридцать. Никому не хотелось говорить. Горбачу всё было по вкусу, а Сергей просто не хотел ляпнуть лишнего. Но молчание по традиции нарушил именно Горбач:

– Классные слова, да? – показывал он рукой на рамку, стоящую на столе.

– Да, вроде как напутствие, что ли... В комодё нашёл. Кстати, знаешь, чем занимался тот... ну... который до меня был?

– И чем же?

– Рисовал. В ящиках картин много лежит, и на всех маяк изображен. С разных ракурсов.

– О, как? Интересно...

– Да, жаль – зря только... Лежать им тут вечно теперь.

– А так ли уж зря?

– Так, а ради чего?

– Ну, слушай, а если обо мне в газете не напишут, я чё – существовать перестану? – Горбача, очевидно, в присутствии приезжих так и тянуло на мудрости.

– Но его теперь нет, а картины есть, не нужные никому, – продолжал Сергей.

– Так ведь не всё ради высших целей делается, ну. Если б он знал, что его волки загрызут, то, думаешь, перестал бы рисовать?

– Интересный вопрос...

– Все подохнем, какая разница, кто раньше, кто позже, кто от волка, кто от старости... Так и чё теперь, не рисовать из-за этого? – Горбач опрокинул рюмку.

– Знаешь, что я сейчас больше всего хочу, Горбач?

– Чё?

– Маяк зажечь... Чтобы он рассеял всё это дерьмо вокруг, а там, за вечной серой тьмой – блестящая спокойная вода, зелень деревьев, люди сидят себе на берегу и наслаждаются лучами солнца.

– Так зажги, Серёг! Мать твою, зажги, может, тебя мы только и ждали! – Горбач хлопнул кулаком по столу.

КОСПРОМА

– Так не работает же...

– Людям скажешь, что весло не гребёт – так они и не проверят ни разу.

– Так, погоди, он рабочий что ли?

– Технически – да, просто не эксплуат... эксплуа... не эксплуатируется за ненадобностью.

– Так какого хрена ты молчал?! Да я же все книжки тут проштудировал, Горбач! Да, мы же с тобой сейчас тут всему миру свет будем транслировать!

– Ну! Свети так, чтобы все почувствовали, – сказал Горбач и чуть не свалился со стула.

– Мигом!

Сергей влетел в кладовку, схватил две галогенные лампы и рванул на самый верх с такой прытью, словно и не он только что опрокидывал с Горбачём рюмку за рюмкой. Откинул крышку линзы и ловким движением, будто делал это постоянно, водрузил одну лампу внутрь линзы. Захлопнул крышку и побежал запускать механизм. Впервые за месяц сердце молотило не от страха. Мгновение, Сергей перевёл дыхание, голова покружилась от выпитого. Проверил подачу электричества, ещё мгновение, запуск... тишина, момент истины. Внутри линзы тяжело и со скрипом завертелись вокруг лампы шторки с прорезьями. Сергей читал о том, что свет должен был попадать в отверстия шторок с определенным интервалом, обеспечивая тем самым, уникальный сигнал маяка, который был виден за тридцать километров. Если судно сбилось с курса – по уникальному сигналу они могли понять, в какой край их занесло, и что за маяк перед ними. Кроме шторок, не заработало ничего. Восторг смешался с досадой. Немного подумав, Сергей решил не сдаваться, подлетев к линзе, он вынул лампу и вставил на её место другую, запасную. Больше ламп не было. Повторил попытку, в ход пошли шторки... мгновение. Огонёк, похожий на свет далёкого очага, обещавший спасение замёрзшему путнику, вспыхнул и тотчас был собран линзой в мощнейший поток света, пронзающий страшно хмурое пространство на все четыре стороны. Более грандиозного зрелища Сергей не наблюдал никогда. Лучи, не видя преград, кроме шторок внутри линзы, вырвались на долгожданную свободу и понесли свои фотоны длинными и короткими сигналами далеко в серый океан. Сергей выскочил наружу, упершись в ограждения. Дождь и ветер вцепились в его кожу морозящей хваткой, буря поднималась над беспокойной толщей воды. Сергей раскинул руки в стороны, словно отдавая себя на растерзание, и закричал:

– Эй, океан! Каким бы ты ни был, я всё равно свечу! Я свечу вопреки тебе! Дождь, я, на хрен, свечу вопреки тебе тоже! И скалы, и всё это дерьмо вокруг – вы слышите меня? Вам меня не загасить! Я всё равно свечу и буду светить! Я так решил! Я! Люди, вам свечу! И вам, волки ср...е, я тоже свечу, будьте вы неладны! Не заблудитесь там в своём лесу, когда будете меня караулить! Это моё решение, и это мой огонь! Я являю его миру и для мира! Тьма – всего лишь отсутствие света! Тьма – это отсутствие света! Нет больше тьмы!

Сергей рухнул прямо там, вложив все силы в этот отчаянный вопль. Пытаясь отдышаться, он улыбался и... чувствовал себя освобождённым.

По иронии судьбы именно на следующее утро солнце посетило этот край впервые за вечность. Точнее сказать, солнце было здесь всегда, но пробраться сквозь толщу беспробудной серой массы было не в силах. Сегодня же тучи любезно расступились перед его лучами на некоторое время. О выходке Сергея мгновенно прознала вся деревня, уже на утро его окрестили местным мессией и даже дали какое-то библейское имя. Сам же Сергей забыл про свой «тюремный» срок и с тех пор стал зажигать маяк каждый вечер. У него не было цели, ему просто нравилось это делать и смотреть, как могучие лучи пронзают бесконечный горизонт. Это стало его жизнью, его бытом. Иногда он представлял, что какой-нибудь заблудший корабль цепляется за его сигнал как за единственную спасительную соломинку, но то были лишь грёзы, ведь корабли перестали ходить в этих краях ещё до того, как линза маяка покрылась паутиной и многолетней пылью. Спасительной соломинкой маяк становился только для зрителя. И этому зрителю предстояло пронести свет незапятнанным сквозь два с половиной года.

Тем временем на Земле наступало лето. В июне сюда всегда приходила погожая оттепель. Такие дни не могли не понравиться приезжему даже в этом суровом крае. Природа пробуждалась на некоторое время, пение птиц будило по утрам, а рокот развалюхи был слышен задолго до того, как она приближалась к аэродрому, да что там... Её было даже видно на фоне ясного или почти ясного неба. Некоторые местные периодически навевались к Сергею, дабы посмотреть на маяк и помечтать о чём-то своём, далёком, недостижимом чужому разуму. Последний раз они видели работающий маяк уже очень давно... Для них это было как второе пришествие. Дорожка от посёлка до маяка стала оживлённой магистралью по местным меркам, и частые паломники были уже обыденным делом для Сергея. Жители посёлка то и дело подмечали, что такого лета давненько не было, они стали веселее обычного в эти месяцы, больше времени проводили на свежем воздухе, рыбачили не только ради заработка, но и в своё удовольствие, греясь на солнце, сидя в лодке посреди водной глади. Во всём чувствовалась какая-то оттепель, казалось, по-другому не будет уже никогда. Сеня и Карл как-то заходили в гости к Сергею и позвали его с собой на рыбалку. Тот никогда в руках и удочки не держал, но с радостью принял предложение. С тех пор, сдружившись с братьями-рыбаками, Сергей и сам каждое утро покидал маяк, проделывая весь путь до деревни, с чувством радости и лёгкости на сердце, возвращаясь на маяк только вечером, дабы устроить новое представление. Даже волки не донимали никого своим воем, видимо, тоже наслаждались приятным временем. Но всему суждено заканчиваться. Через два месяца погода вернулась на круги своя. От светлой передышки не осталось и малейшего напоминания. Гроза и шторм, тысячи тонн воды и шквалистый ветер, казалось, обрушились на многострадальный край с новой силой в отместку за два беззаботных солнечных месяца. Гости перестали посещать маяк, а братья-рыбаки отправлялись на промысел, как на последний бой.

КОСПРОМА

Время шло, цикл времён года происходил своим чередом. В один из таких дней Сергею снова предстояло брести сквозь лужи и грязь по бездорожью за припасами, которые ему так никто и не повадился носить даже после того, как он однажды заткнул «хляби небесные» и разогнал облака. Снарядившись, как тварь, опоздавшая на Ноев Ковчег, натянув резиновые сапоги практически до ушей, он дождался окончания дождя и двинулся в путь, опираясь на палку и надеясь не угодить во внезапное болото. За полгода пребывания в здешних землях он научился не бояться волков и бояться более насущных вещей, таких как: несохнувшая грязь, лужи неизведанной глубины и подходящая к концу бутылка водки. Последний пункт сейчас был, пожалуй, самым насущным.

На аэродроме его внезапно встретил Горбач и разочарованно поведал, что припасов сегодня не будет. Развалюха потерпела крушение, пока стояла в своём сарае рядом со взлётной полосой: неожиданно стал барахлить мотор и издавать такие адские звуки, что попытка полёта пилотом даже не рассматривалась. Горбачу было поручено исправить поломку, чем он и занимался весь день.

– Ну, чё, дружище, выходит, зря ты шёл. Уж прости...

– Ну, выходит зря... А может, и не зря, кто знает.

– Чё, тошно в одиночестве?

– Вроде того... Хорошая компания всегда в радость. Последнее время столько людей на маяк ходили... а сейчас один-одинёшенек.

– Эт точно. Хочешь послушать, как мотор орёт? Потом не уснёшь.

– Да не то что бы... – но было уже поздно, Горбач лихо подскочил к развалюхе, что-то дёрнул, куда-то нажал, и раздался такой громоподобный рокот, что Сергей невольно закрыл уши. Весь сарай ходил ходуном, как при землетрясении.

– Ну, чё, впечатлило? – кричал Горбач.

– Постарайся больше не включать, пожалуйста, пока я здесь – кричал в ответ Сергей.

– Хе, не боись. Вот уйдёшь, я кой-чё там да подкручу, пробный полёт устрой, посмотрим, чё выйдет.

– Ага... К маяку приближаться не вздумай, а то рухнет нахрен.

– Не ссы, всё пучком будет.

– Слушай, а тот мужик, что до меня был... Он маяк зажигал когда-нибудь?

– Не-а. Кажись, он и не знал, как это делается.

– А вы с ним хорошо общались?

– Не... Он даже и не пьющий был, а у нас без этого дела с общением туго, сам знаешь. Раз в месяц его видел, да и то парой слов обмолвишься и дальше свои дела делать. А че, он тебе покоя не дает?

– Да, снова тут рисунки разбирал. На половине рисунков маяк-то горящий. Может, он во снах это видел...

– Ага, не иначе.

– ...Может, мечтал зажечь его, как я? И сам не знал, что у него в руках...

Словно держал спичку и коробок, а чиркнуть – не чиркнул...

– Я смотрю, ты там поэтический настрой словил в своем одиночестве?

– Да... Это я так, не обращай внимания. Двигать надо обратно...

– Ага, не грусти, заходи завтра, и припасы будут, да и потрещим ещё.

Сергей не стал засиживаться, опасаясь возобновления дождя, да и Горбачу надо было работать. Попрошавшись, каждый занялся своим. Природа замерла, словно предстояла какая-то мощная буря, наверное, это и двигало Сергея в обратный путь – предчувствие непогоды, выработанное месяцами жизни в этих местах. Он пробирался сквозь завесу лёгкой мороси, оставляя на земле бесформенные следы старых рыбацких резиновых сапог. Монотонно переставляя ноги, смотрел в одну точку, далеко вперёд. Ему нравилось, как путь уменьшается с каждым шагом, он видел, как цель приближается каждую секунду. Он прошёл уже полпути, устал, тяжело дыша переставлял палку, на которую опирался, и в голове не было ни единой мысли...

Такие вещи всегда происходят внезапно. Ни шороха, ни тени, ни намёка. Без прелюдий и предупреждений. Обыденно, невзрачно и неторжественно, в самый обычный момент. Грандиозность событий всегда кроется в их ожидании, но когда они наступают – становятся просто обычными повседневными ситуациями. Сергею никто не постучал по плечу и не кашлянул из вежливости, чтобы тот обернулся. Стремительная мохнатая масса кинулась на спину бедному путнику, повалив его с ног. Сергей поддался инерции, не поняв, что произошло, развернулся в сторону угрозы, но в этот момент клыки, острые, как сабли, умело пронзили лицо Сергея, безжалостно впившись в скулы с обеих сторон. Беспощадный зверюга повалил Сергея на спину, не оставив и шанса на реакцию. Всей массой волк придавливал тело жертвы к земле, перекрывая кислород, а клыками уничтожал в теле жизнь. Безумная боль физическая смешалась с болью душевной. Вместе с плотью волк терзал и всё самое светлое, что было в Сергее. Неужели всё зря? Досада... Глубокая досада и обида... Так вот как это происходит? Просто так, без знамений и погони? Просто... как споткнуться и упасть. Упасть... но не идти дальше... Или всё же... Идти? Сергей много раз прокручивал в голове эту ситуацию, но никогда не представлял её так. Перед его глазами, действительно, пронеслась вся прожитая жизнь. Но не чередой вспышек-воспоминаний, счастливых моментов. Сухой остаток понимания жизни пришёл к нему в виде осознания, словно из кружки выплеснули кофе, оставив на самом дне осадок. Этот осадок и был всё то, что он успел понять в этой жизни.

«Если бы знал, как это на самом деле происходит, то не боялся бы столько времени... отравляя себе жизнь», – крутилось в голове Сергея, словно мысль проигравшего гонку бегуна, который смотрит на свой забег со стороны, обещая себе и другим, что в следующий раз обязательно всё сделает иначе и выйдет победителем. Но суровая реальность сжимала челюсти всё сильнее и не давала вторых шансов. Каждую секунду новая струйка крови находила свою траекторию, высвобождаясь из сосудов... Сергей потерял сознание.

Он очнулся через полминуты. Гнилостный смрад и свирепое мозголомное рычание, словно нашатырный спирт вернули крохи сознания на свои места, и разум, пока ещё мог проснуться. С момента нападения прошло полторы минуты,

КОСПРОМА

Сергей дурно ощущал тело, но стоически владел разумом. Секунды растягивались в бесконечность. Сергей искал страх... Где страх? Нет его... Когда уже произошло, какой смысл бояться... Но, пока не произошло, разве бояться смысл был? Сергей обнимал своего мучителя, словно давнего друга, даже не борясь с ним. Волчьи клыки продолжали рвать плоть, оставляя отметины, которых хватило бы на всю жизнь... На всю жизнь... Это сколько, две минуты?

«Как зовут Горбача? Я даже ни разу не спросил его имени... Интересно, что бы он сейчас сказал, узнав про волка... Но, ничего... Когда-то он найдёт меня тут... Господи... Он найдёт меня так же, как и того мужика с обглоданным лицом...» – Сергея тошнило, кровь покидала тело, на земле ручейки расходились в разные стороны и навсегда уходили в почву.

«Нет, можно же жить и калекой, и без половины морды, и с бесконечно глубокими следами от клыков, но... ЖИТЬ... я ещё жив... я ещё жив, а пока я жив, ничего не...» – Сергей издал дикий вопль и, преодолевая собственное бессилие, начал колотить по звериной шкуре с неистовым остервенением. Это было так слабо, что волк вряд ли бы сдвинулся с места, колоти его Сергей даже полдня. Но эти полдня были у волка, у Сергея – нет. В своём сознании он истошно орал: «Нет! Нет уж! Ср...й волк не может решить, когда мне умереть, а я могу решить, когда мне жить!»

Волк на мгновение ослабил хватку, что было его огромной ошибкой. Сергей, почувствовав это, изо всех сил рванул кулаками по его морде с обеих сторон. Зверь растерялся на две секунды. Сергею хватило этого времени, чтобы снова поймать ощущение контроля над своим телом. Он сорвался с места и бросился в случайном направлении, сил хватило только на рывок... Тело больше не подчинялось, и он снова рухнул на землю, беспомощно барахтаясь в грязи, пытаясь разглядеть пространство сквозь пелену собственной крови. Волк наступил через секунду, вонзившись своей грязной пастью в правую ногу жертвы. Сил на крик уже не оставалось, боль просачивалась в мозг сквозь дурман отчаяния. Сергей взял передышку ещё на две секунды и пытался осознать свои увечья. Лицо изуродовано, нога рвётся на части прямо сейчас... Уже пора сдаваться...? Нет. Он снова стал неистово молотить волка, в ход пошла левая нога. Сергей катался по земле, пытаясь вырваться из лап злодея, но всё было тщетно. Уронив голову, он бросил взгляд вдаль: это было знакомое место, конечно же, тот самый холм... кто бы сомневался. Одну секунду он собирал силы, вторую секунду он швырял в волка всё, что попадалось под руку, целясь в голову зверя. В таком ритме он действовал ещё четверть минуты. Камешки, куски земли, всё, что могло хоть как-то помешать. Вместе с этим в сторону волка летели и проклятия; Сергею казалось, что это помогает, но, скорее всего, это помогло самому Сергею ощутить неутолимую волю к жизни.

«Если бы ты мог меня убить – ты бы убил! Скотский кусок жалкого отродья! Моя жажда жизни сильнее твоих клыков! Проваливай туда, откуда пришёл, тебе меня не одолеть! Я... буду... жить..., пусть со шрамом, но буду жить!»

Под руку попало что-то не похожее на камень, Сергей быстро оглядел находку: ржавый перочинный ножик... ну, конечно, он ждал всё это время

здесь... теперь Сергей держался за него без страха, но, как за последний в жизни шанс! Замах, удар... Промахнулся. Ещё попытка, замах, удар по воздуху... а это сложнее, чем казалось. Сергей сконцентрировал все оставшиеся в этой жизни силы, чтобы совершить последний в жизни рывок... Мгновение, бросок руки в сторону глаза зверюги... снова промах, душераздирающая тошнота подступила к горлу. Волк, видя, что жертва не сдаётся, пытался усилить натиск и набросился на руку, в которой Сергей держал ножик. Секундная борьба... Резкая боль в руке, капли крови бойкой шеренгой устремляются в землю, вновь бесполезный перочинный ножик выпадает из ладони и утопает в грязи. Отчаяние... Неужели, теперь всё?

Сознание путается... Где боль? Где страх? Где отчаяние? Ничего нет. Бред, шок, осознание близкого конца, финальное прощание с жизнью. Ушла даже злость на волка, злость на себя и на тех чинуш, что прислали сюда на верную погибель. Полное принятие своей участи. Маяк, свет могучих лучей, пронзающий горизонт. Как же там тепло... Не видать больше этого тепла. Разговоры с Горбачём. Первая встреча с деревней и полёт на развалюхе... Слабый рокот мотора отпечатался в сознании навсегда. Он и сейчас слышен, мерным постукиванием слившийся с рычанием губителя. Слабый рокот, нарастающий в черепе каждую секунду... Звук побитого жизнью мотора, который Горбачу поручили чинить... Интересно, починил ли? Он слышен, словно наяву, такой манящий, сулящий свободу, хотя когда-то внушал страх. Он настолько силен, что голова вот-вот лопнет от назойливого жужжания... «Почему исчезла боль? Да, закончи ты уже с этим, грёбаный паскуда», – Сергей открыл глаза. Над головой на высоте ста метров пролетала грохочущая, словно истребитель, развалюха. Сергей приподнял голову. Зверь стремглав удирал от пронзительного рокота, роняя собственное дерьмо.

«Горбач, ты так и не смог починить эту колымагу, но, чёрт возьми, как вовремя...»

Всё закончилось также невзрачно и буднично, обыденно и не грандиозно, как и началось. Истерзанный Сергей лежал в грязи и крови... Живой. Таким живым, как сейчас, он себя не чувствовал никогда. Внутри него струилась неугасимая, священная Воля к Жизни, соединяющая его со всем сущим в единое целое. Прележав ещё минут двадцать, он медленно, из последних сил пополз обратно в деревню, чтобы найти помощь и поведать Горбачу невероятную историю. Что-то подсказывало, была абсолютная уверенность, что волк не вернётся никогда.

... Промозглый ветер, небо темнее, чем земля. Бесконечный вой в ушах, влага в воздухе тяжелее пудовой гири. Никто не выбирал этот край. Скалы всё ещё торчали так, словно хотели проткнуть небо. На самой вершине сверкающего маяка стоял и взирал на всё это сурового вида смотритель со страшным шрамом на лице, но с такими добрыми глазами... Он чувствовал себя самой Жизнью.

ЕКАТЕРИНА ХАРИТОНОВА, 19 л., г. Москва. В 15 лет выпустила сборник стихов, рассказов и переводов «Бессонница». За 2021 год стала лауреатом восьми литературных конкурсов. Участник семинаров молодых писателей в Спасском-Лутовинове и в Звенигороде (фонд СЭИП). По итогам первого из них получила от СРП и Министерства культуры РФ стипендию на издание книги прозы. Заняла 3 место в Международном литературном конкурсе им. А.Н. Плещеева в номинации «Проза» (2022 г.).

ПОВИЛИКА

повесть

Пульхерия

Нелепое имя! Старое и неуклюжее, как пузатый самовар. Чем-то напоминает деревянные половицы и набитый тряпьем сундук. Лучше бы осталось в девятнадцатом веке, среди крепостных и увязших в грязи телег. Её называли так в честь бабушки, но имя не прижилось. Оно резало слух и раздражало хуже неудобных туфель.

Девушка накручивала на палец шерстяной завиток с загривка уснувшего на её коленях пса и про себя злилась. И на имя, и на погоду, и на собаку. В машине было душно, за окном – привычно. Бася лежал трогательно, но неудобно: ноги устали и затекли до мурашек. Пульхерия спихнула его на сидение, и пёс обиженно засопел. Этот день походил на предыдущие: не осталось и капли детской предпраздничной тревоги. Двадцатое июня. Совершеннолетие. Самый длинный день в году, летнее солнцестояние. Собственно, ничего особенного, если не считать тихих семейных поздравлений. Но всё-таки остренькая мысль вертелась на краю сознания. Не тревога, а так – эхо предчувствия. Что-то изменится сегодня. Что-то помимо перерегистрации во взрослую поликлинику.

В последний раз подпрыгнув на колдобине, машина остановилась перед улыбочиво распахнутыми деревянными воротами. Папа заглушил двигатель и отстегнул ремень безопасности. Он устал в пути, зрение на дороге стало частенько подводить. С участка им навстречу грудой вывалились цветы, как ягоды из переполненной корзины. Они были всюду: не только на клумбах и газонах, но и на тропинках, крыше, в горшках на подоконниках, в трещинках между камнями, на огороде, в пруду... Несколько пронирыливых розовых флоксов даже протиснулось через забор на улицу, так тесно им было в гуще собратьев. Пульхерия помнила каждый бутон, когда-либо распускавшийся за этими деревянными воротами. В бабушкином саду она проводила недели, не отрываясь от мольберта: трудно представить себе лучшее место для рисования с натуры. В художественной школе её работы всегда были лучшими. В них видели живость, новизну и естественность, которую так редко встретишь

среди постмодернистов, каждый из которых считает себя гением и вымучивает оригинальность по крупицам. Сад оживал на холстах, менял форму, двигался. Цветы превращались в слитые, полупрозрачные цвета, пейзаж – в эмоциональный узор.

На крыльце показалась мама в переднике, выпачканном заварным кремом, и радостно окликнула замершую на переднем сидении Пульхерию. Должно быть, готовила «наполеон» и не успела переодеться, так и выскочила к машине. Она приехала чуть раньше, чтобы успеть подготовить дом к появлению виновницы торжества. Мамино «чуть раньше» означает «на рассвете», мамино «подготовить» означает «выдраить все комнаты и припрятать в них как минимум три сюрприза».

Девушка мигом забыла о причине раздумий и кинулась в душистые объятия цветочных зарослей. Бася взвизгнул, решив, что это игра, и погнался за её босоножками, мешая и смеша одновременно. Уже распустились маки и маргаритки, упрямо разросся тимьян, который часто обрезали, чтобы добавлять листья в чай и салаты. Каждый стебель – на своём месте, изо дня в день, из года в год. Сад казался древним, его хотелось назвать вторым Эдемом, хотя все домашние знали, что это дело рук бабушки Пульхерии. Она, пока была жива, возилась с цветами с утра до ночи и лелеяла каждый куст, как родное дитя. Эта женщина сама напоминала корешок или веточку: суховато-прямую и строгую фигуру увенчивал гигантский лоб-бутон с хрустяще-резким голосом. И никогда не существовало на свете веточки прочнее. Старушка со смешным именем была знаменитым ботаником: в её присутствии все обыкновенно робели и тушевались, даже кандидаты наук краснели, как первокурсники. Память об этой неиссякаемой силе и энергии сохранилась здесь, в саду, будто бабушка, состарившись, не просто умерла, но растворилась среди крон и соцветий. Подходящие сорта растений, полутона бутонов и листьев были так тщательно подобраны, что поневоле усомнишься в рукотворности этого островка. Двор цвёл, начиная с ранней весны и до глубоких заморозков: растения послушно сменяли друг друга, повинясь необходимости быть вечно юными. Каждый увядший стебель освобождал место трём-четырёх новым, сильным, которые тут же распускались пошире и смущённо прятали смерть от человеческого взгляда.

Вдруг в дальнем уголке у забора девушке почудилось незнакомое рыжее пятно – костёр? Раньше на том месте росли незабудки Чекановского – одни из бабушкиных любимцев. Приблизившись, Пульхерия наткнулась на груды серпантина, поглотившего клумбу. Голубые цветы оказались скрыты под странными завитками огненных тонов. Стоявшая по соседству яблонька тоже была опутана ими почти до кроны: с веток, где только-только намечались фруктовые завязи, змеями свисали жёлтые нити. Пульхерия прищурилась, поражённая их неземным сплетением. Она подошла к яблоне и робко коснулась «серпантина», оторвала один завиток, поднесла к глазам: он был мягок, хорош и приятен для глаз. Мама, поспешившая следом, проворчала:

– Несносный сорняк. Фу, Бася, нельзя! Нужно срочно вырвать, иначе всё тут удушит, мерзкий паразит. Это повилика!

КОСПРОМА

При слове «сорняк» девушка вздрогнула и нахмурилась. Его нельзя уничтожать, это – искусство, ожившая абстракция, эмоция, поселившаяся в неподвижном стебле.

– По-вее-ли-ка. Звучит совсем как птичий напев. Не трогай её! В честь совершеннолетия, ладно? Пусть будет мой уголок сада!

Мама вздохнула, оглядывая драгоценный цветник, и тихонько кивнула.

Фонарь, освещавший крыльцо, потух. Сад опустел. В доме пели, праздновали, восхищались юной Пульхерией, её картинами, её будущим, поступлением в Суриковский институт, учёбой и снова картинами. Девушка уже не краем сознания, но всем существом чувствовала, как наваливается новизна жизни и подступает со всех сторон будущее, готовое свершиться, как только она сделает верный шаг. Из-под её кисти наверняка выйдут произведения, которые затмят холсты Энди Уорхола и Марселя Дюшана. Что-то должно случиться. Гигантское и необходимое.

Пульхерия... Нелепое имя! Старое и неуклюжее, как пузатый самовар. Деревянные половицы, набитый тряпьем сундук, патриархальность, ветошь. Мысль всё навязчивее лезла и ужасно раздражала. Отца, как назло, звали Иваном. Выходит, она – Гоголевский персонаж, ходячая карикатура. «Хозяйство Пульхерии Ивановны состояло в беспрестанном отпирании и запираии кладовой, в солении, сушении, варении бесчисленного множества фруктов и растений» – не дай-то Боже, не такой судьбы она себе искала! Молодой художнице нужно быть стильной, эксклюзивной, эпатажной, как сам постмодернизм. Ещё бы Марфой назвали или Фёклой... Девушке хотелось избавиться от старого имени, как избавляются от дурного воспоминания.

Самый длинный день в году, совпавший с её совершеннолетием, подходил к концу. Новая страница, чистый холст: всё ненужное должно исчезнуть вместе с датой в календаре. И имя прежде всего. Нужно выдумать что-то, звучащее, как музыка.

«Повили-и-ка» – задумчиво пропелось вслух. Причудливо свитые буквы. Величавое слово, аристократичное, немного даже королевское. Повилика! Почему нет?

После праздника девушка вернулась в город, сосредоточенная и решительная. Солнце было ещё высоко, казалось, день замер и никогда не закончится. Загс, кучи ненужных бумажек, очередь, паспортный стол. Так началась её взрослая жизнь.

Папа

С началом осени время вдруг ускорилоь. Отовсюду посыпались задания, дедлайны, идеи для будущих картин. На четвёртое число назначен пленэр, на пятое – занятия с мастером, на шестое – презентация нового проекта в институте. Повилика почти не поднималась с рабочего места. Выпачканная акрилом и маслом, нервная, она билась в творческой лихорадке, которая наступает у художников неожиданно, но также неожиданно и исчезает.

Девушка что-то сердито чертила на бумажной салфетке, когда в комнату протиснулась пачка новых холстов. Огромная, до потолка, а снизу - папины тапочки. Повилика вздрогнула и поморщилась: её напугала движущаяся холстовая башня. Карандаш надорвал салфетку, и бахрома с неудавшимся наброском полетела на пол.

– Поставь в угол, отвлекаешь.

Пачка вежливо проплыла мимо и опустилась на пол рядом с подоконником, а отец прокрался к выходу, опрокинув по пути табуретку.

– А поосторожнее – никак?

Он только что вернулся из «Передвижника» с двумя сумками краски и полным багажником холстов, которые постепенно перетаскивал в мастерскую через три этажа.

Папе казалось, что на Повиликины плечи обрушилась порция гениальности, какой обычно наделяют целую бригаду умелых художников, но никак не одну девушку. И такой хрупкой, тонкой была она под этой ношей, так уставала и надламывалась, что хотелось хотя бы частично принять на себя удар тяжести, послужить таланту, чтобы он, не дай Бог, не расплющил её о землю, как это нередко случается с неокрепшими гениями. А хрупкая и тонкая Повилика бодро проворчала откуда-то из-под ноши таланта:

– Эскизы рассортируй по папкам. Я же с утра говорила, что не успеваю.

Неуклюже-полноватый отец окончательно стусhevался и замер перед входом в мастерскую, недоумевая: как найти эскизы, снова не потревожив при этом дочь? Он не мог, сколько бы ни шурился, высмотреть в наваленной охапке рисунков нужные. Поразмыслив пару минут, развернулся и молча вышел по протоптанной муравьиной тропинке на лестницу. Осталось перетаскать ещё три башенки холстов.

И личный секретарь, и водитель, и курьер в одном лице, бородатом и подслеповатом. Повилика часто шутила, что папа знает о её выставках, расписаниях, конкурсах и картинах намного больше, чем она сама. Он даже завёл уголок с напоминаниями – небольшую пробковую доску, куда булавками пришиливались листочки «Не забыть купить...», «Сходить...», «Сдать то-то до такого-то числа...». Этакая энтомологическая коллекция, но бабочки и жучки – бумажные. Повилика, признаться, понятия не имела, когда и как записки умудрялись обновляться: ей представлялось, что бумажные мотыльки сами перепархивают с места на место, каждый день рисуя себе на крыльях новые даты-напоминания. А отец по вечерам разлиновывал в коридоре таблички-расписания, сослепу роняя карандаши и тревожась, что из-за его невнимательности какая-нибудь из бабочек не долетит до пробковой доски вовремя.

Перед презентацией в голове бардак: все даты и сроки смешались, матрицей кишели вокруг более-менее оформленных мыслей, разведали их, высыпались через уши и нос, ударяясь об пол со звуком «скорее», «скорее», «скорее», «скорее». Из мастерской Повилика вышла только вечером. Вернее, выползла с опущенными веками и наткнулась на журнальный столик. Она только что выстрадала из себя три этюда подряд, кажется, неплохих. Сонная и

КОСПРОМА

сгорбленная, девушка очень походила на грустную кошку, объевшуюся наполнителя. Бася всё это время пролежал у её ног, свернувшись преданным узелком, и вылез на кухню с не менее уставшим видом. Можно было подумать, что он тоже целый день рисовал с натуры и читал статьи о нелёгкой судьбе Джотто ди Бондоне. Времени – около шести, ещё можно успеть поужинать и закончить грунтовку на завтра, чтобы сохло. Какое число? Кажется, третье... Третье? Дедлайн! Она забыла сдать работу.

– Пап!

Пронзительно, на всю квартиру.

– Пап, отвезёшь? Я глаз не открою...

Он выскочил в мятой пижаме, уже готовый хватать, доставлять, грузить и сортировать. На улице – темень, а ехать – на другой конец города, два часа на автомобиле.

– Может, завтра ещё не поздно? Даже с фарами плохо видно.

– Папуля, без тебя – мне не жить! В очках, осторожненько, медленно. Сейчас на дорогах пусто.

Картину с сосновыми абстракциями обмотали крафтовой бумагой и закрепили на переднем сидении ремнём, как младенца в детском кресле. Отец уехал, так и не переодев пижамные штаны, чтобы успеть до ухода комиссии. Встречные машины удивлённо мигали фарами: папина борода торчала во все стороны по-дикообразно. Из-за неё ничего, кроме очков и рук, за рулём не было видно. Повилика, изрядно переволновавшаяся за судьбу зачёта, но довольная, вернулась на третий этаж и заварила имбирный чай. Бася радостно встретил её в прихожей: он бы наверняка и с чаем помог, и пирог испёк, если б умел. Но пёс не мог, поэтому просто вилял всем телом и скулил. В квартире пахло желатиновым клеем от пропитки, это почему-то ужасно возбуждало аппетит. Чайник засвистел, перекикивая телефонный звонок из гостиной, и вдруг всё смолкло. Дом окунулся в абсолютную тишину, чем-то смущённый и пристыженный. Через правое крайнее окно с улицы был виден застывший женский силуэт с прижатой к уху трубкой и кружкой чая в руке. В комнате горел яркий холодноватый свет, но фигура за стеклом была тёмной и неподвижной: не окно, а чёрно-белая картинка. Какой-то любопытный прохожий в клетчатой куртке, пробегая мимо, подумал: «На кой чёрт им в квартире понадобился манекен?»

В 19:15 по московскому времени на сорок втором километре МКАДа в придорожный фонарь влетела красная «тойота».

Отца кремировали и похоронили, отметив девять, а затем и сорок дней. Учиться стало тяжелее: некому развозить картины, покупать растворители и напоминать о расписании. С пробковой доски в мастерской небрежной седой прядкой свисла паутина. Бумажные мотыльки больше не перепархивали с места на место: они растерянно замерли, дружно позабыв сменить даты на своих крыльях. Время от времени между булавками пробегал, хищно перебирая педипальпами, чёрный домашний паук. Он явно намеревался сплести кокон вокруг всей пробковой стенки с семейством бабочек, а те трепетали от страха (или от сквозняка). Повилика часто по привычке

останавливалась перед записками-мотыльками, вглядывалась, хмуря лоб, в папины каракули. Но потом она вспоминала. Отходила от доски, натужно думая, какую работу нужно сдавать завтра, а какую – через неделю.

Напротив заброшенной энтомологической коллекции дедлайнов стоял диван, возле которого мать каждый день меняла миски с водой и сухим кормом. Из-под него по ночам скулили, а днём – молчали. Бася забился туда после похорон и наотрез отказывался подавать какие-либо признаки жизни, кроме невнятного, но оттого не менее тоскливого воя. Повилика однажды попыталась достать пса пылесосом, за которым тот раньше носился с яростью юной пантеры, но шланг был прокушен в трёх местах. С тех пор от Баси предусмотрительно отстали в надежде, что время и запах собачьего корма сделают своё дело.

Однажды Повилику разбудило вежливое обнюхивание свесившейся с кровати ладони. Девушка сперва испугалась, рванулась к изголовью и стукнулась затылком о деревянный бортик. Она вытаращила заспанные глаза в подкроватную темноту и заметила торчащие треугольные ушки. Бася робко поздоровался и вильнул хвостом в знак того, что ожил.

Матери с Повиликой было по-осеннему тоскливо, хотелось наконец выйти из комнаты, куда однажды вечером позвонили полицейские. Поэтому в день долгожданного пёсего исцеления они, не сговариваясь, начали собирать сумки, чтобы отправиться на дачу.

Клумбы заждались их рук, заросли крапивой и подорожником. Тропинки покрылись лёгкой рябью мха и пыли. Огненный серпантин с яблоневого ствола по бордюру переполз на клумбу с розами «Императрица Фарах». Он успел выпить из их стеблей сок, и почти все цветки либо осыпались, либо засохли, склонившись сердцевинками к земле. Рыжая буря была видна с порога, став гуще и злее. То ли шипами, то ли щупальцами тянулась в разные стороны, слепо шаря перед собой в воздухе. Повилика любовалась ею, пока мать затаскивала на террасу громоздкие пакеты. Бася мелькнул на пороге пушистой тенью, и входная дверь со щелчком закрылась на ключ.

КМ

Тон помады не подходил к блузке. Повилика целый час пыталась придать своему виду немного элегантности, но не выходило. «Роковой красный» на тонких губах смотрелся нелепо, а отросшие каштановые корни не исправляла никакая причёска. Изначально задумывался таинственно-гуманный платиновый блонд, но волосы в салоне пережгли, и уже спустя неделю они стали желтоватыми (причём самого неприличного оттенка). Эпатажный образ звезды художественного института в таком исполнении тянул на трюечку с плюсом. И косметику, и одежду девушка подбирала со вкусом, но что толку, если телосложение грациозной тумбочки скрыть всё равно не удавалось. Даже изысканные платья-комбинации смотрятся мешковато, если отсутствует намёк на талию. Поэтому Повилика недовольно поджала губы и вышла из ванной, в очередной раз махнув рукой на внешний вид.

В институте на низенькую художницу с облезлой косой не обращали решительно никакого внимания. Юноши забывали о её существовании спустя три минуты после знакомства, даже если потом весь год учились в одной группе. Девушки же, не видя в Повилике угрозы, всегда были приветливы: в глаза делали комплименты новым нарядам, а за глаза – посмеивались над походкой. Такое положение можно было бы назвать безвозвратной социальной гибелью, если бы не одно обстоятельство.

Повилика всё рассчитала и в первый же учебный день избрала своей лучшей подругой самую привлекательную девушку курса, получившую в стенах института прозвище «Красуля Манифик». Вцепилась в неё мёртвой хваткой, задавила приветливостью, сестринской любовью и поддержкой в учёбе. Даже купила парные серебряные браслетики «КМ», чтобы растрогать. Красуля напоминала русалку или сирену: модельный рост, стройная, но не угловатая фигура, идеально симметричное лицо с натуральными бровями и пухлыми губами, ровный загар, запах жасмина и мускуса, выверенный стиль. Её бежевый гардероб сочетался с шоколадными локонами и карими глазами, а повседневный макияж казался мужчинам уникальным даром природы. Рядом с такой красавицей даже неуклюжий гномик на шпильках, неправильно подобранный цвет помады, смотрелся скорее мило, чем отталкивающе. От КМ исходило притягательное сияние, отблески которого падали на всех, кто стоял поблизости, и Повилика умело этим пользовалась. Благодаря точёным ножкам КМ, перед её подругой открывались гигантские перспективы: популярные студенческие компании, элитные вечеринки, самое уютное место в столовой, безлимитное пользование жасминовыми аромамаслами... Повилика и Красуля были неразлучны в институте, на праздниках и на практике, поэтому все, кто попадался на удочку кареглазой русалки (своих воздыхателей она называла рыбами), были вынуждены знакомиться и с её «довеском», до поры скромно прятавшимся в тени.

Вокруг подружек во время перерывов произвольно собирались стайки молодых людей, абсолютно случайно проходивших мимо. Они любопытными рыбёшками плавали неподалёку, боязливо поглядывая на приманку. Некоторые (тоже абсолютно случайно) останавливались перекинуться с КМ парой-тройкой фраз о погоде и внешнеполитической ситуации в Европе. Решались на такую авантюру, естественно, наиболее самоуверенные и популярные ребята: остальные молча любовались издали. Поэтому Повилика знала всех многообещающих юношей института и радостно занимала их умной беседой, если КМ куда-нибудь отлучалась.

Однажды в рядах русалкиных поклонников начались волнения: поговаривали, что какая-то особенно крупная рыба всецело завладела вниманием красавицы. Теперь в любой свободный момент КМ выскальзывала из института к своему избраннику, оставляя косяки возмущённых кавалеров на попечение подруги. Обделённые вниманием мальчики роптали: хмурились, ревновали, пускали ртами гигантские невидимые пузыри. Разговоры о европейской политике, на самом деле никого из них не волновавшей, стали в два раза агрессивнее и грозили перерасти в драку. А Повилика в ответ могла

лишь разводить руками и виновато улыбаться, незаметно набирая изменнице в Телеграме: «Ну и где ты? Я очередь в буфете заняла...

– Ты знаешь, вот это – рыба так рыба. Зовут Афанасием. Он уже заработал на автомобиль, представляешь? И бегаёт по утрам...

КМ приводила подруге миллион доводов, почему именно Афанасий – превосходный жених, будто заранее умоляя её стать свидетельницей бракосочетания. Собственный бизнес, обеспеченная семья, мужественное лицо, мягкий характер и прочее, и прочее, и прочее. Он и впрямь был эталоном будущего мужа, мечтой любой восемнадцатилетней девушки. Но не многовато ли всего идеального для одной КМ? И ножки, и личико, и волосы, а теперь ещё и молодой человек как с обложки. Не мешало бы чем-то поделиться с нуждающимися. На внешность Повилика не претендовала (красотой делиться проблематично), а вот на жениха – очень даже. На крючок определённо попала самая лучшая рыба. Осталось только вовремя подсечь. Подходящий случай не заставил себя долго ждать. Однажды КМ не пришла на первую пару. Она появилась в институте только к обеденному перерыву, осипшая, с бордовыми глазами и потекшим тональным кремом. Рыба обещал встретить её на машине, но проспал, поэтому пришлось идти пешком на каблучках. Опоздала, подвернула ногу, почти простудилась, а он дрыхнет! Рассказав об этом подруге, КМ швырнула сумку на свободный стул и принялась агрессивно печатать какое-то сообщение. После такого хамства она и видеть его не хочет.

Повилика покровительственно вздохнула, посоветовала взять себя в руки, сходить на оставшиеся пары и, как лучшая подруга, взялась их помирить.

После занятий она обняла безутешную КМ, сунула ей в руку пачку носовых платочков с экстрактом ромашки и направилась домой к Рыбе. Преисполнившись заботой о ближнем, Повилика даже заехала к себе, чтобы на всякий случай переодеться в кружевной комплект нижнего белья. Дальше события развивались по известной отработанной схеме: душещипательные разговоры о необходимости примирения с возлюбленной сперва под «Кампари», потом под «Мартини»; постель; неловкие утренние извинения. Спустя три недели девушка с невинным и кротким видом протянула Афанасию положительный тест на беременность – две полоски, которые за час до того нарисовала синим фломастером.

Насчёт новоиспечённого отца КМ оказалась права. В придачу ко всем прочим достоинствам он оказался тошнотворно сентиментальным и порядочным: повалился на одно колено и сделал предложение.

Свадьбу решили отпраздновать на живописной бабушкиной даче. КМ, как и следовало ожидать, навсегда испарилась из Повиликиной жизни, поэтому роль свидетельницы пришлось исполнять соседке. Вместо традиционного белоснежного кокона из кружев и оборок художница подобрала платье под стать своему садовому любимцу: ярко-жёлтое, струящееся по ключицам. Огненные нити расплзлись по клумбам ещё дальше, поглотив все гортензии «Лайм Лайт» и заслонив собой деревянную

КОСПРОМА

табличку с их заумным латинским названием. Свадебные фотографии на фоне инопланетных зарослей удались на славу: молодые стояли в центре пожара и вымученно улыбались. Несчастная Рыба придерживал «беременную» супругу за талию, чтобы та не оступилась и не навредила малышу. Вокруг с неподдельной радостью прыгал Бася. Он от восторга в шутку нападал на хозяйкины праздничные туфельки и мешал позировать, крутя хвостом, как вентилятором. Поэтому белое пятнышко с четырьмя лапами на всех снимках получилось мутноватым, но крайне довольным.

Спустя несколько месяцев «беременная» Повилика всё же сумела выкрутиться. Заявилась домой в изодранной одежде, перепуганная, заплаканная: «Напали собаки, отбивалась, упала на живот...». Врач, сдобренный новым гжелевым сервизом и бутылкой коньячка, подтвердил: «трагически потеряла ребёнка в результате несчастного случая».

Мама

– Если «Летний воздух» оценят на «отлично», с меня – вечеринка!

Повилика тряхнула головой и вызывающе уставилась на компанию, сидевшую за столиком в университетском буфете. Она нарочито храбрилась: громковато смеялась, многовато (и слишком дружелюбно) со всеми общалась, жадно пила энергетики. Близился конец сессии, все были зелёными, уставшими и нервными: хотелось хоть как-то разрядить обстановку. Однокурсники встrepенулись и разом подняли головы, как услышавшие посторонний шорох сурикатy. Предложение звучало заманчиво и, судя по вонзившимся в девушку взглядам, пришлось по душе большинству присутствующих.

Когда пейзажу «Летний воздух» дали высшую оценку, а Повилика закрыла сессию на «отлично», ей вежливо напомнили о вскользь брошенных словах. Выдвинуться на проведение общественного мероприятия – всегда просто, а вот выкрутиться или «задвинуться» обратно – труднее. Пришлось назначить обещанную домашнюю вечеринку на воскресенье. Организовывать ужин, музыку, настольные игры, конкурсы и импровизированный бар взялась мама Повилики – настоящий домашний Чичерин. Её так прозвали за мудрость и умение дипломатично свести на нет любой конфликт со вспыльчивой дочерью: согласиться, уступить, тактично промолчать.

Клавдия Сергеевна с утра до ночи торчала на кухне, готовя обеды, ужины и ланчи. Но эти запасы «на пару дней вперёд» обычно иссякали тем же вечером, потому что зять обладал акульим аппетитом: он любил прокрадываться к холодильнику в любое время суток и воровать то котлеты, то пирожки, то плоски с салатом. Мама стирала, гладила на всю семью, прибиралась в квартире и на даче, кормила Басю, а по вечерам помогала дочери грунтовать холсты или, задыхаясь от едких запахов, размешивать краски. После смерти отца к домашним обязанностям прибавились новые – организационно-курьерско-секретарские, – и она с рвением принялась за их исполнение.

Узнав о предстоящем празднике, «Чичерин в переднике» покорно составила списки продуктов для «Пятёрочки» и нашла в интернете рецепт торта «Сказка Венского леса», который постоянно забывала. Она украсила квартиру цветами, заказала шейкер для спиртных напитков и перемыла все имеющиеся в шкафах сервизы. За два дня непрерывной подготовки мама успела так устать, что едва открывала глаза, но на что ни пойдёшь ради искусства, ради таланта...

К пяти часам в квартиру нагрянули радостные однокурсники: кто с гитарой, кто с закуской, кто с бутылкой красного полусухого под мышкой. Пока они осваивались в комнатах, Повилика проскользнула к матери и намекнула, что не хватает фруктов. Та с готовностью подхватила авоську и направилась в магазин походкой пожилой, но деловитой куропатки.

Похватав с полок столько ананасов, апельсинов и манго, сколько могла унести, Чечерин поволокла пакеты на праздник. Обратный путь оказался ей гораздо длиннее: тротуары вытягивались на глазах, подъёмы становились круче, а ямы на дороге – глубже. По всему телу разлилась противная, зловещая слабость. Обычно для того, чтобы подняться на третий этаж, нужно было преодолеть сорок ступеней, но теперь по ощущениям их было больше ста!

Тем временем молодые художники наперебой поздравляли Повилику и уплетали под джазовую музыку торт с кремом. Виновица торжества, стараясь всех развлечь, перепархивала из комнаты в комнату этакой современной Анной Павловной Шерер: задавала беседам игривый тон, раскладывала настольные игры и предлагала добавку десерта тем, кто делал самые убедительные комплименты. Она впервые за долгое время чувствовала себя не просто тенью КМ, а интересной личностью, важным членом коллектива, и упивалась этим чувством почти так же, как все остальные – маминым тортом. В дверь квартиры робко постучали, и законодательнице светских бесед пришлось отвлечься от своей компании. Мама протянула покупки и попросила Повилику вынести лекарство от сердца. Ей всю дорогу было не по себе: болела голова, немели руки... Девушка сбегала на кухню и схватила таблетки, озираясь по сторонам, чтобы никто из однокурсников ненароком не заметил стоящую у входа Клавдию Сергеевну. Одетая по-домашнему, вспотевшая, с мозолями на руках и дряблым лицом, она выглядела далеко не так представительно, как Повилике хотелось бы.

– Мамуля, без тебя – мне не жить! Может, сходишь к кому-нибудь до одиннадцати? Или погуляешь... А то неудобно как-то.

Юная художница вновь затерялась в толпе поздравляющих, а мама, не успев попросить воды, чтобы запить таблетку, вышла на лестницу. Подождать несколько часов – не так уж и страшно. Они молодые, пусть повеселятся. Но слабость была нестерпимой: пришлось спуститься на улицу и найти скамейку, чтобы не упасть. Мама прилегла прямо на деревянной лавке и задремала с каким-то странным, чуть скошенным набок лицом. Проходивший мимо юноша почуял что-то неладное и окликнул её, но женщина молчала. Нижняя губа безвольно оттопырилась и казалась онемевшей.

КОСПРОМА

А Повилика в это время разливала по бокалам шампанское, вся покрасневшая от гордости и градусов. К её барной стойке, смастерённой из кухонного стола, выстроилась очередь. Люди наблюдали, как художница крутит над головой шейкер с сомнительным коктейлем, потрескивая кубиками льда, и хлопали в ладоши. Кто-то догадался отключить люстру и размотать на полу клубок ядовито-розовой светодиодной ленты. Студенты прыгали в кислотных лучах под ужасающие звуки пост-панка, стараясь казаться в два раза пьянее, чем были на самом деле. Некоторые пускали изо рта и ноздрей приторные облачка от электронных сигарет, поэтому в квартире всё пропахло бананово-манговым дымом. На диванах расположились играющие в «Мафию» и «Крокодила», тоже изрядно хмельные. Они на ходу забывали правила и выдумывали новые, гораздо более изощренные.

За окном – звук сирены и мерцающие огни: синий, красный, синий, красный, синий. Из окна – водопад розовых лучей и душистый пар. Юноша успел позвонить в «скорую». Вскоре сирена затихла. Лавочка перед подъездом была пуста.

Повилика узнала о случившемся ближе к утру, когда вспомнила, что мама так и не вернулась домой за стаканом воды. Она решила, что ещё успеет навестить больную, а пока что нужно срочно перебороть похмелье и закончить работу над картинами, ведь через два дня – вернисаж. Забот всё прибавлялось, времени всё не находилось. Муж периодически звонил в больницу: врачи успокоительно рассказывали, как борются за здоровье пациентки. А Повилика беззаботно рисовала, рисовала, рисовала...

После вернисажа Рыба предложил съездить на дачу, а потом проведать маму (как раз по пути). Розово-жёлтый островок серпантина появился уже под самым окном деревенского дома. Он увлеченно душил пионы «Кора Стаббс» и с любопытством заглядывал в комнату, легонько трогая веточкой стекло. Повилика, распустив волосы, стояла перед окном и любовалась разноцветным буйством своей разрастающейся тётки. По плечам струились золотистые завитки, оставшиеся от расплетённой косы. Они тянулись к стеблям-кудряшкам по ту сторону стекла с неменьшим любопытством. Рыба обнял девушку за плечи и замер рядом, про себя умоляя провидение не испортит кинематографичный момент.

Тишину нарушил громкий инородный звук: забытый на веранде телефон взвыл трелью из полонеза Огинского. Мужчина поёжился и раздражённой походкой направился к выходу, чтобы узнать, в чём дело. «Примите наши соболезнования. Клавдии Сергеевны не стало».

Рыба

Муж вряд ли любил её в известном смысле слова. Он по кому-то тосковал, но не смел выразить этого вслух, а потому продолжал молча работать, есть и спать; работать, есть и спать. Повилику это вполне устраивало: бизнес полностью обеспечивал её сиюминутные желания.

После того, как доктора рассказали о гибели младенца, Рыба как-то потух, осунулся и зачах. Он продолжал обходиться с женой ласково и терпеливо в надежде, что рано или поздно она согласится снова попробовать завести ребёнка. Высокий, бородатый, по-дикому красивый и мускулистый, этот человек на самом деле всю жизнь мечтал только о любящей семье. Проходя мимо песочниц, качелей и горок, он сурово расправлял плечи и хмурился, но под толстым слоем бороды – улыбался. Улыбался по-юношески восторженно и нежно, будто всё мог отдать, чтобы оказаться на месте одной из няnek, отряхивающих сорванцам испачканные штаны.

Повилика не догадывалась, как много любви к выдуманному ею младенцу было готово вместить сердце этого человека. Она не знала и того, что Афанасий каждый день придумывал сотни неосуществимых сценариев, в которых малыш всё-таки выживал и появлялся на свет. После таких раздумий Рыба обычно замирал в глубокой растерянности посреди комнаты. От осознания собственного бессилия шумно дышал, перебирал бороду и... молчал.

Он бы с радостью и дальше безропотно выполнял все прихоти жены. Отвозил её на работу, встречал поздно вечером с выставок и институтских мероприятий, обеспечивал, помогал по дому, покупал подарки, водил в рестораны. Но однажды Рыба осмелился открыть Повилике своё самое сокровенное желание в надежде, что она разделит его мечту о будущих детях. Девушка в ответ брезгливо подняла бровь и фыркнула. Роды портят фигуру, сажают иммунитет, ускоряют старение, а уход за ребёнком отнимает слишком много драгоценного времени, которое может быть использовано для творчества или путешествий. Она никогда не хотела детей, а несчастный случай, произошедший с их малышом – большая удача. Как вообще можно мечтать об источнике шума, грязи и хаоса?!

Бася, внимательно слушавший разговор, прорычал Рыбе что-то ворчливо-неодобрительное. Он не понимал, о чём шла речь, но хозяйку был готов защищать до беспамятуства. Если с ней кто-то спорил, то Бася переходил в наступление: сперва осуждающе смотрел из-под дивана, а потом начинал лаять и царапался. Иногда он мог даже порвать мелкими острыми зубками чей-нибудь тапочек или цапнуть за лодыжку.

Повилика поставила мужа перед выбором: или она – или ребёнок. Пару дней удивлялась, что Рыба молчит тише обычного, избегает её общества и возвращается с работы поздно. Разозлившись на его холодность, девушка вечером отправилась на дачу. С досадой хлопнула дверью машины, будто хотела расплющить ею чью-нибудь голову. В саду было темно, как в коробке из вантаблэка; только в траве и между яблоневых ветвей фосфорическими брызгами копошились светлячки. От них не становилось светлее, даже наоборот: ночь густела между яркими вкраплениями с двойным усердием. Не заметив в саду ничего необычного, Повилика проскользнула в дом гневной тенью.

Утром она проснулась чуть более умиротворенной, приняла жасминовую ванну и приготовила любимый кофе с корицей и кусочками зефира. Вышла на террасу, чтобы в одиночестве насладиться деревенским

КОСПРОМА

воздухом и оптимистичным чириканьем из-под карниза. Вдруг Повилика выглянула в сад и охнула от восторга: почти весь участок превратился в инопланетное поле разноцветных шнурочков. Исчез предпоследний холмик бабушкиного Эдема – клумба английской лаванды «Силвер эдж».

Окончательно оправившись от гнетущего настроения после ночи на природе, девушка вернулась в город. Она рассчитывала, как обычно, застать мужа дома за завтраком, приготовленным на двоих. Но что-то в квартире изменилось, стало немного чужим: на крючке возле входной двери не хватало одного зонтика, на стеллаже для обуви – мужских кроссовок. Стол был пуст, а посуда – нетронута: в то утро никто не приготовил завтрака. Шкаф мужа опустел, а из туалета пропала одна зубная щётка. В прихожей появился огромный красный чемодан: выбор был сделан.

«Дорогой, вернись! Без тебя – мне не жить» – последнее, что услышал Рыба, прежде чем навсегда захлопнуть дверь их семейного очага.

Талант

Повилика осталась одна. Выставки, вернисажи, арт-галереи, пленэры, учёба в Суриковском – в общем, всё, что относилось к высокому искусству, пошло побоку. Рыба-снабженец уплыла, и теперь нужно было как-то выживать, оплачивать счета, зарабатывать на пропитание. А изменять привычке жить на широкую ногу совсем не хотелось. Какое там вдохновение: девушка каждый день так уставала, что на создание стоящих картин не оставалось сил.

Постмодернизм сыт не будешь: направление далеко не коммерческое. Поэтому художница переосмыслила своё отношение к искусству: купила три килограмма полимерной глины и простенький графический планшет. Мастерская опустела: начатые холсты скромно спрятались в углу за письменным столом, а новые – так и остались нетронутыми. Акриловые краски успели испортиться, растворители – высохнуть. Теперь вместо работы у мольберта девушка часами лепила брелки, копилки и кулоны в виде свинок или медвежат. Повилика мечтала уже не о собственной галерее в Петербурге, а о том, чтобы её интернет-магазин «Уголок теплоты» набрал три тысячи подписчиков в инстаграме до сентября. Она стала эксплуатировать талант и рисовать на потребу, для заработка: пошлые иллюстрации для второсортных книг, рекламные постеры и логотипы по заказу начинающих бизнесменов, дизайны футболок, семейные портреты. Глиняные безделушки и цифровые картинки приносили заметный и быстрый доход, в отличие от качественной живописи.

Но денег всё равно не хватало: пришлось отказаться от лавандово-кокосовых рафов на банановом молоке и пить Нескафе голд на коровьем, а Басе насыпать чуть меньше корма, чем положено. Пёс похудел и ослаб, но есть не просил: вежливо ждал, пока о нём вспомнят. Он будто понимал, как хозяйке непросто, и голодал добровольно. Не скулил, не выл, не требовал лакомств (как часто бывало в старые добрые времена, когда родители

Повилики подкармливали его со стола). Только сворачивался калачиком у ног художницы и время от времени по-человечески вздыхал. Девушка вздрагивала от его редких всхлипов, оглядывалась по сторонам: она забывала, что собака лежит под столом, и ей мерещилось, что в квартиру пробрался какой-то печальный призрак.

Коллеги-художники стали постепенно забывать о существовании бывлой «восходящей звезды» института, ведь она больше не участвовала в вернисажах и не писала авторских работ. Фамилия Повилики исчезла с институтской Доски почёта и перекочевала в списки кандидатов на отчисление. Компания «близких друзей» облегчённо вздохнула: за самым уютным столиком в буфете освободилось место. Только КМ изредка вспоминала о затворнице и тайно жалела прежнюю подругу, несмотря на увядшего жениха.

Около шести вечера измазанная глиной и обозлённая Повилика в сотый раз за день взяла телефонную трубку. Но вместо очередного хамоватого заказчика из динамика зазвенел знакомый томный голос:

– Привет! Совесть не позволила... Вот звоню, хоть ты и паразитка порядочная. Объявили конкурс постмодернистов, как будто специально для тебя. «Центр Помпиду» обещал выкупить лучшую работу и включить в постоянную экспозицию. Тебе такая сумма и не снилась. Награждение – в Париже.

«А может, не всё потеряно? Не мог же талант так вдруг испариться? Без него мне не жить!» – пронеслось в Повиликиной голове. Забыв вынуть из духовки очередную порцию полимерных брелков, она бросилась в мастерскую, разбудила мирно дремавшие холсты, перебаламутила просроченные краски. Но творческого подъёма и любопытных идей – как ни бывало. Руки упорно помнили только о глиняных зайчиках; держали кисть неловко, как на первом курсе. Похоже, только бабушкин дом мог вытащить вдохновение из летаргического сна. Девушка подхватила под мышку сонного Басю и бросилась к машине.

Первое, что заметила Повилика, войдя во двор – огненное облако, поглотившее весь сад. Не осталось ни одного зелёного кустика, ни одной травинки, которые не были бы задушены розово-жёлтыми нитями. Последняя клумба с флоксами «Коралловые глазки» исчезла под натиском неумолимого сорняка. Зрелище было то ли чудовищным, то ли чудовишно потрясающим.

Девушка охнула, стукнула себя по лбу ладошкой и схватилась за кисти. В голове мгновенно возник образ: крошечное окошко в инопланетный мир, настолько реалистичное, но в то же время потустороннее, что смотрящий на него должен был теряться и с удивлением прищуривать глаза. Не обманывает ли зрение? Что если это не картина, а лишь отверстие в стене? Холст, в котором, как в зеркале, отразится повиликовский Эдем, будет объёмным, живым.

Несколько месяцев художница трудилась, пытаясь перенести живые стебли на холст, не упустив ни одного изгиба, ни одного язычка пламени. Утраченные навыки возвращались как бы нехотя; то и дело проскальзывала надуманная иллюстраторская манера. Но Повилика не сдавалась, и ей

КОСПРОМА

казалось, что работа вот-вот станет идеальной. В глазах рябило всеми оттенками оранжевого, а от запаха растворителей уже мутило. Девушка отошла от мольберта и прищурилась, оценивая результат своего труда. Ей казалось, что картина дышит. Улучшать было нечего: перспектива выверена, каждый цвет на своём месте. Дикий костёр из стеблей обжигал глаза.

Она не могла не победить. Повилика в последний раз окинула взглядом холст, перестала остервенело смешивать краски и оставила Эдем подсыхать. Наконец, работа была отослана на конкурс.

Бася

На линолеуме в гостиной разлеглись чемоданы. В них кое-как были накинаны юбки, босоножки, кружевные топы и косметички. Какой-то чулок торчал из сумки хамелеоньим языком, рыская по полу в поисках пищи. Растрёпанная Повилика в горячке маршировала из угла в угол, с трудом соображая, что ещё ей может понадобиться во Франции.

– Я должна, должна выиграть! Должна выиграть! – как мантру повторяла художница. Веря, что мысли материализуются, она внушала себе: – С этого дня – конец одиночеству, конец потерям. Родители, подруга, муж – хватит! Вернусь к высокому... Творчество – вот что спасёт. Талант, как говорится, не пропёшь.

Девушка маниакально верила, что на предстоящем награждении все будут ждать именно её. Сроки объявления результатов давно прошли, а имя победителя всё ещё не было известно. Дата торжественной церемонии неумолимо приближалась. Запоздавшее жюри, как всегда, не задумывалось о том, насколько трудно в последнюю минуту собрать вещи, оформить визу, купить билет...

На дне самого большого чемодана в грудe белья что-то зашевелилось и заспело. Из-под свитера показалась заспанная морда. Бася чихнул, положил голову на стопку носков и стал следить за передвижениями хозяйки. Он уже внёс значительную лепту в сборы багажа: незаметно подкинул в сумку покусанный теннисный мячик, свинку-пищалку и наполовину съеденную прошлогоднюю косточку. Устав от предпарижской суеты, пёс задремал в таком месте, где его точно не забудут, если внезапно начнётся путешествие.

Взгляд хозяйки рассеянно остановился на вздохнувшем белом комочке. Брать Басю с собой она не собиралась. Столько лишних хлопот... У него не было ни нужных прививок, ни документов, ни подходящей переноски. А билеты для путешествий с животными стоили кучу денег. Повилика не планировала возвращаться в Россию после получения «приличной суммы, которая ей и не снилась». Европа казалась художнице раем для самореализующегося постмодерниста. Там всё пахло современным искусством, даже кусты, помеченные местными бульдогами. А собака – непозволительная обуза для будущей карьеры.

Повилика, не раздумывая, подала объявление на Авито: «Отдам умного и воспитанного пса средних размеров в добрые руки». Пара звонков – и судьба

уснувшего в чемодане зверька была решена. Бася, ни о чём не догадываясь, снова чихнул из-под свитера. Пыльно... Но ничего, зато он помогает хозяйке собираться.

Утро следующего дня началось со стрекота электрического звонка. Дверь ёжилась от резкого звука, опасаясь, что в неё скоро начнут больно стучать. Пёс подскочил и с радостным лаем кинулся на защиту территории. Наконец-то он полезен! Бася пронёсся мимо Повиликиной спальни и всеми четырьмя лапами затормозил на веранде, скомкав при этом входной коврик. Упёрся носом в щель под входной дверью и прорычал ранним гостям, чтобы те убирались вон. Хозяйка устала, а ей скоро в путь.

После бессонной ночи Повилика, как сомнамбула, включила на кухне электрический чайник и вышла на веранду, где буйствовал её защитник. Он до сих пор воевал с электрическим звонком, пытаясь перекричать монотонный стрёкот. Шикнув на Басю, девушка скользнула на крыльцо и отстранённо поприветствовала пожилую пару. Полненькая женщина в малиновом берете с восторгом бросилась к «хорошенькой собачке». Не успел пёс опомниться, как уже сидел у неё на руках, в опасной близости от ужасного берета. Незнакомка пахла как клумба отцветающих флоксов: ядрёные дешёвые духи можно было учуять за несколько метров. Собака кинула пухлый мизинец толстушки и резким прыжком освободилась из непрошенных объятий. Бася был смущён и напуган излишним вниманием; новые голоса казались грубыми и шумными, чужие руки – опасными. Он спрятался в подоле хозяйского халата, пока Повилика заполняла какие-то бумажки и беседовала с чужаками. Только изредка выглядывал проверить, не исчезла ли страшная малиновая женщина. Но та продолжала бесцеремонно стрелять в Басину сторону умильными взглядами и ворковать. Её спутник (вероятно, супруг) устало переминался с ноги на ногу: он тоже хотел, чтобы визит в деревенский домик с чудовищно лохматым садом поскорее закончился. Мужчина сочувствовал незнакомому псу, потому что знал не понаслышке, как могут быть навязчивы жёнушкины нежности.

Наконец, с формальностями покончили, и Повилика вынесла из коридора ошейник и поводок. Пёс сперва обрадовался внеплановой прогулке и, молотя по бокам хвостом, запрыгал перед хозяйкой на задних лапах. Но, когда его ошейник был вручён малиновой барышне, заподозрил неладное... Пссспс, ути-ути-ути, фьюить! Иди сюда, мой хорошенький!

Бася прижал уши к затылку и затравленно смотрел на приближавшегося врага. Дамочка свистела, цокала, булькала и улюлюкала – словом, издавала всевозможные звуковые комбинации, которые, по её мнению, должны приманивать собачек средних размеров. Повилика стояла у калитки и, прислушиваясь, не закипел ли чайник, ждала финала затянувшегося представления. Пёс нырнул в огненные заросли и с колотящимся сердцем прополз в другой угол сада.

Стебли натягивались и рвались под поступью лап. Бася помнил, как ещё недавно увязал в упругой огненной гуще и запутывался в живом серпантине. Но теперь всё было иначе: он с лёгкостью преодолевал заросли, как будто

КОСПРОМА

бежал по ровной земле. Позади него оставалась тропинка из обмякших веточек.

Мелькавший между кустиками малиновый берет не отставал: пришлось снова бежать к калитке. Бася бросился к хозяйке, заскулил, упёрся передними лапами в её колени и заглянул в лицо. Как обычно, просился на руки, чувствуя опасность.

Когда они с Повиликой гуляли в городском парке, её охранник так же спасался от крупных псов. Девушка поднимала его высоко над землей, и страх отступал. Как только опасность миновала, она опускала белый комочек обратно, а пес благодарно облизывал её ладони и прыгал от восторга.

Но в этот раз хозяйка не торопилась взять его на руки и успокоительно погладить по загривку. Она села на корточки и крепко схватила Басю за бока, чтобы малиновая женщина смогла наконец нацепить на непослушную собаку ошейник с поводком. Когда, довольная своим приобретением, пожилая пара выходила из калитки, художница, чтобы не видеть извивавшееся на поводке животное, быстро отвернулась и пошла заваривать чай. Далёкий отчаянный лай был слышен ещё долго.

Позавтракав, Повилика закрыла на замок с пин-кодом большой чемодан. В нём так и остались лежать теннисный мячик, свинка-пищалка и наполовину съеденная прошлогодняя кость.

Почему?

Повилика не помнила, как оказалась в больнице (наверное, соседи позаботились). Лицо – блеее накрахмаленной простыни. Кровавые трещины на губах. Глаза замерли, впились в одну точку – случайную царапину на потолке. Девушка не знала, сколько времени пролежала в страшной палате. Она снова и снова вспоминала тот долгожданный звонок из посольства: «Здравствуйте! В почтовое отделение № 98 отправлена посылка с Вашим пейзажем. Необходимо забрать в течение двух недель. Всего доброго!».

Короткие гудки.

Лихорадило. Пульс непрерывно скакал, отдаваясь в затылке болезненными щелчками. Волнами накатывали мысли о прошлом; вслед за ними – паника. Повилика больше не жила. Эмоциональные качели бросало из стороны в сторону: апатия – истерики – безразличие – тревога...

– Почему так сложилось? Блестящее начало. Семья, карьера... Почему? С чего всё началось?

Жалобные «почему» разлетались по всей палате, то взмывая к потолку, то отскакивая от стен, то по-вороньи кружась над постелями больных.

Однажды Повилика услышала голос: то ли с небес, то ли с соседней койки. «Как странно тебя назвали – назвали – назвали. А ты знаешь, что имя влияет на судьбу – судьбу – судьбу? Что значит Повилика – Повилика – Повилика?» – эхом отдалось в её воспалённой голове. Следом из глубин памяти всплыли мамины слова: «Всё тут удушит... Сорняк, паразит».

И вдруг – как током ударило!

– Конечно же имя... Дело в имени. Ведь всё началось, когда я его поменяла.

Художница схватила с тумбочки телефон и перевернулась лицом к стене. На первом попавшемся сайте она нашла информацию:

«... Этот сорняк плохо справляется с фотосинтезом, поэтому питается другими. Как только паразит находит хозяина, он обвивается вокруг него, внедряет в ткани грибообразные «присоски» и питается его соками, в результате приводя к гибели растение-жертву. После прорастания семян у молодых побегов есть всего неделя, чтобы найти хозяина; в противном случае они умирают».

«Приводя к гибели жертву...» – вслух повторила Повилика. Перед глазами обрывками кадров пронеслось:

- разбитая тойота –;
- мамина таблетка –;
- нарисованные на тесте две полоски –;
- лицо мужа, когда он обернулся, прежде чем навсегда захлопнуть входную дверь –;
- ошейник с поводком –.

Художница до онемения пальцев сжала в кулаке край простыни.

– Да, это – я! Даже талант свой предала.

Девушка нервно обшаривала взглядом статью, и вдруг в панике застыла: «После прорастания семян у молодых побегов повилики есть всего неделя, чтобы найти хозяина; в противном случае они умирают».

– Они умирают.

Просидев несколько минут в оцепенении, Повилика судорожно покидала вещи в дорожную сумку и, когда все врачи были в ординаторской, бросилась к выходу из больницы. В груди колотился иррациональный, всепоглощающий страх смерти. «В саду не осталось ни одного живого цветка... повилика погибла. Она умрёт... значит и я... я тоже умру!»

В последний раз подпрыгнув на колдобине, машина остановилась перед закрытыми на висячий замок деревянными воротами. Таксист заглушил двигатель и отстегнул ремень безопасности. С участка навстречу девушке грудой вывалились засохшие завитки. Стебли гнили и превращались в пыль от одного прикосновения. Они были всюду: не только на клумбах и газонах, но и на тропинках, крыше, в горшках на подоконниках, в трещинках между камнями, на огороде, в пруду... Из рыжих, розовых и жёлтых заросли превратились в чёрные и тёмно-коричневые.

Защищая лицо от колючей сетки стеблей, Повилика пробиралась к дому. На крыльце ей померещился то ли мешок, то ли груды мусора, оплетённая полусгнившим серпантинном. Подойдя ближе, девушка стала вглядываться в неясное пятно и различила очертания женской фигуры. Руки, беспомощно повернутые ладонями вверх; ноги в салатových кедах; раскиданные светлые волосы. Вскрикнув, она зажмурилась, не решаясь взглянуть на лицо. Труп был

КОСПРОМА

полностью оплетён повиликовыми стеблями; кое-где они просочились под кожу и чернели сквозь плоть неестественным подобием вен. Из ушей, ноздрей и рта тоже виднелись засохшие побеги.

От ужаса художница не могла пошевелиться. Сердце стучало так сильно, что венки на шее и висках были готовы лопнуть. Она смотрела в молочные глаза мёртвой уже несколько минут. Перед Повиликой лежало её собственное тело. Изуродованное, частично разложившееся, но, несомненно, её. Те же белёсые ресницы, те же губы, даже недавняя ссадина над ключицей. Схватившись за голову, девушка то ли закричала, то ли зарыдала.

В ответ на вопль из-за забора донёсся лай. Через прорытый под изгородью тоннельчик протиснулся пёс. Повилика ничего не слышала. Тишина обволокла её липким невидимым саваном. Молочные глаза мертвеца гипнотизировали, не отпускали. Она умирала. Сквозь хрусткие кусты к оцепеневшей хозяйке подкралось счастливое белое облачко. От малиновой женщины Бася почти сразу сбежал и поселился под крыльцом бабушкиного дома. Пес каждый день ждал, что она вернётся, и теперь, похрюкивая и повизгивая, протанцевал перед ней на задних лапах что-то невообразимое. А потом, изловчившись, подпрыгнул и лизнул в подбородок.

И Пульхерия вернулась. Наваждение отступило. Гипнотизирующие молочные глаза превратились в две плоские с дождевой водой, которые стояли в салатном тазу для сбора компоста. Девушка улыбнулась и без сил опустилась на ступеньку, где её тут же настиг дружеский влажный нос. Хозяйка обняла родной шерстяной комочек, посадила на колени и запустила пальцы в отросшие на макушке белые кудри.

«Почему?» сублимировались в одну точку и вернулись обратно к Пульхерии. Она, наконец, всё поняла.

III. ДРАМАТУРГИЯ*

СВЕТЛАНА ПАТРАЕВА, 58 л., г. Уфа. В 1986 году получила диплом Уфимского государственного института искусств по специальности «артист драматического театра и кино». С 1986 года работала в Уфимском ТЮЗе, в Стерлитамакском государственном драматическом театре, в Оренбургском государственном драматическом театре, с 2005 года по 2020 год в Березниковском драматическом театре, Пермский край. В 1996 году получила почётное звание «Заслуженная артистка Республики Башкортостан». Член СТД РФ с 1994 года. Член Гильдии драматургов России (Москва) с 2021 года. Победитель Международного литературного конкурса имени А.Н. Плещеева в номинации «Драматургия» (2022 г.).

*Посвящается 100-летию деревни Любовка
Стерлитамакского района Республики Башкортостан,
75-летию Победы в Великой Отечественной войне
и всему большому роду Патраевых*

ЗАПАХ ТЁПЛОГО ХЛЕБА

пьеса, в которой переплетаются выдуманная история и невыдуманный герой с документальными воспоминаниями

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ДЕДУШКА (ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ) – 82 года, он принадлежит тому поколению, кого мы называем «дети войны»

ПАПА (ВИКТОР) – средних лет, сын дедушки

МАМА (АЛЁНА) – жена Виктора, средних лет

ДОЧЬ (ВИКА) – их дочь, 17 лет, учится в 11 классе

СЫН (СЕРЕЖА) – их сын, 14 лет, учится в 8 классе

ВРАЧ «СКОРОЙ ПОМОЩИ»

СЕМЬЯ ПАТРАЕВЫХ – ЭТО СЕМЬЯ ДЕДУШКИ ВЛАДИМИРА СЕРГЕЕВИЧА ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ 1941- 1942 ГОДА:

ОТЕЦ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – 31 ГОД, счетовод колхоза

МАМА ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА – 36 ЛЕТ, работает в колхозе

СЕСТРА НИНА – 14 лет, работает в колхозе

СЕСТРА ЕЛЕНА – 13 лет, учится в 7 классе в д. Услыбаш

СЕСТРА ЛИДИЯ – 11 лет, хромает после травмы в 5-летнем возрасте, работает в колхозе

СЕСТРА ВАЛЕНТИНА – 8 лет, учится во 2 классе в д. Любовка

ВОЛОДЯ – 4 года

ПОЧТАЛЬОН ДЕРЕВНИ ЛЮБОВКА

* Все пьесы раздела «Драматургия» печатаются в авторском оформлении

Сцена 1

*Наши дни. Центральная комната квартиры – студии с кухней. Стоит большой обеденный стол со стульями, большой удобный диван, кресла, телевизор и т.д. Ещё в квартире есть комнаты для мамы с папой, дочери и сына. Дедушка с бабушкой живут в этой центральной комнате. В углу стоит его маленький диван. Утро. Мама хлопочет у плиты. Дети собираются в школу. Взрослым, кроме Дедушки, надо на работу.
А вот и Дедушка входит в квартиру.*

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ *(в руках пакет)*. Всем доброе утро! *(Кладёт пакет на тумбочку.)*

АЛЁНА. Доброе, доброе, если оно, конечно, доброе... Папа, вы опять за хлебом с утра пораньше ходили, да?

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Ну, а что? Мне несложно.

АЛЁНА. Вы, наверное, первый покупатель в магазине?

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Да я не в магазине беру, в хлебном киоске. У них хлеб всегда свежий... Я в восемь часов прихожу, в это время хлебушек ещё горячий, запах такой стоит...

АЛЁНА. У нас ещё вчерашний хлеб не закончился. Ну, зачем так с утра себя утруждать?

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Да мне нетрудно. Поухаживать за всеми. Я же куда не тороплюсь.

АЛЁНА *(обожглась у плиты)*. Ой! Да что б тебя! Горячая какая...

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Обожглась?

АЛЁНА. Ну, конечно, тороплюсь... как всегда...

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. За ухо возьмись, помнишь, я тебя учил? Лишнее тепло уйдёт и легче станет.

АЛЁНА *(берётся за ухо левой рукой, а правой ловко раскладывает омлет на пять тарелок и наливает пять кружечек с чаем)*. И правда, легче... Спасибо.

Алёна приносит на подносе тарелки, вилки и кружки, быстро расставляет их на столе.

АЛЁНА *(села за стол, начала есть)*. Папа, садитесь, ешьте! Дети, за стол! *(смотрит на часы на стене)*. Скоро Виктор с ночной смены придёт...

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ *(сел, придвинул тарелку, взял вилку, оглядел стол)*. Да что ж это я! *(Смеется.)* Хлеб принёс и не нарезал. Забыл!

Владимир Сергеевич пошёл за доской и ножом.

АЛЁНА. Папа, я не хочу вас расстраивать, но у нас хлеб толком и не ест никто. Зря вы напрягаетесь каждый день, встаёте ни свет ни заря.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Я уже сказал, мне нетрудно за хлебом сходить *(Нарезает хлеб.)* А хлеб кушать надо! В нём сила и здоровье ваше. *(Протягивает кусок хлеба Алёне.)*

АЛЁНА *(берёт хлеб и кладёт на тарелку)*. Папа, я на диете сейчас, ну нельзя мне хлеб. Я от него толстею не по дням, а по часам! Хорошо вам, вы худенький от природы. *(Зовёт)*. Дети, завтракать!

Из своей спальни появляется Серёжа. Подходит к столу.

СЕРЁЖА. Мама, а йогурт мой где?

АЛЁНА. В холодильнике. Омлет поешь, он тёплый ещё.

СЕРЁЖА. Нет, я лучше йогурт. *(Взял йогурт, быстро ест его ложкой, стоя.)*

АЛЁНА. А Вика где? *(Зовёт.)* Вика!

Вика выходит из своей спальни, какая-то бледная и без настроения.

ВИКА. Всем привет!

АЛЁНА. Привет, привет. Садись, ешь! Омлет вот.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ *(кладёт на тарелку Вики кусочек хлеба)*. И хлебушек свеженький, тёплый ещё.

ВИКА. Да нет, мама, мне в школу пора. А хлеб кушать сейчас не в тренде, дед!

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Как ты сказала! Не в ... что?

ВИКА. Не в тренде! То есть не в моде. Понимаешь, дед? Хлеб твой сейчас не в моде.

Вика идёт к выходу, надевает куртку. Серезжа тоже подходит, надевает куртку, и они со словами: «Мы ушли» оба уходят в школу.

АЛЁНА *(вслед детям)*. Хорошего дня!

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ *(осматривает стол)*. Ну вот, и не поели ничего. Мода у них какая – то... Без хлеба. Откуда силы будут брать?

АЛЁНА. Ой, папа, не обращайтесь внимания! Дети сейчас все такие. Непонятно – как живут, чем занимаются, что едят? Зато я наелась до отвала. Как теперь работать?

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Я, может, что не так скажу... Бабушке вот не нравится, что все в разное время едят.

АЛЁНА. Ну и что? Никакой проблемы я в этом не вижу. Все взрослые уже.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Бабушке хочется, чтобы все вместе кушать за стол садились, как раньше...

АЛЁНА. Времена-то изменились, папа, не будет как раньше.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ *(вздыхает)*. Ну, конечно, я понимаю...

Алёна встаёт и начинает убирать со стола.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Алёна, я сам уберу, оставь. Иди, а то опоздаешь.

АЛЁНА. Спасибо! Тогда я на работу! *(Идёт к выходу, надевает пальто.)* А мама-то когда приезжает?

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Через неделю, не раньше. Давно она на родине не была. Сама понимаешь, пока увидит всех, пообщается со всеми...

АЛЁНА. Понятно. Всё, я убежала!

Алёна надевает пальто и уходит на работу. Владимир Сергеевич подошёл к столу. Собирает в ладонь крошки хлеба со стола. Кладёт их в рот. Потом начинает складывать посуду на поднос.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Опять хлеб не поел никто. Может, хоть Виктор с работы придёт, поест... *(Вздыхает.)* Вот раньше говорили – хлеб всему голова. А сейчас хлеб и не нужен никому. Девчонки наши на каких-то диетах сидят всё время, всё худеют, худеют... Зачем, почему? Вроде, и не толстые. У малого кока-кола и чипсы в ходу. Чем живут дети, что едят? Непонятно. Хлеб,

КОСПРОМА

Вика говорит, не в моде. Да разве мода на хлеб распространяется? Это уже прямо дурость какая-то. Не знают наши внуки, что такое война, что такое голод... Да это и слава богу. Это не приведи господи никому. Кто прошёл через это, тот меня поймёт. Я-то, что такое голод, не понаслышке знаю, а молодёжи разве объяснишь? Наши отцы воевали и погибли, чтобы мы все не знали, что такое голод. Вот они и не знают. А ты, дед, терпи. Твоё дело помалкивать да за хозяйством следить. Чтобы хлеб в доме, и мука, и крупы, и всё, что можно, чтобы всё в доме было. Чтобы если вдруг что – чтобы запас в доме был. А они что? Они дети неразумные. И пусть. Пусть так будет всегда. Они же не со зла, они просто не знают, что такое голод. А ведь самое главное, чтобы голода не было. Никогда. Вот. А я буду у них на хозяйстве. Я всю жизнь, пока живу, буду им сытную жизнь делать, деточкам моим. Ну, что, дед, поворчал и хватит. Пора в магазин за мукой идти.

Владимир Сергеевич хотел пойти в магазин, но, как туман, его начинает окутывать дымка воспоминаний...

Сцена 2

Вечер. 22 декабря 1941 года. Дымка рассеялась, и перед нами простой деревенский дом в небольшой уральской деревне под названием Любовка. Посреди дома большой деревянный стол, вокруг него скамейки. Конечно, есть печь и одна большая деревянная кровать. Валя возится с Володей, Лида перебирает за столом крупу, Лена подметает пол, Нина возится возле печи. В избу заходит Федосья Лаврентьевна. Видно, что что-то случилось. Она растерянно встала в дверях.

ЛЕНА. Мама, мама, что случилось? Ты почему так долго?

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА. Всё хорошо, Лена, всё хорошо...

ЕЛЕНА. Я вижу, мамочка, что-то случилось. Мама, не молчи, пожалуйста.

Остальные девочки подходят к маме. Володя играет на полу.

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА *(закрывает глаза руками и начинает плакать)*.

Господи, за что? Как мы будем жить? За что, господи? Пятеро детей, как я с вами одна, за что? Я не смогу, я не выдержу...

НИНА. Мама, перестань, прошу тебя...

ЛЕНА. Мама, я сейчас тоже заплачу...

ЛИДИЯ. Мама, Володю напугаешь...

ВАЛЕНТИНА. Мама, а мы ужин готовим.

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА *(смотрит на всех детей, вытирает слёзы)*.

Ужин? Молодцы, какие вы у меня молодцы. Простите, дети, простите меня. Беда приходит, такая беда...

НИНА. Мама, не пугай нас, что случилось? Ну? Ну не молчи, мама!

Пауза.

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА. До меня слух дошёл, что отца вашего на фронт отправляют.

НИНА. Ты что говоришь, мама, у него же бронь есть?

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА. Не знаю я ничего, не знаю. Скоро отец придёт, и мы у него спросим.

НИНА. Не может быть этого, мама. Ты что-то не так поняла...

ЕЛЕНА. Он же счетовод в нашем колхозе. А счетовода и председателя нашего колхоза на войну не забрали.

ЛИДИЯ. Это кто-то пошутил так плохо, мама!

ВАЛЕНТИНА. Говорите потише, Володю напугаете.

Девочки успокаивают маму и сажают на скамейку.

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА. Нет, дети мои, чувствует моё сердце, что не шутка это. Да у кого язык повернётся так шутить. Что делать? Как мы будем жить дальше? Без вашего отца? Как???

НИНА. А говорили, что война закончится скоро.

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА. Говорили, да что-то пока война не заканчивается...

НИНА. Мама, не переживай. Мы фашистов быстро победим!

ЕЛЕНА. Мама, а у нас корова даёт молоко?

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА. Даёт немного, а почему ты спрашиваешь?

ЕЛЕНА. А почему ты нам его не даёшь?

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА. Мы всё молоко в колхоз сдаём. Себе ничего не оставляем.

ЛИДИЯ. А зачем колхозу так много молока?

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА. Набирается две фляги молока, мы их в деревню Услы отвозим.

ВАЛЕНТИНА. Мама, а ты тихонечко, чтобы никто не видел, открой флягу, набери немного молочка и нам принеси.

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА. Нельзя, дети. Нельзя. Да и фляги не откроешь. Они на замок закрыты, а ключа нет у меня.

Мама снова начинает плакать.

НИНА. Да, хватит, девочки про молоко говорить. Мама, ну ты опять плачешь?

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА. Если отца на фронт заберут, я не смогу, я не выдержу... Как я вас пятерых одна прокормлю? Вы маленькие ещё, не понимаете ничего.

НИНА. Мы взрослые уже, всё мы понимаем. Мы твои помощники.

ЕЛЕНА. А что, папа на войну уходит?

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА. Нет. Сначала вроде сказали, что с его должности не будут забирать. Сказали, что он здесь нужен, в тылу. А сегодня вот слух такой пошёл...

НИНА. Вот видишь, мама, а ты плачешь?

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА *(улыбается сквозь слёзы)*. Правда, что же это я? Нам повезло. Всего двое мужчин в нашей деревне остались, они здесь, сказали, нужнее.

Володя тоже подходит к маме.

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА *(обнимает его, целует)*. Сыночек мой дорогой! Деточки мои любимые... *(Обнимает всех.)*

ВОЛОДЯ. Мама, а ты мне сказку расскажешь?

КОСПРОМА

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА. Расскажу, обязательно расскажу. Перед сном, ладно, сынок? Сейчас иди с Валею поиграй.

В дом заходит Сергей Александрович.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*серьёзно*). Всё, жена, собирай пожитки. Одежду сменную положи, еду какую-нибудь. Ну, всё что там понадобится. Завтра рано утром на учения ухожу.

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА (*в растерянности*). На какие учения? У тебя бронь есть... Мне же сказали... Бронь...

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Да, была бронь. Но полгода уже прошло. Завтра меня в Табынск на месяц отправляют. На учения. Ну, а потом на фронт.

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА. В Табынск? Зачем это?

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Обучать будут. Готовить в командный состав. Как я понял, через месяц буду я командиром батальона.

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА (*плачет*). Не пушу! Не пушу тебя никуда...

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (*успокаивает жену*). Ничего, прорвёмся. Я узнавал, ты в Табынск сможешь ко мне приехать. Навестить. Володе пять лет скоро будет. Вот с ним и приезжайте. Увижусь с вами перед фронтом.

Федосья Лаврентьевна бросается мужу на шею. Всё окутывает дымка воспоминаний.

Сцена 3

Опять наши дни. Та же квартира. Владимир Сергеевич сидит на диване и читает газету. Из школы пришёл Серёжа. Владимир Сергеевич его встречает, помогает снять куртку.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Привет! Как в школе дела?

СЕРЁЖА. Да нормально всё. Двоек нет. Ты же знаешь, я почти на одни пятёрки учусь.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Ты у нас молодец! Иди, помой руки и будем обедать.

Серёжа ушёл мыть руки. В это время Владимир Сергеевич наливает суп в две тарелки, нарезает хлеб, ставит всё, что надо на поднос и выносит на стол. Расставляет тарелки, ложки, сметану и хлеб.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ (*зовёт Серёжу*). Всё, обед готов, садись!

Серёжа выходит из ванной и направляется к школьному рюкзаку.

СЕРЁЖА. Да нет, я это не хочу. У меня свой обед. У меня вот!

Серёжа достаёт из рюкзака упаковку чипсов и пакет сока.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Да разве это обед? Я тебе сколько раз говорил. Это всё вредно кушать.

СЕРЁЖА. Ну, бабушка, ты просто ничего не понимаешь. Почему вредно-то? Все вокруг едят и ничего. Вот ты откуда знаешь, что вредно, а что не вредно? Ты вот сам попробуй, а потом будешь говорить. (*Протягивает бабушке пакет с чипсами.*)

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Нет, Серёжа, не обижайся, но я их кушать не буду.

СЕРЁЖА. А сок? Сок-то можно? Он же не вредный, вроде бы.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Да нет, сок тоже не буду. Аппетит перебивать...

СЕРЁЖА. Ну, не хочешь, как хочешь.

Серёжа открывает чипсы и начинает их есть.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ (*вздыхает*). Суп остывает, а ты чипсы ешь... Не зря бабушка переживает, что как-то всё не так, всё неправильно.

СЕРЁЖА. А что неправильно?

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. За стол все вместе кушать почти не садимся, каждый сам по себе. Чай с пирогами не пьём, не разговариваем. Неправильно это всё. И я с бабушкой согласен, между прочим.

СЕРЁЖА. Ага, дедушка, ты попробуй этими пирогами маму с Викой накормить. Визгу будет! Для тебя чипсы вредные, а для них пироги твои вредные.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Это ты, конечно, в точку попал! Всё с ног на голову перевернулось. Я бы за этот кусочек пирога всё отдал в своём детстве...

СЕРЁЖА. Дед, а почему бабушка так долго не приезжает?

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Соскучился что ли?

СЕРЁЖА. Конечно, соскучился! Я даже согласен уже, чтобы мы обедали все вместе, ладно уж! Только бы бабушка приехала.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Вот это да! Докажи, давай!

СЕРЁЖА. Как это? Что доказать?

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Докажи, что по бабушке соскучился. Давай вместе поедим. Что, слабо?

СЕРЁЖА (*смеётся*). Ну, ты, дедушка, и хитрый! Ладно, давай, поедим.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. А я, так и быть, сок твой попью. После супа. Наливай!

СЕРЁЖА. Наконец-то уговорил... Вот увидишь, сок очень вкусный...

Серёжа приносит стаканы, наливает в них сок. Они вместе садятся за стол и едят.

Сцена 4

С работы пришёл Виктор. Устало снимает куртку.

ВИКТОР. Всем привет! Как дела?

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Приветствуем ответственного работника! Всё нормально? Суп наливаю?

ВИКТОР. Да, спасибо, папа, наливай суп. Проголодался. Да и на работе сухомытка одна. Сам знаешь.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ (*идёт наливать суп*). Да знаю, конечно. Сейчас горяченький супчик тебе налью.

ВИКТОР (*садится за стол, Серёже*). Ну, что, молодёжь, как в школе дела?

СЕРЁЖА. Да хорошо, как всегда. У меня почти одни пятёрки, ты же знаешь.

КОСПРОМА

ВИКТОР. Молодец ты у меня. Я как послушаю, что в других семьях творится, – волосы дыбом встают. А у меня дети лучше всех.

Владимир Сергеевич приносит тарелку супа Виктору. Все едят.

ВИКТОР. Спасибо, пап. А запах какой... Кто такое чудо приготовил?

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Алёна твоя приготовила.

ВИКТОР. А почему ты это так грустно сказал?

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Грустно? Да нет...

ВИКТОР. Ой, папа, говори, я же чувствую, что что-то не так.

СЕРЁЖА (*смеётся*). Дедушка всегда маме замечание делает, когда она картошку чистит.

ВИКТОР. Да? Никогда не слышал. Папа, да что у вас там случилось-то?

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ (*неохотно*). Ничего страшного. Просто она так много кожуры с картошки срезает... Вот я и сделал ей замечание.

СЕРЁЖА (*смеётся*). Ой, не могу... мама кожуры много срезает... Ну, ты, дедушка, у нас и экономный... В магазинах картошки полно, ещё купим, да, папа?

ВИКТОР. Серёжа, это не смешно. Дедушку можно понять. Он голод пережил в войну. Понимаешь? В войну многие мучились и умирали от голода.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Витя, не надо... Не надо об этом. Он не знает этого и никогда пусть не узнает. Это всё прошло как страшный сон.

ВИКТОР. Серёжа уже взрослый парень и пусть слушает, что ему дедушка рассказывает. Он должен знать, как ты жил, работал. И как ты голод пережил – тоже знать должен.

СЕРЁЖА (*перестал смеяться*). Голод? Я же не знал. Так это когда было-то? Уже забыть всё давно пора. Сейчас никто не голодает.

ВИКТОР. Ладно, ладно. Серёжа, ты поел и иди уроки учи. Иди.

СЕРЁЖА. Хорошо, пойду уроки учить. А ты, дедушка, не обижайся на меня.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Да я не обижаюсь, всё нормально.

СЕРЁЖА (*уходя, оборачивается*). Дедушка, а ты мне расскажешь потом про это... Ну, про войну, про голод.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Расскажу. Расскажу, Серёжа, обязательно.
Серёжа уходит.

ВИКТОР. Вот и правильно. Расскажи ему. Чтобы знал всё. Я помню, когда ты мне об этом рассказал. Мне лет приблизительно столько же было, как Серёже сейчас. До сих пор всё помню, прямо мурашки по коже.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. А я вот думаю, может, и не надо ему об этом знать?

ВИКТОР. Надо, папа, это жизнь. Твоя жизнь. И ничего из неё не вычеркнуть...

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Это точно... Ничего... Не вычеркнуть...

Из школы пришла Вика. Снимает куртку и идёт в свою комнату.

ВИКА. Всем привет!

ВИКТОР. Куда пошла? Мыть руки и за стол.

ВИКА. Нет, я в школе поела. Потом, мама придёт, и я чай с ней попою.

Вика зашла в свою комнату.

ВИКТОР (*озабоченно*). Ничего не понимаю. Опять ничего не ест, видимо, на диете тоже, как Алёна. Ну, я поговорю с ней. С Алёной. Сама почти не ест и дочь с толку сбивает. Красивой хочет быть, да для меня она и так самая красивая. Ну, женщины...

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Смотрю я на вас и радуюсь.

ВИКТОР. Ты шутишь, что ли, отец?

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Да нет, правда. Радуюсь, что ты – отец такой хороший. Повезло детям. Я же тебе рассказывал, когда мой отец ушёл на войну, мне всего четыре года было. И больше я его никогда не видел. Он попал на Волховский фронт, на прорыв блокады Ленинграда и погиб в первом своём бою. Весь его батальон был уничтожен. Он был командиром батальона. Пропал без вести. Нам даже похоронка не пришла. Кто был захоронен, их жены похоронки получили. И им потом на каждого ребёнка 21 рубль платили. Всё-таки полегче было с такой помощью детей без отца поднимать. А моя мама похоронку не получила, только письмо, что он без вести пропал, и она одна пятерых растила. И всю жизнь, когда трудности были в жизни, я думал: вот был бы у меня отец, всё было бы по-другому. Тяжело было жить без отцовского плеча, без поддержки. До сих пор, как подумаю об этом, тяжело на сердце. Я, ещё когда совсем молодой был, знал, что у моих детей всегда будет отец. Никогда не предаю, не брошу, потому что знаю я, что это такое – без отца быть.

Пауза.

ВИКТОР. Спасибо, папа. Я так рад, что ты у меня есть. Я тоже стараюсь быть хорошим отцом, как ты. Вроде получается, а?

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ (*обнимает сына за плечи*). Получается, сын. У меня получается быть хорошим отцом, и у тебя получается.

И снова Владимира Сергеевича окутывает дымка воспоминаний.

Сцена 5

Конец января 1942 года. И снова перед нами комната в доме деревни Любовка. Почти вечер. Валентина за столом учит уроки. В дом вбегает босоногий Володя. Он замёрз. Лезет греться на печку. Кашляет

ВАЛЕНТИНА. Володя, ты опять по снегу босиком бегаешь?

ВОЛОДЯ. Я только в соседний дом, к другу. А что мне делать, у меня валенок своих нет.

ВАЛЕНТИНА. И у меня своих валенок нет. У нас у всех одни валенки на двоих. Все на работу ушли, видишь, я дома сижу.

ВОЛОДЯ. Ну и сиди, а я не хочу. Я кушать хочу. Няня Валя, дай мне покушать.

ВАЛЕНТИНА (*пишет в тетради*). Вот и заболеешь. Не мешай, Володя, я уроки должна сделать, а то мне завтра учительница двойку поставит.

В дом заходит Елена.

ВАЛЕНТИНА. Лена, ты уже из школы пришла? Так рано. Уроки уже закончились?

КОСПРОМА

ЕЛЕНА. Для меня закончились.

ВАЛЕНТИНА. Как это? Почему?

ЕЛЕНА. Я больше в школу не пойду. Закончилась моя учёба.

ВАЛЕНТИНА. Что ты говоришь, Лена?

ЕЛЕНА. Тебе хорошо, ты у нас в Любовке учишься, тебе недалеко ходить в школу. А мне после четвёртого класса надо в деревню Услыбаш ходить в школу. Семь километров идти в школу, а после уроков идти обратно домой. Думаешь, легко? Трудно по снегу идти и холодно очень.

ВАЛЕНТИНА. Мама, наверно, расстроится. И папа.

ЕЛЕНА. Я маме объясню. И папе, когда с войны вернётся. Они поймут. А ещё я вчера видела, как учительница наша плакала.

ВАЛЕНТИНА. Может, её обидел кто-нибудь...

ЕЛЕНА. Ну да, за косичку дёрнул, как тебя вчера Демьян, а?

ВАЛЕНТИНА. Да, Демьян меня вчера за косичку дёрнул, а я ему как врезала!

ЕЛЕНА. Валя, а драться нехорошо, ты знаешь об этом? И двойку за поведение могут поставить, вот! Папа с войны вернётся, а у тебя двойка по поведению.

ВАЛЕНТИНА. Ну, если двойку могут поставить, то я больше не буду драться. А то папа узнает и расстроится.

ВОЛОДЯ. Я кушать хочу... Я очень сильно кушать хочу...

ЕЛЕНА. Володя, терпи до ужина, мы все кушать хотим и все терпим, видишь?

ВОЛОДЯ. Вы большие уже... А я кушать хочу...

ЕЛЕНА. Ну, хватит, Володя. *(Валентине)* А я вот знаю, почему учительница плачет.

ВАЛЯ. Почему?

ЕЛЕНА. А вот и не скажу. Много будешь знать, скоро состаришься.

ВАЛЕНТИНА. А я тогда маме расскажу, что ты вчера картошку сушёную в сенях взяла и съела. Вот так!

ВОЛОДЯ. Я тоже картошку хочу... Дайте мне картошку...

ВАЛЕНТИНА. Эх, ты! Володя плачет целыми днями, что кушать хочет, а ты...

ЕЛЕНА. Да обманываешь ты! Не брала я картошку из сеней. Врушка!

ВАЛЯ. Лучше признайся, что брала. Говори!

ВОЛОДЯ *(начинает тихонько плакать)*. Картошку хочу... Хлеб хочу...

Молоко хочу... Дайте мне молоко...

ВАЛЕНТИНА *(подходит к брату, снимает с печи и усаживает рядом с собой)*. Терпи, братик... Терпи... Ты же знаешь, корова у нас есть, а молока нет. Сейчас, мама придёт с работы и принесёт покушать, а дома нет ничего...

ЕЛЕНА *(достает из портфеля маленький кусочек хлеба)*. Вот, возьми, Володя! Скоро мама придёт с работы и Нина с Лидой.

Володя берёт хлеб и жадно ест.

ВАЛЕНТИНА. А я хочу узнать, почему учительница плачет.

ЕЛЕНА. Я, кажется, поняла, почему...

ВАЛЕНТИНА. Так скажи.

ЕЛЕНА. Маленькая ты ещё...

ВАЛЕНТИНА. Я не маленькая, я узнать хочу, почему учительница плачет. Говори!

ВОЛОДЯ. Говори!

Девочки смеются.

ВАЛЕНТИНА. (Володе). Ты-то куда! Говори, Лена.

ЕЛЕНА. Мне её дочь сказала, Вера, что от папы писем долго нет. Вот учительница и плачет. Думает, может, ранили мужа, может, он в госпитале лежит.

ВАЛЕНТИНА. А давно он писем не пишет?

ЕЛЕНА. Месяц, вроде...

ВАЛЕНТИНА. Месяц?

ЕЛЕНА. Вроде, месяц...

ВАЛЕНТИНА. А наш папа письма пишет?

ЕЛЕНА. Нет, наш папа ещё писем не присылал.

Входит почтальон.

ПОЧТАЛЬОН. Девочки, письмо вам пришло, возьмите!

ЕЛЕНА (*подходит, берёт письмо*). Спасибо! А почему оно треугольное?

ПОЧТАЛЬОН. Так положено. Я пошла. (*Вздыхает.*) Счастливые вы...

Почтальон уходит.

ЕЛЕНА. Вот мама обрадуется!

ВАЛЕНТИНА. Давай прочитаем.

ЕЛЕНА. Нет, нельзя без мамы читать. Все вместе прочитаем.

ВОЛОДЯ (*кашляет*). Я кушать хочу... Дайте мне кушать... Мамочка, где ты, я кушать хочу... Мамочка...

ЕЛЕНА (*у неё хорошее настроение*). Володя, ты опять босиком по улице бегал? Сейчас воды горячей дам тебе, согреешься. Валя, поиграй с Володей, мне надо растолочь зерновые отходы, а потом суп сварить для всех, а то они придут с работы голодные... (*Гладит Володю по голове.*) Скоро, братик, скоро кушать будем... Вот мама и сестры намолотят зерно для колхоза и домой придут, а дома суп горячий...

Всё окутывает дымка воспоминаний.

Сцена 6

Наши дни. Опять знакомая квартира. Время где-то 17 часов.

С работы пришла Алена. Снимает пальто.

АЛЁНА. Привет! Я пришла. Где все? Чай будем пить? Устала, но чай очень хочу попить.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Добрый...вечер уже, да? Как настроение? На работе как?

Владимир Сергеевич идёт включать электрочайник. Ставит на поднос пять чайных кружек с чайными пакетиками, ложечки, конфетницу. Несёт поднос на стол.

АЛЁНА (*моет руки и садится за стол*). Да всё прекрасно, папа. Ну, если и не прекрасно, то, во всяком случае, нормально.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Ну и хорошо!

КОСПРОМА

Из комнаты выходит Виктор, потягивается.

ВИКТОР (*зевает*). Всем привет!

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Пospал?

АЛЁНА. Выспался?

ВИКТОР. Да непонятно как-то. Состояние такое...

АЛЁНА. Ничего, вечером пойдёшь на работу, поймёшь, какое у тебя состояние.

Все смеются. Владимир Сергеевич приносит электрочайник.

АЛЁНА. Папа, давайте я налью. Мне прямо неудобно, вы весь день хлопчете по хозяйству. Устали уже, наверное.

Алёна разливает кипяток по чайным кружкам.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Да что мне, я весь день дома. Что мне уставать?

ВИКТОР. Отдыхай, папа. Уж ты-то у нас заслужил. Всю жизнь на ответственной руководящей работе. Да ещё какой! Хлеб выращивал, страну кормил.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Не преувеличивай. Я просто следил, чтобы техника работала, которая хлеб сеет и убирает. И не только хлеб. Чтобы техника эта не ломалась, не подвела в самый ответственный момент. Это да! Ну, руководил тоже. Должность была такая.

ВИКТОР. А я так и сказал.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Ты как-то выразился... как будто я один работал. Мы все работали и за дело наше переживали тоже все.

ВИКТОР. Папа, папа, какой ты скромный у нас.

АЛЁНА. А мы папу за это и любим.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Ну и хорошо. И хватит об этом. Бабушка-то уже придет через недельку, наверное. Неужели дольше задержится?

ВИКТОР. А вот мы вечером позвоним ей и узнаем всё. Как дела у неё там, когда домой она собирается...

АЛЁНА. Да, надо позвонить, а то вчера руки так и не дошли. Нехорошо... (*Зовёт детей.*) Дети, чай пить! (*Всем.*) А то как засядут по своим комнатам, не дозовёшься.

Из комнаты выходит Серёжа.

СЕРЁЖА. Всем привет!

Все приветствуют Серёжу.

АЛЁНА. Привет, привет, отличник! Садись чай пить.

СЕРЁЖА. Ну, я не отличник... я почти отличник. Не преувеличивайте.

ВИКТОР. Ещё один скромняга в нашей семье.

АЛЁНА. А что, есть в кого, да? Да, папа?

Все смеются.

АЛЁНА. Как я люблю, когда мы чай все вместе пьём...

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. А бабушка всегда об этом вам говорит. Что кушать должны садиться за стол всей семьей. Всегда. Так её же никто не слушает.

АЛЁНА. Папа, ну как, как нам кушать всем вместе. Виктор в ночную смену на этой неделе работает, я тоже на работе весь день.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. А в выходные дни?

ВИКТОР. Ладно, папа, не получается пока что. В выходные дни тоже всяких дел полно.

АЛЁНА. Хорошо хоть – чай вместе пьем. Вика, Вика, ты где? Чай остывает.

Из комнаты выходит Вика.

ВИКА. Мама! А ты не видела мою ...

Все оборачиваются и смотрят на неё. И вдруг Вика падает в обморок на пол. Все в испуге с криками бросаются к ней.

АЛЁНА. Доченька, что с тобой, доченька?

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Скорую помощь надо вызывать!

ВИКТОР. Надо на диван её перенести!

СЕРЁЖА. Вика!!!

Затемнение.

Сцена 7

Прошло полчаса. Те же и врач «Скорой помощи». Вика лежит на диване. Врач сидит возле неё. Остальные члены семьи стоят и сидят так, чтобы видеть Вику. Алёна плачет.

ВРАЧ (*делает Вике укол, потом цукает пульс*). Сколько девочке лет?

ВИКТОР. Семнадцать, она в 11 классе учится.

ВРАЧ. Как же так, а? Как же так? Довели девочку... Пульс слабый... (*Начинает мерить давление.*) Давление упало...

ВИКТОР. Что с ней, доктор?

ВРАЧ. Что с ней? Сами видите, сознание потеряла, она в глубоком обмороке.

АЛЁНА (*заплакала сильнее, кричит*). Она будет жить? Что с ней? Она будет жить?

ВРАЧ. Прекратите истерику! (*Виктору.*) Успокоительное есть у вас?

ВИКТОР. Не знаю...

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. У меня валерьянка есть. Подойдёт?

ВРАЧ. Да, подойдёт. Дайте ей!

ВИКТОР (*Серёже*). Сынок, иди в свою комнату, иди.

Серёжа неохотно уходит. Владимир Сергеевич идёт к холодильнику, достаёт пузырёк, наливает в стакан воду и валерьянку. Отдаёт стакан Алёне. Она пьёт, всхлипывая.

АЛЁНА. Что вы сидите? Что вы просто сидите? Спасайте мою дочь!

ВРАЧ. Я сделала ей укол, теперь надо подождать... А, вы, мамаша, довели ребёнка, а теперь на меня кричите? Я бы помолчала на вашем месте.

АЛЁНА. Я-то в чем виновата? Что я сделала не так?

ВРАЧ. Вы? Вы все сделали не так. Молчите, мне некогда с вами разговаривать, другие больные ждут.

ВИКТОР. Что с ней, доктор? Что с ней?

ВРАЧ. Я пока не могу точно сказать диагноз, только предполагаю... Нужно анализы брать, смотреть, сами понимаете...

ВИКТОР. Да, я понимаю...

КОСПРОМА

ВРАЧ (*опять цукает пульс*) Ничего хорошего я вам пока не скажу. (*Встаёт, Виктору.*) Вы можете на руках дочь отнести в машину «Скорой помощи»? На носилках долго, да и некому.

ВИКТОР. Да, да, конечно.

Виктор берёт дочь на руки и выходит.

ВРАЧ (*вслед Виктору*). Там водитель в машине, он вам откроет и скажет, куда её надо положить.

АЛЁНА. Что с моей дочерью?

Врач собирает свой саквояж, не обращая внимания на Алёну. Идёт на выход.

ВРАЧ (*в дверях оборачивается, горько*). Мамаша, мамаша! Вроде живете вы богато, люди приличные. Всё есть у вас. Да как же вы допустили, что дочь ваша от голода умирает? Вы хоть знаете, когда она в последний раз кушала и что кушала? Скажете мне сейчас, что работаете, что некогда вам... Зачем тогда детей рожали, если вам всем некогда? Как же это происходит, что вы все такие умные, и красивые, и богатые, а дети ваши от голода умирают? Это в наше-то время, когда ни войны, ни голода нет? Трудно вам накормить ребенка, проверить, поел он или нет? Трудно, да? А раз трудно, тогда нечего тут слёзы лить крокодилы. Не жалко мне вас.

Врач несколько секунд смотрит на Алёну и выходит. Алёна в бессилии садится. Владимир Сергеевич растерянно хочет что-то сказать, но его опять окутывает дымка воспоминаний.

Сцена 8

Февраль 1942 года. Мы опять в доме семьи Патраевых. Нина и Елена перебирают большой мешок с зерном. Валентина за столом делает уроки. Лидия и Володя сидят на печи, Лидия учит Володю читать. В дом заходит Федосья Лаврентьевна. У неё в руках маленький свёрток.

ВОЛОДЯ. Мамочка пришла... Мама, я кушать хочу.

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА (*кладёт свёрток на стол и садится*). Сейчас, сейчас хлебушек нарежем, накормлю тебя и сестрёнок твоих тоже. Нина, чайник поставь.

НИНА (*несёт ножик*). Хорошо, мама.

ВОЛОДЯ. Хлеб, хлеб хочу, хочу хлеб. Няня Лида, помоги мне слезть...

Лидия помогает брату слезть с печи.

ЕЛЕНА. Так мало хлеба...

ВАЛЕНТИНА. Разве нам всем хватит?

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА. Сейчас поделим, и хватит на всех. Я ела уже. Это вам.

НИНА (*принесла кружки*). Мама, ты, правда, поела, не обманываешь?

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА. Правда, конечно, когда это я вас обманывала? Да и суп сейчас сварим.

НИНА. Суп – это хорошо, согреемся хоть.

ЕЛЕНА. А суп опять из зерновых отходов, да?

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА. Больше не из чего...

ЛИДИЯ. Мама, а зерновые отходы – они из чего?

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА. Это семена сорняков.

ВАЛЯ. Значит, мы сорняки едим?

В это время Володя подошёл к столу и схватил хлеб. Откусил его. Девочки начинают отбирать у него хлеб. Володя убегает от них. Хлеб не отдаёт.

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА. Сыночек, отдай. Это же для всех. Девочки тоже кушать хотят.

НИНА. Отдай, говорю!

ЕЛЕНА. Хитрый какой! Всё тебе, а нам?

ВАЛЕНТИНА (*начинает плакать*). Я тоже есть хочу... Отдай!

ЛИДИЯ. Не трогай его, он маленький, не понимает!

ВОЛОДЯ (*перестал убегать, протягивает хлеб*). И ничего я не маленький. Не плачь, Валя. Возьми, мама, нарежь для всех.

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА (*гладит сына по голове*). И правда, совсем ты большой вырос. Молодец какой. (*Всем.*) Володе пять лет уже. Нина, наливай всем чай.

ВОЛОДЯ. А когда, мама, мне шесть лет будет?

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА (*садится за стол*). Нескоро. Перед следующим Новым Годом.

ВОЛОДЯ. Да, мне будет целых шесть лет. Я стану совсем взрослый. Папа придёт с фронта, а мне уже шесть лет, да, мама?

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА (*вздыхает*). Правда, сыночек, правда...

НИНА. А, может, папа и раньше с войны придёт. Да, мама?

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА. Может, и раньше...

Федосья Лаврентьевна замечает, что все дочери ждут свой кусочек хлеба и начинает нарезать хлеб. Все садятся рядом. Нина наливает кипяток. Федосья Лаврентьевна раздаёт хлеб детям. Все начинают кушать. Володя съел хлеб быстро и смотрит на всех в надежде, что ему ещё дадут хлеба.

НИНА. Спасибо, мама.

ЕЛЕНА. А почему всем одинаково? Кто-то уже откусил себе большой кусок!

ВАЛЕНТИНА (*нюхает хлеб*). Хлебушек! Как пахнет вкусно...

ЛИДИЯ. Володя же младше, чем мы. Не надо на него сердиться, да, мама?

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА. Правильно. Не надо ни на кого сердиться. Он будущий мужчина, наш защитник.

НИНА (*смеётся*). Защитник? Да я его выше в два раза.

ЕЛЕНА. Защитника самого защищать надо. Он гусей боится!

ВАЛЕНТИНА. А вот он вырастет и защитит меня от Демьяна, чтобы он за косички меня не дёргал.

Девочки смеются.

ЛИДИЯ (*целует Володю*). Братик мой любимый, наш будущий защитник.

В это время в дом входит деревенский почтальон.

ПОЧТАЛЬОН. Здравствуй, Федосья! Письмо тебе принесла.

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА (*радостно*). Письмо? Наконец-то!

КОСПРОМА

ПОЧТАЛЬОН (*достаёт из сумки письмо, протягивает, отводя взгляд*).
Возьми!

Пауза.

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА. А почему в конверте? Он же прошлый раз треугольник присылал?

ПОЧТАЛЬОН. Не знаю. Бери!

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА (*негромким голосом*). Почему в конверте? Почему?

Почтальон кладёт конверт на стол и быстро выходит из дома. Федосья Лаврентьевна смотрит на конверт. Дети подошли и обняли мать. Им понятно, что случилось что-то страшное.

ФЕДОСЬЯ ЛАВРЕНТЬЕВНА (*шёпотом*). Почему в конверте? Зачем?

Пауза. Федосья Лаврентьевна начинает кричать. Она держится за живот и кричит. Кричит долго и страшно. Это крик боли и безысходности. Кажется, что этот крик длится бесконечно... Через полгода, на большом сроке беременности, Федосья Лаврентьевна потеряет своего шестого ребенка. Своего сына, который был зачат в Табынске, во время последней встречи с мужем... Летом 1942 года Федосья Лаврентьевна будет спасать маленького беспомощного телёнка и ей придётся долго нести этого телёнка на руках. Она спасёт теленка и потеряет своего сына... Всё так и было. И всё прошло. Всё прошло... Прошло... Всё окутывает дымка воспоминаний.

Сцена 9

Наши дни. Владимир Сергеевич сидит на стуле. Смотрит перед собой, говорит, ни к кому не обращаясь. Алёна, Виктор и Серёжа молча сидят на диване.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ (*в отчаянии*). Что я бабушке нашей скажу? Вот приедет она и спросит, как всё случилось, а что я ей скажу? Что я ничего не знаю? Что ничего не видел, не замечал. Вот, скажет она, доверила тебе детей и что? Как я ей объясню, что я даже подумать о таком не мог? В наши дни и такое... (*Пауза.*) Врачи сказали, что она где-то месяц уже ничего не ела, а может и больше... Получается, что и бабушка тоже проглядела. Эх, мы... Она-то ребёнок, в школу ходит, потом закрывается в своей комнате и всё... Что она там делает? Чем живёт? Неудобно спросить. А теперь вот всё удобно так... Страшная штука – голод, меня измучил в войну, до внучки моей добрался... (*Пауза.*) Когда мне было одиннадцать лет, мы, пятеро детей, шли как-то в школу через ржаное поле. Там дорога была. И вдруг мы волка увидели. Стоит он прямо перед нами на дороге и смотрит на нас. Прямо в глаза нам смотрит. Мы все сомкнулись поближе друг к другу. И пошли на него. И волк в рожь убежал. Не тронул нас, детей. Так мне даже тогда так страшно не было, как сейчас. Как сейчас мне за неё страшно. Если что с Викой случится, разве наша совесть нам жить позволит?

*Владимир Сергеевич закрывает лицо руками, опираясь локтями в колени.
Пауза.*

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ (*выпрямился, спокойно*). В общем, так... (*Все внимательно его слушают.*) С этого дня мы все вместе садимся за стол кушать. Все вместе. Всегда. В одно и то же время. Каждый день. Завтрак, обед и ужин. Все, кто в это время находится в этой квартире, садятся за стол и едят. И это не обсуждается. Я, надеюсь, ясно выразился.

Владимир Сергеевич смотрит на всех, сидящих на диване. Они встают.

Сцена 10

*Прошло два месяца с последних событий. Мы видим приятные хлопоты семейства. Алёна накрывает стол на пять человек. Серёжа ей помогает.
Заходит Владимир Сергеевич с пакетом. Снимает тёплую куртку.*

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Сегодня ещё батон свеженький взял. Мягкий, тёплый ещё. Всё-таки Вика сегодня выписывается из больницы.

АЛЁНА (*радостно*). Папа, ей, наверное, хлеб нельзя ещё... Сейчас Витя скажет, что врач сказал.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Глупости. Хлеб никогда никому не навредит.

АЛЁНА (*радостно*). Папа, папа...

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Бабушка тоже вечером приедет. Наконец-то! Задержалась она у своей родни. Я уже думал ехать за ней сам. Нет, говорит, сама сегодня приеду.

АЛЁНА. Да, папа, день сегодня радостный такой! Я как будто заново родилась. Всё по-новому вижу...

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ (*Алёне и Серёже*). Бабушке ничего не говорите. Не надо её расстраивать. Понятно?

СЕРЁЖА. Понятно, дедушка.

АЛЁНА. Не скажем, конечно.

В квартиру заходят Виктор и Вика. Все подходят к ним, все обнимаются и целуются.

АЛЁНА. Доченька, куртку снимай, иди мой руки, и за стол.

ВИКА. Сейчас, мама, сейчас. (*Оглядывает квартиру.*) Здесь, как будто, по-другому все.

ВИКТОР. Всё по-прежнему, просто ты немного отвыкла.

Виктор и Вика подходят к столу.

ВИКА. Как вкусно всё!

СЕРЁЖА. И красиво!

АЛЁНА. И полезно!

Все смеются.

ВИКТОР. Да уж, по части полезности у нас мама специалист.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Да что ж это я! Хлеб нарезать забыл.

КОСПРОМА

Владимир Сергеевич идёт в коридор за пакетом с хлебом, подходит к столу. Достает из пакета булку хлеба и батон. По квартире распространяется манящий запах тёплого хлеба.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ. Ну, что, какой хлеб будем нарезать? Этот или этот? Или оба вместе?

ВСЕ (смеются) Дедушка как всегда! Уже принёс свежий хлеб с утра пораньше. А сегодня и батон ещё.

ВИКА. Подожди, дедушка!

Вика подходит к дедушке, берёт булку хлеба в руки, смотрит на хлеб, как будто видит его впервые. Потом подносит к лицу и начинает осторожно вдыхать запах этого свежего тёплого хлеба. И нет ничего вкуснее этого запаха. Нет ничего более нужного, правильного и настоящего, кроме этого хлеба. И с каждым вдохом хлеб этот как будто возвращает Вике её жизнь, её здоровье и настроение. Вся семья смотрит на Вику, и мы понимаем, что теперь у этой дружной семьи всё будет хорошо. Раздаётся звонок в дверь. Все, кроме Вики, смотрят на дверь.

АЛЕКСАНДР МИШУТИН. Поэт и прозаик. Член СП России и Российского СП. 2013 год – диплом Южно-Уральской литературной премии. В 2015 году – финалист (3 место) литературной премии МКФ им. Саввы Морозова. 2019 год – лауреат литературной премии им. Сергея Чекмарёва. Выпустил восемь сборников стихов и девять книг прозы. Занял 2 место в Международном литературном конкурсе имени А.Н. Плещеева в номинации «Драматургия» (2022 г.).

РАЙСКИЕ ЯБЛОЧКИ

пьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Семёнова
Четыркина
Пилушкина
Сидорова
Сундуков
Петрова
Кульков
Иванова
Булкина
Тютюкин

ШКОЛЬНИКИ

Николай Иванович
Елена Александровна
Эльвира Андреевна
Марья Ивановна

УЧИТЕЛЯ

1-я девочка
2-я девочка
мальчики

АНГЕЛЫ ИЛИ ПОЧТИ

ЭПИЗОДЫ:

1. Представление
2. К ноге!
3. Экология Эдема
4. Ай лав...
5. Трудный возраст
6. Райские яблочки
7. Тютюкин энд Сундук
8. Момент истины

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Звучит музыка к спектаклю. Открывается занавес. На сцене, лицом к зрителям, лежит Сундуков и пишет что-то на развернутом листе бумаги - рулоне. Появляются Сидорова и Пилюшкина

Сидорова: *(показывает на Пилюшкину)* Это – Пилюшкина. Говорят, что...

Пилюшкина: *(перебивает)* Неправда! *(На сцене появляется Булкина)* Вот Булкина – это дело другое. *(Сидорова что-то шепчет на ухо Булкиной)*

Булкина: Сидорова! Да ты что?! Все? Влюбляются? *(Появляются Кульков и Петрова. Сидорова, Пилюшкина, Булкина переглядываются, шепчутся.)*

Кульков: Дарья Петрова! Коммерсант и переводчик!

Петрова: *(представляет Кулькова)* Кульков. Мой помощник и рекламодатель.

Пилюшкина: *(на появление Четыркина)* А это – Четыркин. *(Сидорова хихикает. Пилюшкина краснеет, прячется)*

Четыркин: *(представляет появившуюся Семёнову)* Семёнова, блин.

Семёнова: *(представляет появившуюся учительницу)* Елена Александровна. Тур дэ Франс. Парле ву франсэ.

Сидорова: *(представляет)* Эльвира Андреевна. Пифагоровы штаны во все стороны равны. Говорят, у них что-то с Николаем Ивановичем. *(Шепчется с подругами, хихикает. Семёнова кивает головой).*

Кульков: *(представляет)* Николай Иванович. Учитель географии.

Пилюшкина: Марья Ивановна *(оглядывается по сторонам, ищет учительницу)* Но её пока нет.

Булкина: Она всегда опаздывает *(увидев Иванову)* О! Иванова!

Сидорова: *(в зал)* Она такая... Такая... Сами увидите.

Иванова: *(представляет двух девочек и трёх мальчиков)* Девочки и мальчики. Просто – ангелы.

Тютюкин: *(здоровый малый, появляется, поднимает руку; все замолкают и все замолкает – музыка тоже)* Это... Тютюкин, Федя. *(подходит к Сундукову; тот всё так же занят).*

Все: Сундуков! *(Сундуков не реагирует)* Сун-ду-ков! *(Сундуков не реагирует)*

Тютюкин: *(поднимает руку, все замолкают)* Сундук! *(Сундуков поднимает голову)* Пора!

К НОГЕ!

Звучит музыка. Сундуков поднимается, сворачивает свой рулон с формулами и вычислениями. Все расходятся за кулисы. Появляется Пилюшкина – маленькая, худенькая. В руке у нее собачий поводок, который тянется за кулисы. Пилюшкина смотрит на противоположную кулису. Оттуда спиной появляется Сидорова, крупная, рослая девушка. У нее в руках тоже собачий поводок, натянутый как струна. На середине сцены Сидорова сталкивается с Пилюшкиной

Пилюшкина: *(за кулисы)* Стоять! *(Сидоровой)* А как твой?

Сидорова: Да ничего, приручаю. А твой?

Пилюшкина: Да вот, напросился на прогулку. Видишь, никак не стоит на месте. Стоять, Амбал!

Сидорова: А мой такой капризный, такой капризный – просто ужас!

Пилюшкина: Да все они такие. Уроки из-за него не успеваю сделать: ходит кругами, скулит. Приходится выходить.

Сидорова: Хорошо, что родители не знают, а то бы... (*дёрнулся и сильно натянул поводок, даже утащил чуть-чуть хозяйку*) Фантик! Терпи!

Пилюшкина: Ой, а вчера что было! (*тянется к Сидоровой, но поводок утягивает её ближе к кулисам*) Ну что ты скажешь – поговорить не даст! Стоять, Амбал!

Сидорова: А мой сегодня ко мне прибегает... (*тянется к Пилюшкиной, но Фантик резко утягивает её до самых кулис*) Изверг! Сил моих больше нет! Фантик! (*Хозяйки стоят у кулис и оттуда громко продолжают общаться*)

Пилюшкина: Может, бросим это дело?! Уже никакого терпения нет

Сидорова: Каждое дело нужно доводить до конца. (*Поводки утягивают подруг за кулисы. Со стороны Пилюшкиной с поводком в руке появляется Амбал – Тютькин. Со стороны Сидоровой – Фантик – Сундуков: маленький, тщедушный. В руке у него поводок, в другой – рюкзак, за спиной тоже рюкзак. Парни устало садятся на сцену*).

Сундуков: Я не выдержу...

Тютькин: И мне, блин, тоже надоело.

Сундуков: Таскаю за ней рюкзак, а в нём – будто кирпичи!

Тютькин: Мне ещё неделю телохранителем быть, блин...

Сундуков: А мне три дня... таскать...

Тютькин: А потом!...

Сундуков: А потом – ура! – неделю буду носить её часы с калькулятором!

Тютькин: А мне Пилюшкина – неделю будет делать домашку по математике!

Сундуков: Бизнес...

Тютькин: Бартер! (*Поводки натягиваются, слышны голоса девочек. Пилюшкина: «Амбал! К ноге!» Сидорова: «Ко мне, Фантик!» Парни поднимаются, нехотя уходят к хозяйкам, за кулисы*)

ЭКОЛОГИЯ ЭДЕМА

Перемена. У учительского стола Петрова с Кульковым. На первом плане

Сундуков: он в очках, с калькулятором и какой-то фиговинной в руках - рассматривает, шевелит губами, нажимает на кнопки. Все остальные - суетятся, носятся, роются в рюкзаках, пакетах, карманах

Кульков: (Петровой) Ну, что: фифти-фифти?

Петрова: И двадцати хватит.

Кульков: Да ты чё, Петрова? Я ору, рекламу ей делаю, а она – двадцать! Ну хотя бы сорок!

Петрова: Не слышу рекламы.

Кульков: «Ол спайс» – всегда на пределе! Быстрее и короче: иначе не успеем за перемену! Пилюшкина, ты яблоки вымыла? Ещё ополосни и в пакете

КОСПРОМА

подавай! Последний хит группы «Кретин»! «Девочка из рая»! Растём и развиваемся вместе! Сидорова, надкушенные не берём! «Девочка из рая»! Перевод с французского Дарьи Петровой! (Петровой) Ну что – сорок?

Петрова: Тридцать и торги закрываем.

Кульков: Резче и устремлённей! Булкина, не жадничай! Мани готовь! Сундуков! Ботаник! Ты включаешься?

Петрова: Оставь его: он не выключается – заклинило.

Кульков: Всё! Банк закрыт! Приём окончен. Некредитоспособных прошу покинуть помещение! Петрова выдавай свой эксклюзив! *(Несколько человек выходят из класса, остальные располагаются полукругом вокруг Петровой. Позади всех на стуле стоит Кульков и изображает, что он читает в бинокль текст на листе, который держит Петрова. У стула Кулькова пристроился «левый» Четыркин. Петрова жуёт яблоко, Сундуков терзает калькулятор).*

Кульков (диктует): «Как у Бога Саваофа...» Са-ва-офа, Пиллюшкина, а не Самаоха. Уши надо мыть. «Родилась Евочка...» Двоеточие. Сидорова, – не многоточие, а двоеточие... Вертикально! Натюрлих!

Сидорова: Мы что, – диктант пишем? Давай быстрее!

Кульков: Сидорова! Пользуйся «Персодентом» – и зубы будут здоровые и нервы крепкие. «Недотрога эта кроха, недотрога девочка». *(Звенит звонок. Общий шум).*

Сидорова: Не успели! Всё из-за тебя Кульков!

Тютюкин: *(поднимает руку):* Тихо! *(Все замолкают).*

Булкина: Она всё равно опоздает. Марья Ивановна всегда опаздывает.

Сидорова: Дальше давай!

Кульков: «Недотрога девочка» – написали?

Все: Дальше!!!

Кульков: «Яблочки красные, вкусные разные... *(Кульков поднимает глаза и видит в дверях класса Марью Ивановну. Он замолкает. Все торопят его: «Дальше!» Кульков молча подходит к столу и они с Петровой начинают убирать «плату за эксклюзив». Ученики оборачиваются к двери и, увидев учительницу, разбегаются по своим местам. Марья Ивановна, пожилая учительница, проходит к учительскому столу. Сундуков не двигается с места).*

Марья Ивановна: Здравствуйте, дети! Садитесь, Сундуков, займи своё место. Сундуко-ов! *(Сундуков отвлекается, здоровается с учительницей, садится на своё место).*

Марья Ивановна: О тычинках и пестиках мы закончили и сегодня начинаем большой раздел, который красиво называется: «Экология райского сада». *(Четыркин молча поднимается и несёт к столу учительницы коробку из-под торта перевязанную лентой. Ставит на стол. Возвращается).*

Марья Ивановна: Это что?

Четыркин: Это вам.

Марья Ивановна: Разве сегодня какой-то праздник?

Булкина: Вчера был юбилей: ровно десять раз вы опоздали на урок. *(Марья Ивановна сдёргивает руку с коробки).*

Марья Ивановна: Извините... Заберите... Не надо.

Четыркин: Да ладно, мы же пошутили.

Марья Ивановна: Извините. «Экология райского сада». Продолжим. По библейской легенде, ребята, бог, создал Адама и Еву, поселил их в раю. Чтобы не было им скучно, бог создал зверей и птиц и тоже поселил их в райском саду. Для красоты, дети, в саду росли цветочки. Но тема наша...

Булкина: Ягодки.

Марья Ивановна: Нет, Булкина. И прошу не перебивать. (*Сундуков поднимает руку*).

Марья Ивановна: Что, Сундуков?

Сундуков: Из текста Ветхого завета следует, что в Эдеме, т.е. в райском саду, росло древо познания добра и зла. А по Фрезеру, Джеймс Джордж Фрезер, было два древа: древо смерти и древо жизни. Вы какой версии придерживаетесь?

Марья Ивановна: Сундуков, наша тема...

Сундуков: Простите, Марь Ивановна, заодно и второй вопрос: не есть ли грехопадение наших прародителей первая реклама контрацептивов? Спасибо. (*Садится*)

Марья Ивановна: (*машинально тербит ленточку на коробке*) Змеи... (*ленточка развязывается*)

Четыркин: Ну, ты, Сундук, блин, даёшь!

Марья Ивановна: Наша тема... (*Открывает коробку, оттуда выпрыгивает муляж головы змеи. Учительница погружается в обморок, сидя за столом закатив глаза. Шум. Крики: «Врача!» «Давайте дальше переписывать!» «Тихо!»*)

Иванова: Тихо! Четыркин, дурошлёп, убери коробку!

Четыркин: (*убирает «змею»*) Я же не думал...

Иванова: В этом твой недостаток. (*Даёт понюхать нашатырь учительнице, та приходит в себя. Осматривается*).

Марья Ивановна: Извините... что-то...

Булкина: Амбалы! Четыркин! Тютькин! Где эти цветы зла? Помогите Марье Ивановне! К врачу! (*Учительницу уводят*)

АЙ ЛАВ...

Звучит мелодия из к/ф «Мужчина и женщина». Семёнова одна, ждёт кого-то. Появляется расстроенный Четыркин

Семёнова: Сережа, подожди!

Четыркин: (*останавливается*) Ну, что?

Семёнова: Досталось?

Четыркин: Родителей вызывают (*Семёнова приближается к Четыркину, приближается медленно, загадочно. С улыбкой*). Семёнова, ты че? Ты это... Кончай! (*Четыркин не допускает сближения, избегает его, и они движутся по кругу*)

Семёнова: Серёжа! Ай лав ю!

Четыркин: Не компрээнэ па, Семёнова!

КОСПРОМА

Семёнова: Шпрэхен зи дойч, либэн?

Четыркин: Не компрэнэ па! Не компрэнэ па!

Семёнова: Я тебя, Серж...

Четыркин: *(перебивает)* Я тебя тоже приглашаю! У меня 26 марта день рождения, а у тебя?

Семёнова: *(щелкает зубами, Четыркин шарахается; Семенова останавливается, подает Четыркину яблоко)* Съешь яблоко!

Четыркин: Сама ешь!

Семёнова: Я уже съела. На! *(подает яблоко)*

Четыркин: Ага! *(не поддается)* Не пей из копытца – козлёночком станешь, не пробуй яблочко – голую увидишь! Знаем! *(До него вдруг доходит, что Семёнова уже съела яблоко, а значит – он перед ней голый. Он пробует закрыться от взгляда Семёновой, поворачивается к ней спиной, не упуская из виду, и вдруг, прозрев от предложения Семёновой, взволнованно произносит)* Давай... яблоко...

Семёнова: *(бросает Четыркину яблоко, а сама берёт другое).* Рондо – сближает. *(Кусают одновременно каждый своё яблоко).*

Четыркин: *(ждёт эффекта, а его нет, кусает ещё раз)* Два пшика – и о насморке можно забыть...

Семёнова: Честный сок – по честной цене.

Четыркин: *(прозрев, яблоко подействовало, пошел на сближение, Семёнова тоже двинулась по кругу, но медленнее; оба движутся по сужающейся спирали, не спуская друг с друга глаз)* Дарлинг! Нигде кроме...

Семёнова: *(кокетничает)* Суперкачество! По суперцене! *(Семёнова останавливается)*

Четыркин: *(продолжая движение)* Не тормози! Сникерсни! *(Эту камерную сцену нарушают одноклассники, врываясь в действие).*

Пилюшкина: Шок – это по-нашему!

Сидорова: Четыркин – это класс!

Кульков: А мы тебя ищем! Мы решили...

Петрова: *(перебивает)* Покупаем цветы и идем извиняться к Марье Ивановне! *(Ни Семёнова ни Четыркин не обращают внимания на класс, улыбаются и не сводят глаз друг с друга).*

Сидорова: «Дирол арктик фрэш» – живи с улыбкой.

Сундуков: Иногда лучше жевать, чем говорить.

ТРУДНЫЙ ВОЗРАСТ

Все тихо уходят. А влюбленные улыбаются. Звучит музыка. На сцене кресло – а может и стул быть: бюджетники ведь. Появляется Семёнова с «Библией».

Садится в кресло, начинает читать и ...засыпает. Свет меняется.

Возникает «райский сад». И тут же, в стиле ададжио из «Лебединого озера» всплывают: Николай Иванович, Эльвира Андреевна и Елена Александровна.

Всплывают и замирают. Перед ними, перед каждым плюхаются тяжёлые рюкзаки школьников. Плюс ещё один, четвёртый – для отсутствующей

*Марья Ивановны. Семёнова «просыпается», потягивается, встает.
Проходит перед «строем» учителей*

Семёнова: *(перед строем учителей)* Слетелись, голубушки! *(остановила взгляд на Николае Ивановиче)* И голубчик...

Николай Иванович: А в чём дело, Семёнова?

Семёнова: У меня, Николай Николаевич, если вы помните, есть имя.

Николай Иванович: Как же, помню... *(вспоминает)* Лена...

Семёнова: Таня я, Таня! Семёнова Татьяна!

Елена Александровна: Так что случилось, Танечка?

Семёнова: Татьяна Юрьевна! У нас разговор – официальный, а не за чашкой чая.

Эльвира Андреевна: *(заволновалась)* Мы тебя... вас слушаем, Таня... Юрьевна.

Семёнова: Возьмите рюкзачки. Вот, так. Держите. А теперь о том, что случилось: терпение лопнуло у меня. Елена Александровна! У вас в семье всё в порядке?

Елена Александровна: Да, ...а...

Семёнова: С мужем не поссорились?

Елена Александровна: Не-ет, ..а...

Семёнова: А почему же вы мне за французский поставили двойку?

Елена Александровна: Танечка! Но нельзя же переводить «каш нэ», как...

Семёнова: Татьяна Юрьевна я.

Елена Александровна: Да, да.. «Каш нэ» означает «прятать нос», т.е. шарф, а далеко не «суп», как вы перевели, мотивируя тем, что суп есть «не каша».

Семёнова: Неважно. Важно, чтобы этот шарф был. И грел. Детскую душу.

Эльвира Андреевна! А ваша семейная жизнь не дала трещину?

Эльвира Андреевна: Нет, а что?

Семёнова: А что же вы строите глазки Николаю Николаевичу?

Эльвира Андреевна: Я?!

Николай Иванович: Мне?!

Семёнова: А мне с Четыркиным и взглядом не позволяете обменяться: считаете неприличным.

Эльвира Андреевна: Так была же контрольная. И вы обменивались не только взглядами.

Семёнова: Неважно. Важно, что вы мне тройку вlepили. Нехорошо. Приличнее нужно себя вести. Я понимаю: все вы съели по яблочку...

Николай Иванович: Семёнова!

Семёнова: Татьяна Юрьевна! *(Входит Четыркин)* А вот и Четыркин!

Четыркин: Привет! *(садится на единственный стул)* Продолжайте.

Семёнова: Николай Николаевич! Вы не могли бы ответить на такой простой вопрос: сколько проливов на земле?

Николай Иванович: Не знаю... много... Да это неважно, главное...

Семёнова: Вот именно! Не важно. И хотя вы у нас учитель географии...

Четыркин: ...а не знаете. А нас – топите! То приливы, то отливы, то заливы, то проливы... Не знаешь, куда плыть! *(Вбегают Марья Ивановна)*

Марья Ивановна: Извините! Разрешите?

КОСПРОМА

Семёнова: Проходите.

Марья Ивановна: Здравствуйте!

Семёнова: А что сегодня у вас Марья Ивановна? Внук заболел? Не с кем оставить? Ключа не было? Что?!

Марья Ивановна: Сантехник приходил...

Семёнова: У вас всегда найдётся причина, чтобы опоздать.

Марья Ивановна: Да не виноватая я! Труба лопнула! Терпение лопнуло! Сил моих больше нет!

Четыркин: Нет сил – идите на пенсию и ждите сантехника. Нечего детишек мучить! То тычкини, то пестики, то сантехник, а то – змеи! Эти змеи мне уже по ночам снятся!

Семёнова: Ну, что, голубушки? Бюджетницы и бюджетники? Тяжело? Прониклись? Поняли, как трудно быть учеником? Мы, конечно, понимаем: возраст у вас такой. *(Учителя кивают)* Свободны! *(Учителя уходят).*

Четыркин: *(восхищённо)* Ну, ты, Семёнова, даёшь!

Семёнова: *(сжимает кулачок)* Вот, где вас всех держать надо! А ты, Четыркин, чтобы без родителей в школе не появлялся! Свободен!

Четыркин: Ну, ты, Семёнова, даёшь! *(Уходит)*

(Семёнова садится в кресло, «засыпает». Актеры переносят её вместе с креслом в глубину сцены. Ставят лавку (качели), кладут «Библию», уходят. Появляются 1-я и 2-я девочки с ангельскими крылышками, садятся на лавку (качели)).

РАЙСКИЕ ЯБЛОЧКИ

Лето. Умиротворяющее тепло. Жужжат пчелы, летают бабочки, птицы поют. Обе девочки сидят на качелях, чуть раскачиваясь. Едят ягоды. 1-я девочка держит в руках «Библию». 2-я девочка смотрит в небо. На «Библию» садится божья коровка

1-я девочка: Ой! Божья коровка! *(Обе девочки рассматривают её)*

2-я девочка: Божья коровка, полети на небо, там твои детки кушают конфетки... *(Коровка улетает, девочки провожают её взглядом)*

1-я девочка: Улетела...

2-я девочка: *(внимательно смотрит на 1-ю девочку)* Какие у тебя глаза синие! Как... как небо!

1-я девочка: А у тебя волосы красивые, как у ангела...

2-я девочка: *(смущается)* Когда вернётся твой папа?

1-я девочка: Уже скоро. *(Пауза. Раскачиваются, едят ягоды)*

2-я девочка: Давай поиграем.

1-я девочка: Я читаю.

2-я девочка: Тогда читай вслух.

1-я девочка: *(поедая ягоды)* «Так же любое хорошее дерево приносит хорошие плоды, а прогнившее дерево приносит гнилые плоды...» *(выплевывает порченную ягоду)* Гадость какая *(2-й девочке)* Сорви, пожалуйста, яблочка.

2-я девочка: Твой же отец говорил нельзя: не созрели!

1-я девочка: Ну, сорви, я тебя прошу!

2-я девочка: Нельзя, ведь.

1-я девочка: Ну, мне очень хочется!

2-я девочка: Сама и рви. *(1-я девочка уходит, приносит яблоко)*

1-я девочка: *(2-ой)* Хочешь?

2-я девочка: *(пугается)* Нет!

1-я девочка: *(надкусывает)* Яблоко, как яблоко. Кусай!

2-я девочка: Нет-нет! Твой отец говорил...

1-я девочка: *(перебивает)* Да ладно! Сорвала ведь уже. Да он и не узнает. Кусай!

2-я девочка: Нет!

1-я девочка: Какая ты глупая. *(внимательно посмотрела на подругу)* И некрасивая. *(2-я девочка начинает плакать)* Классные яблочки! Я будто другими глазами на белый свет смотрю. Насквозь все вижу: сквозь заборы и листву. Вон сосед-ворюга у своего соседа шланг поливной украл; вон там новый русский с девкой приехал... А вот... Что это там? А-а, пацаны за нами подглядывают. Интересно! Сорву ещё яблоко. *(Уходит)*

2-я девочка: *(оставшись одна, откусывает от яблока подруги, быстро жуёт, хватая «Библию», читает)* «Не может ни хорошее дерево приносить гнилые плоды, ни прогнившее дерево приносить хорошие плоды».

1-я девочка: *(возвращаясь с яблоком)* Читай, читай! Умнее станешь!

2-я девочка: *(резко)* Умнее кого? Тебя?

1-я девочка: Себя *(посмотрела в сторону забора)* Эй, вы! Шантрапа! *(2-ой девочке)* Стоят вдвоем и лыбятся.

2-я девочка: Их трое.

1-я девочка: Двое.

2-я девочка: Глаза разуй!

1-я девочка: Действительно. *(Внимательно, долго смотрит на 2-ю девочку)* Интересно! А-а! Поняла: яблочки подействовали *(протягивает подруге второе яблоко)* На, ешь! *(2-я девочка берёт яблоко, ест)* Это всё от ябл. Отец называет их райскими.

2-я девочка: *(читает)* «И увидела Ева, что дерево хорошо для пищи...и что дает знание: и взяла плодов его и ела; и дала так же мужу своему, и он ел...» *(Обе смеются, просто заливаются смехом).*

1-я девочка: *(мальчишкам)* Эй, ты, который лохматый! У тебя дырка на штанах!

2-я девочка: А ты, белобрысый, рот закрой и сопли вытри!

1-я девочка: *(бросает огрызок яблока)* Ловите яблочки! Райские!

2-я девочка: *(тоже бросает)* Заморские! Самурайские!

(Начинается бой с отступлениями и наступлениями. Все бросаются, чем ни попадя. Ангельские облики девочек превращаются в свои антиподы. В разгар боя появляется Отец. Это – учитель географии Николай Николаевич. Он в нимбе и балахоне бога Саваофа.)

Отец: Кто начал? *(«Противники» одновременно показывают пальцами друг на друга)* Та-ак, ясно. *(Поднимает с земли «Библию», читает)* «...и изгнал

КОСПРОМА

Господь Адама из рая». (*мальчикам*) Идите! (*Мальчики направляются к забору*) Не через забор: через ворота... рая. (*Мальчики уходят*)

Отец: (*заглянул в «Библию»*) «И сказал Господь: «В поте лица твоего Будешь есть хлеб... Идите и учитесь... на «отлично». (*Захлопывает «Библию»*) Идите. Девочки – Евочки. (*вслед уходящим девочкам*) И посчитайте: сколько проливов на земле! (*Уходит*).

ТЮТЬКИН ЭНД СУНДУК

Появляются актёры. Они подходят к «спящей» в глубине сцены Семёновой, снимают с неё ангельские крылья и уносят их и «спящую» Семёнову за кулисы. В это же время девушки – актрисы наводят порядок в «райском саду». Выходит Сундуков со своим рулоном вычислений, располагается на полу, продолжает заниматься расчётами. Сцена пустеет. Остаётся только Сундуков. К нему подходит Тютькин: мнётся, покашливает. Сундуков не обращает на него внимания. Тютькин с магнитофоном и озабоченным лицом. Выждав некоторое время, выключает магнитофон, садится около лежащего Сундукова

Тютькин: (*вздыхает*) Завидую тебе, Сундук: ты – умный, гениальный... А я...

Сундуков: Угу.

Тютькин: Хочешь, буду защищать тебя... Ну, там от всех и вообще... (*Сундуков молчит*) Тебя защищать, а не Пилюшкину... Без бартера!

Сундуков: (*не вникая*) Угу.

Тютькин: Вот хочешь, я для тебя что-нибудь сделаю? Хочешь? Забор свалю? Или позвоню в школу, скажу, что заминировано? (*Сундуков молчит*) А пить хочешь? Я тебе «Фанту» принесу. Или «Спрайт».

Сундуков: (*не вникая*) Угу. (*Тютькин убегает и быстро возвращается с водой. Ставит около Сундукова*).

Тютькин: Пей! От пуза! Сколько хочешь: я ещё принесу. (*Сундуков молчит, продолжает свои вычисления*)

Тютькин: Не хочешь... А хочешь? Шоколад ведь полезен? Во! Я шоколаду тебе принесу (*Убегает и возвращается с шоколадом, кладет его рядом с водой*) На! Ешь! (*Сундуков молчит*) Молчишь? Думаешь? Я тоже люблю думать, только у меня не получается.

Сундуков: Угу.

Тютькин: А-а! Вот дурак! Витаминчиков тебе надо! (*Убегает, возвращается с яблоками и рыбой*) Вот! Витамины! И фосфор: для ума!

Сундуков: (*машинально*) Спасибо. (*Но ничего не трогает*)

Тютькин: О! Я тебя сейчас развлекать буду! (*Включает магнитофон, корчит рожи, кривляется, «рэпает», «поет»*)

«Как у Бога Саваофа
Родилась Евочка:
Недотрога эта кроха,
Недотрога – девочка».

(*Сундуков затыкает ватой уши. Тютькин выключает магнитофон.*)

Тютюкин: Извини...*(задумчиво)* Да-а... *(садится)* А чё ты на твёрдом лежишь? Щас! *(Убегают, приносит надувной матрац. Пробирает переложить – перекачать Сундукова на матрац).*

Сундуков: *(взвизывается, взрывается)* Отстань! Что ты прицепился как репей! Сам ешь витамины! Тебе тоже полезно! Рыбу ешь – умнее станешь! Матрайся на валайсе! Звони забору! Вали школу! Только мне не мешай! У меня – дело! Уйди! *(Собрав свой рулон расчетов, уходит сам).*

Тютюкин: *(один, растерянно)* Я же не думал... Я же говорил... *(Включает магнитофон, собирает подарки, уходит).*

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Ученики того же класса. Так же на первом плане Сундуков со своими вычислениями. Шум, гвалт, но это не перемена. Говорят все одновременно, не слушая друг друга; каждый говорит всем, не ожидая ответа. Только одна Иванова не принимает участие в состязании по утверждению себя: смотрит, наблюдает, улыбается

Семёнова: *(у учительского стола)* Ти-хо! *(её не слушают)* Вни-ма-ние! *(все галдят, Семёнова выходит за дверь и снова появляется)* Директор идёт! *(все замолкают, смотрят на дверь)* Как и договорились: говорим только правду. *(класс повернул головы в сторону Семёновой, потом снова на дверь).* Я пошутила: директора нет.

Петрова: А как же – правда?

Семёнова: Шутка – она и есть шутка. Шутка ведь не ложь.

Петрова: Шутка – это ложь с улыбкой.

Четыркин: Ну, ты, Семёнова, даешь!

Семёнова: Иначе вас не успокоить!

Булкина: Чтобы добиться цели, можно и соврать?

Семёнова: Да отцепитесь вы от меня! Нашли крайнюю! Орут, как фанаты на концерте, а я виновата.

Тютюкин: Да ладно, Семёнова, продолжай.

Семёнова: Это вы продолжайте! «Семенова – лгунья! Чтобы добиться своего она может...» Продолжайте, вы уже начали. *(Уходит)*

Булкина: *(занимает её место)* Можно и продолжить. Семёнова – имитатор и эгоист. *(Наступает непривычная тишина. Абсолютная. Участники дискуссии не могут вобрать в себя такие сложные понятия)*

Тютюкин: Чево? Попроще можно?

Булкина: Объясняю для простых. Семёнова изображает бурную деятельность и доброжелательность, т.е. имитирует их. Будто бы старается для людей. А на самом деле – всё для себя. Эгоистка.

Четыркин: Ну, ты, Булкина, даёшь!

Булкина: А ты, Тютюкин – лентяй! Четыркин ...

Тютюкин: Я!

Булкина: ... ловелас, повеса и примитив.

КОСПРОМА

Четыркин: Чево, чево?

Булкина: Петрова – завистница, Пилюшкина – грязнуля... *(Поднимается гвалт. Булкиной не слышно. Ученики кричат и поднимают лозунги: «Долой отличников!», «Федя Тютькин – клеветный парень!», «Булкина – жадина!», «Не хочу!», «Да!», «Нет!», «Не буду!», «Хочу!» Иванова же не реагирует так бурно. (Тютькин поднимается и поднимает руку – все замолкают).*

Булкина: Давай, давай Тютькин! Революцию делают обиженные *(садится).*

Тютькин: *(махнув рукой, тоже садится. Все молчат. Поднимается Иванова)*

Иванова: Ребята! У нас ведь урок правды? Так ведь? *(Все кивают головами, вяло соглашаются)*

Кульков: Нам такая правда не нужна! *(Снова поднимается гвалт и лозунги: «Да!», «Нет!», «Правильно!», «Неправильно!», «Долой!», «Да!», «Нет!»).*

(Тютькин встает, поднимает руку: все замолкают. Тютькин, навевая порядок, садится. Все смеются).

Иванова: Ребята! Вы все – хорошие! *(Лёгкий шум: «Да?!», «Нет!»)*

Петрова: Все?

Иванова: Все.

Петрова: И Пилюшкина, и Сидорова, и Сундуков?

Иванова: Все!

Петрова: Такого не бывает!

Иванова: Разве не Лена Пилюшкина подарила тебе хомячка на день рождения? Ты болела, и все забыли о тебе. А Лена пришла с подарком. Разве не Игорь Сундуков – главный компьютерщик в классе? Да и в школе. Не мы ли обращаемся к нему по всем техническим вопросам? И он не отказывает. *(Голоса: «Точно!», «Это – правда!»).*

Петрова: Коля Кульков – победитель рекламной олимпиады!

Кульков: Петрова – пишет стихи и музыку!

Пилюшкина: А Федя Тютькин – отважный и смелый!

Четыркин: А Семёнова всегда поможет!

Тютькин: *(поднимается, все замолчали)* Даст списать... И вообще...

Булкина: А как же – правда!

Кульков: Это – тоже правда!

Иванова: Правда не должна быть злой. У хорошего человека и правда – добрая. Давайте говорить о хорошем.

Начинается гвалт: «Правильно! Давайте! Катя Семенова – продолжай!» Поднимаются лозунги: «Да!», «Иванову – в думу!» Все улыбаются, смеются. Звучит музыка. Тютькин и Сундуков поднимают и разворачивают рулон «трудов» Сундукова. На плакате результат исканий: формула – « $x + y = \text{рай}$ ».

ЮРИЙ ТАТАРЕНКО родился в 1973 году в Новосибирске. Член Союза писателей России. Автор 9 пьес. Публиковался в литературных журналах и альманахах России, Украины, США, Германии. Участник семинаров и лабораторий по драматургии, организованных СТД РФ в Новосибирске и Омске, фестиваля «Любимовка». Входил в шорт-листы всероссийских и международных конкурсов современной драматургии. Лауреат премии «Золотой Витязь» за лучший киносценарий. Занял 3 место в Международном литературном конкурсе имени А.Н. Плещеева в номинации «Драматургия» (2022 г.).

КУКЛА МАША, КУКЛА ДАША... *история болезни*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

КУКЛА МАША.

КУКЛА ДАША.

КУКЛА ЗИНА.

МИШКА белый с красным пятном.

РОБОТ-поэт.

Театральная кукла КОТ УЧЁНЫЙ.

КОТ – абориген чердака.

Две НЯНЕЧКИ.

Пролог

Видеозарисовка с детского утренника. Голос воспитательницы: «Ребятки, приготовились – репетируем финальный танец. Катюша, ты тоже сегодня без пары – Хасанчик же не пришёл. Садись, посиди. Начали!» Звучит песня «Рыбка» группы «Фабрика». Нарядные дети старательно танцуют. Мы видим Золотую рыбку и Маленького принца, Красную шапочку и Карабаса-Барабаса, балерину и оловянного солдата... В аквариуме плавает золотая рыбка. Затемнение.

Эпизод 1

Летнее утро. Стихает шум бульдозера. Перед нами два мусорных контейнера, из одного из них вылезают ТРИ практически новые КУКЛЫ, МИШКА и КОТ УЧЁНЫЙ.

ЗИНА (*осматривая себя*). Хм, только юбочка помялась.

МАША (*осматривая себя*). Нет, ну просто красавица! Барби грызёт ногти от зависти! (*обращаясь к ЗИНЕ*). Смотри, какие стразики! Сверкают!

ЗИНА. Громче говори. Я что-то хуже слышать стала.

КОСПРОМА

МАША (*прищурившись*). А ты кто? Что-то я тебя в нашей группе не видела.

ЗИНА. Я Зина. Я у заведующей на полке стояла.

МАША. Смотри, какие у меня кружавчики!

МИШКА. Разрешите представиться. Михаил.

ЗИНА. Да я вас всех знаю. Ты Мишка, ты Даша, ты Маша, а ты...

УЧЁНЫЙ. Кот. Учёный. «Там чудеса, там леший бродит...»

ЗИНА. Где чудеса?

МАША. Вот, смотри! Видишь, какая пелеринка? Лебяжий пух!

ЗИНА. Не поняла.

МАША. Пух. От лебедей. Что непонятного?

ЗИНА. Не поняла, что вообще происходит?

МАША. Типа шестая группа на прогулке. Только детей что-то не видать.

МИШКА (*осматривая себя*). Что это за пятно?

МАША. Тебе не идёт. Смотри, какой красный бантик!

ЗИНА. Это, наверное, гуашь. Вспомни, ты вчера был на рисовании? И кто-то нечаянно...

МИШКА. Я ничего не помню.

УЧЁНЫЙ. А кто-нибудь что-нибудь помнит?

МАША. После завтрака нас разобрали дети... Всё!

МИШКА. Всё.

МАША. Что-то голова немного кружится. А где робот? И солдатики?

ЗИНА. Так. Налицо явные провалы в памяти после вчерашнего. А ты что молчишь?

ДАША. Ма-ма...

МАША. Начинается!

УЧЁНЫЙ. Только без паники! Спокойствие, только спокойствие! Это говорю вам я, мужчина в самом расцвете сил!

ЗИНА. Ну ты даёшь! Классно копируешь.

УЧЁНЫЙ. «А я ещё и вышивать умею!» Я всё-таки когда-то был театральной куклой. Итак! Главное, руки-ноги целы. Ну, не помним, как здесь оказались. Зато мы – заговорили!

МАША. А ведь правда!

ДАША. Ма-ма...

ЗИНА. Вижу, дар речи обрели не все!

МАША. Да она всегда тихоня была. Вся в Настю! Та её как возьмёт на руки, так может и весь день сидеть. Моя Кристина совсем другая – у-у! Она меня даже ночевать к себе домой уносила!

ДАША. А разве так можно?

ЗИНА. Всё можно, только осторожно. А ты что, кроме «мамы», ещё и другие слова знаешь?

УЧЁНЫЙ. Даша говорит «мама», когда волнуется.

МАША. ДСП. Долгосоображающий пупс. Что самое главное у платья? А? Туфли! А самое дорогое – сумочка! Смотри – из Америки! Обожаю Америку. Там – всё самое лучшее.

МИШКА. Откуда у меня это красное пятно?

УЧЁНЫЙ. Но тебе не больно?

МАША. Куклы и игрушки ничего не чувствуют. Они же не дети.

МИШКА. А у тебя что-нибудь болит?

УЧЁНЫЙ. Душа.

ЗИНА. А разве она у кукол есть?

УЧЁНЫЙ. Душа у всех есть.

ДАША. А как она болит?

МАША. Что ты чувствуешь?

УЧЁНЫЙ. Я чувствую, что мы здесь не просто так.

МИШКА. Почему-то не оттирается...

МАША. Платье – супер. Кристина в Москву за ним ездила. Кучу долларов стоит. Его соседка Юдашкина шила.

ЗИНА. Как ты сказала – Дашкина соседка?

МАША. Ты, когда уши компотом моешь, косточки вытаскивай.

ЗИНА. Знаешь что? Иди вон Даше своими нарядами хвастайся.

МАША. Все уже в курсе. А ты новенькая. *(небольшая перепалка)*

УЧЁНЫЙ. Подождите! Да хватит вам! Стойте! Как мы здесь оказались?!?
(пауза)

МИШКА. А где мы?

УЧЁНЫЙ. Это помойка. Сюда относят всё, что больше не нужно.

МАША достает из сумочки зеркальце, смотрится.

МИШКА. А ты почему шуришься? Вроде вчера ещё нормальное зрение было. Всегда всё высмотрит, всегда в курсе всего – ну, ни у кого никакой личной жизни!

УЧЁНЫЙ. Неужели никто не знает, что же вчера произошло? *(пауза)*.

МАША. А за мной Кристина приедет и увезёт меня. С собой. В Америку.

ДАША. А это далеко?

МИШКА. За океаном. Отсюда не видать.

ДАША *(встает на цыпочки)*. А так?

МИШКА. А про меня Миша столько стихов сочинял... *(шепелявит)*. Мишка косолапый, по лесу идёт, шишки собирает, песенки поёт. Шишка отскочила, прямо мишке в лоб...

ЗИНА. Интересно, где это на белого медведя шишки падают?

МИШКА. Далеко. Отсюда не видать.

ДАША. Я хочу назад. В детский садик. К Насте.

УЧЁНЫЙ. Так, внимание! Пока никто никуда не идёт. Надо сделать зарядку! Куклы и так практически не двигаются. Где посадят, там и сидишь.

ЗИНА. Ага, где положат, с тем и лежишь. *(запевает «Кукла – любовь моя! Остров зари багровой! Песня летит, над заливом звеня: «Кукла – любовь моя!» и начинает разминку)*.

МАША. Что это за песня?

ЗИНА. Заведующая постоянно пела. А что, нормальная песня!

Зарядка идёт под песню «Тополиный пух» группы «Иванушки Интернэшнл».

МАША. Наверное, пора уже стрижку новую делать? И маникюр, да?

КОСПРОМА

ЗИНА. Ну, ты совсем уже! Первый раз слышу, чтобы у кукол – росли ногти и волосы!

МАША. Представь себе!

ЗИНА. Тогда сначала пирсинг сделай! И тату на попе!

ДАША. А почему мы именно на помойке?

ЗИНА. Ведётся война за недвижимость. Отбирают жильё, а человека – на помойку.

МИШКА. Да нормально тут! Это, конечно, не белые снега Северного полюса...

ДАША. В конце концов, тут микробы! (*прекращает зарядку*).

МИШКА (*кидает камешек в контейнер*). Вот! Сейчас их на один меньше стало!

РОБОТ (*из контейнера*). Я очень умный пластмассовый робот: мне не страшны никакие микробы!

УЧЁНЫЙ. Это же Робин! Ты цел? С тобой всё в порядке? (*Помогает вылезти.*)

РОБОТ. Я цел. Но иногда меня глючит.

МАША. Смотри, у меня новое платье – с корсетом!

РОБОТ. Я умный робот, я не парюсь с гардеробом.

УЧЁНЫЙ. Ты помнишь, что случилось, после чего мы оказались здесь?

РОБОТ. Я всё помню.

МАША. Ура! Да здравствуют роботы!

ЗИНА. Всё-таки без компьютеров уже и куклам не прожить.

МИШКА. Всем внимание!

ДАША. Ма-ма...

ЗИНА. Ты если такая трусиха, молчи лучше, страху не нагоняй.

РОБОТ. Я умный робот – мне неведом страх и ропот.

МАША. Время не тяни.

РОБОТ. Я... (*говорит чужим голосом*). Произошёл сбой программы...

МИШКА. Вот тебе и компьютеры! Скажи же, Даша!

ДАША. Ма-ма... (*пауза*)

МАША. Скорей бы Кристина приехала!

МИШКА. А со мной Миша играть любил. В белых и красных. Его дедушка научил.

УЧЁНЫЙ. А Шурик в свои пять лет очень хорошо читал. Заслушаешься! Воспитательница его часто просила почитать всей группе.

ЗИНА. А знаешь, почему? К вашей Анне Сергеевне приходил Платон Сергеевич...

МИШКА. Брат, что ли?

МАША. Ага, брат!

ЗИНА (*передразнивает*). Ну, всё, Платоша, я перезвоню! До связи!

УЧЁНЫЙ. Вот это да, здорово! Так похоже!

ЗИНА. Ну, мы в театрах не служили...

МАША. Что-то у меня точно провалы в памяти. У меня же в сумочке телефон лежит!

ДАША. Так давай позвоним!

МАША. Кому, ребятам? В нашей группе ни у кого мобильных не было.

МИШКА. Воспитательнице, Анне Сергеевне!

МАША. Ага, скажешь: здравствуйте, это кукла Зина! И та сразу – в обморок.

ДАША. Или милицию вызовет.

УЧЁНЫЙ. Я с ней разговаривать буду. А кто её номер знает?

ЗИНА. Я знаю. Заведующая ей часто звонила. *(набирает номер)*. Вообще никаких гудков...

МАША. А ну дай-ка я. Номер говори!

УЧЁНЫЙ. Ничего не выйдет. Сотовый – игрушечный!

ЗИНА. Что же делать?

ДАША. Ма-ма...

УЧЁНЫЙ. Будем думать...

МАША. Всё равно сейчас Кристина за мной приедет!

МИШКА. Мишку бросили, глупышку – без друзей остался мишка...

УЧЁНЫЙ. Как это без друзей! А Маша, а Даша, а Зина, а я?

РОБОТ. И я! Я очень умный робот – без меня на земле проживи, попробуй!

МИШКА. Ура, включился! Что ты видел вчера в садике, расскажи!

УЧЁНЫЙ. Тихо! Сюда кто-то идёт.

Эпизод 2

Появляются две НЯНЕЧКИ с большими чёрными мешками. Это ТОМА и ТОНЯ. В руках у ТОНИ сломанный детский стульчик. НЯНЕЧКИ кидают мешки в контейнер.

ТОНЯ *(глядя на стульчик)*. Мне словно внутри всё сломали.

ТОМА. Что стоишь – поселиться тут решила? *(Отбирает у ТОНИ стульчик, кидает его в контейнер и промахивается. Намереваясь поднять стульчик, замечает кукол)*.

ТОМА. Ишь, всё-таки раскурочили.

ТОНЯ. И бросили.

ТОМА. Ты смотри – даже бомжам не нужны!

ТОНЯ. Да уж...

ТОМА. Господи, что у нас за страна такая? *(пауза)*

ТОНЯ. Что, может, собрать их по-быстрому – да в контейнер?

ТОМА. Ага, тебя бы вот – по-быстрому да в контейнер! Себе их домой унеси...

ТОНЯ. Ага, спасибо...

ТОМА. Вон как мишка запачкался.

ТОНЯ. Это отстирывается.

ТОМА. Наверное, скоро везде будут одни такие заводы, где только мыло и стиральный порошок делают. Чистоту навести... Нет, ну ты посмотри, такая красота – и никому не нужна!

ТОНЯ. Ни-ко-му...

КОСПРОМА

ТОМА. А красота всегда первой погибает. Самая беззащитная.

ТОНЯ. Знаешь, а я всё детсадовское за казённое никогда не считала. Уж игрушки точно.

Здание, наверное, другое теперь будет. Без ребятишек... Быстро этот бульдозер отгромыхал. А то уже и так вся душа изболелась. А какой этот кран вблизи страшный! Я смотрю, у тебя нервы – железобетонные...

ТОМА. Хочешь знать о детском доме – обращайся к тётке Томе!

ТОНЯ. Вон оно что. Да, детям без родителей плохо... Но уж ро...

ТОМА. Хватит языком трепать! Есть умельцы. Идём, там ещё мешки дожидаются... Тоня! *(НЯНЕЧКИ уходят)*.

Эпизод 3

МАША. Как можно на улицу такими не нарядными выходить!.. А что такое бульдозер?

ЗИНА. Громче говори.

МАША. Ты слышала, как он громыхает?

ЗИНА. Я точно не слышала.

МИШКА. Наверное, он на небе живёт. Как гром.

МАША. А про какой кран нянечка говорила? И почему он страшный?

ДАША. Ма-ма.

РОБОТ. Кран есть подъёмный – железный хобот! Всё обо всем вам поведает робот!

УЧЁНЫЙ. Значит, в здании ремонт. А дети переехали.

МИШКА. Ну и забрали бы нас с собой!

МАША. Да, детсад – не дом: и еда другая, и внимание.

ЗИНА. Потому что в садике детей много, а в семье – один.

УЧЁНЫЙ. Как это с собой? Мы же детсадовские.

ДАША. Почему же мы здесь?

УЧЁНЫЙ. Есть такая традиция. Когда переезжают, старую мебель выкидывают.

МАША. Но мы же не мебель!

ЗИНА. Во всяком случае, не старая...

УЧЁНЫЙ. Во всяком случае, друзья, ремонт – это не навсегда.

МАША. Я же говорила, что дети ушли и вернутся.

ДАША. А куда дети уходят из детского сада – в детский дом?

ЗИНА. Они не уходят, а переходят – в школу.

МИШКА. Вот это правильно! Не будут же они в садике жить – до пенсии!

ЗИНА. Ремонт – это здорово! У заведующей недавно сделали – в кабинете стало всё-всё новое!

ДАША. А после ремонта в садике будут новые куклы? *(пауза)*.

МАША. Что же Кристина так долго не едет?

ЗИНА. Слушай, Робин, а ты же хотел нам рассказать, что случилось вчера в детском саду?

РОБОТ. Я?

УЧЁНЫЙ. Всё прояснить только ты способен. Рассказывай всё, что ты помнишь, Робин!

РОБОТ. Я... (*говорит чужим голосом*). Произошёл сбой программы...

ЗИНА. Вот и снова непригоден для беседы робот Робин.

УЧЁНЫЙ. Ничего страшного. Подождём немного, очнётся.

МАША. Вы больше не спрашивайте о вчерашнем – а то вдруг его вообще перелючит.

МИШКА. Вот и нянечка сказала, что у неё внутри что-то сломалось. Значит, её тоже глючит?

ЗИНА. Никто не застрахован. Песня даже такая есть, заведующая поёт её – «Санта Глючия, Санта Глючия»...

ДАША. А почему нянечка сказала, что здание будет без ребятишек?

ЗИНА. Я же уже говорила – банк построят.

МИШКА. Банк?

ЗИНА. Заведение такое – только для взрослых.

МАША. А они в куклы не играют.

УЧЁНЫЙ. Тогда никто сюда не вернётся. (*пауза*).

ЗИНА. Слышали, как нянечка сказала? Мы никому не нужны.

МИШКА. Даже моржам.

ДАША. Почему?

МАША. Подожди, подожди. Так нас что – бросили? Тебя, меня, Дашу, мишку?..

МИШКА. Это, наверное, из-за этого пятна. Как я его посадил?

УЧЁНЫЙ. Посадил дед репку – и выросла репка большая-пребольшая...

МИШКА. А что, моё пятно тоже вырастет? Ну, совсем не оттирается!

МАША. И что, значит, Кристина за мной не приедет?

ЗИНА. Песня такая есть. (*напевает*). «Кукла Маша, кукла Даша – просто дети стали старше, просто годы детские прошли». «Иванушки Интернэшнл».

УЧЁНЫЙ. Иваны, не помнящие родства.

ЗИНА (*напевает*). И ты грустишь – не бросайте, люди, кукол!..

МИШКА. А про мишек там поётся?

ЗИНА. Ну, это совсем в другой песне: «Где-то на белом свете – там, где всегда мороз...»

УЧЁНЫЙ. Хорошо поёшь, Зина!

ЗИНА. Ну, ты нашу заведующую не слышал! «Папа, подари! Папа, подари! Папа, подари мне куклу!»

ДАША. А я не верю, что друзья стали вдруг не нужны.

УЧЁНЫЙ. Ничего не поделаешь. Дети вырастают и играют в другие игры, в войнушку или...

ЗИНА. Если дети взрослеют и так поступают – то что тогда творят совсем взрослые?

ДАША. Ма-ма.

УЧЁНЫЙ. Взрослые бросают всё подряд – женщин, мужчин, детей, слова на ветер. Но таким образом и приобретают...

МАША. Что?

КОСПРОМА

РОБОТ. Так называемый жизненный опыт. Все его копят – только не робот!

ЗИНА. Опять заработал!

РОБОТ. Меня надо иногда выключать, а то батарейки сядут. Вот Хасан, хоть и пятилетний мальчик – а не забывал об этом.

ДАША. Мы все-таки куклы, а не живые люди.

УЧЁНЫЙ. Живым всегда хуже. Им надо стараться не умереть раньше времени.

МАША. А раньше это когда?

УЧЁНЫЙ. А это – бог знает...

РОБОТ. Ну нет, я люблю, чтобы всё по полочкам было.

ЗИНА. Я, когда у заведующей стояла на третьей полке, у нас очень возвышенные отношения были с пупсом Платоном Сергеевичем.

УЧЁНЫЙ. Платонические отношения.

ЗИНА. Но вообще-то мы с ним совсем не пара. Да выбирать-то не из кого. Слушай, Робин-Робинovich, а ты ничего! А правда, что ты можешь всё делать, как заведённый? Ну, иди там...

РОБОТ. Иду – и меня не берёт хвороба! Не знаю усталости – я же робот! Так я пошёл?

ЗИНА (вслед). Ну, иди... А кто-нибудь знает, кукла-Президент – бывает?

МАША. Нет, эти теперь только в виде матрёшек.

ЗИНА. Ну, значит, не судьба. «Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная задора и огня?..»

МИШКА. Не мог он меня бросить. Да и я его не брошу, потому что он хороший. Когда ему покупали ранец, Миша меня с собой брал – проверить, помещаюсь ли я в нём?

МАША. Ну, значит, Анжела приедет. Я ей тоже сильно нравилась.

УЧЁНЫЙ. Когда выкидывают – обратно не ждут.

ДАША. А разве так можно?

ЗИНА. Ну не финты себе сказала ты себе! Ну и кто они после этого?

УЧЁНЫЙ. Зря ты так. Потому что все, с кем мы встречаемся в жизни и всё, что происходит – не зря.

ЗИНА. То есть нас и на помойку – не зря? Что мы такого кому сделали?

МИШКА. И что нам делать теперь?

УЧЁНЫЙ. Прежде всего – оценить обстановку. Верно, красавицы?

МАША. Кукол и окружает всегда всё самое красивое. Кроватки, стульчики, окошки, занавесочки...

ЗИНА. Да уж, красота – мусорный контейнер без окошек.

ДАША. А мы сейчас всё это обустроим!

Зина запекает песню «Ветер с моря дул». Все украшают помойку – шариками, лентами. Чинят сломанный стульчик. «Кто сидел на детском стуле и сломал его?» Находят в контейнере плакат с дыркой для фото, играют в «угадай себя»...

РОБОТ (весело). Ой, не могу, выключите меня! Батарейка кончается.

Робота выключает внезапно появившийся КОТ. Его не сразу замечают. Все от неожиданности пугаются. МИШКА прячется от КОТА в контейнер

слева, КУКЛЫ притворяются спящими. Один на один с КОТОМ остается КОТ УЧЁНЫЙ. Появляются НЯНЕЧКИ и выбрасывают в контейнер большие чёрные мешки.

ТОМА. Ну ни финты себе! У бомжей свадьба, что ли?

ТОНЯ. Да, дела... А Светка вон замуж собралась. Вот дура! Когда такое творится... Смотри, котейка! Худой какой.

ТОМА. Что уставилась, котов не видела?

ТОНЯ (*подзывает*). Кс-кс-кс...

ТОМА. Тоня, кота сколько ни корми, он за тебя мешки таскать не будет! НЯНЕЧКИ уходят.

Эпизод 4

КОТ. Что уставился, котов не видел?

УЧЁНЫЙ. Кс-кс-кс...Кс...

КОТ. Ну, давай уже, договаривай!

УЧЁНЫЙ. Что?

КОТ. Как это что – имя моё! Меня зовут Ксерокс!

УЧЁНЫЙ. Почему?

КОТ. А я – копия папы. И тоже – абориген чердака.

УЧЁНЫЙ. А родные есть – кошка, котята?

КОТ. Никого. Я же сказал – на чердаке живу. А это жильё для мяусемейных! Но мне нравится. Сверху многое видно.

УЧЁНЫЙ. А ты видел, что вчера было в детском саду?

КОТ. Ну, да...

УЧЁНЫЙ. Расскажи, а то мы там больше не живём. Что ты видел?

КОТ. Ну... Там ещё сегодня объявление повесили...

УЧЁНЫЙ. Какое объявление?

КОТ. А я ...мяуграмотный!

УЧЁНЫЙ. А я могу научить тебя читать. Я же – Кот учёный!

КОТ. Кто-о? Ты – кот? Ну и откуда же ты такой взялся?

УЧЁНЫЙ. Отсюда.

КОТ. С помойки, что ли?

УЧЁНЫЙ (*поправляя золотую цепь*). С лукоморья.

КОТ. Не слышал.

УЧЁНЫЙ. Ну, как тебе объяснить? В общем, далеко это.

КОТ. Понятно. Глухоморье.

УЧЁНЫЙ. Цепь вот на память осталась.

КОТ. А ты что же там – в будке жил? Как собака? Ну, это уже прямо какое-то Злюкоморье.

УЧЁНЫЙ. Не помню, давно это было.

КОТ. Погоди, тебе сколько лет?

УЧЁНЫЙ. Один год. (*показывает на кукол*). Мы тут все ровесники.

КОТ. Что-то непохоже. Ты когда родился?

УЧЁНЫЙ. Не родился, а появился. И главное – не когда, а для чего!

КОСПРОМА

КОТ. Вот так вот, да? А ну-ка, покажи, как ты умеешь по-котовски: драться, трепать воробушка, воровать у людей продукты...

УЧЁНЫЙ. Можно жить и по-другому.

КОТ. Вот ещё! Я уже брысь... брысьспособился.

УЧЁНЫЙ. Скажи, а ты когда-нибудь бываешь другим: приличным, воспитанным котом?

КОТ. Ну, конечно! Только по ночам, когда стемнеет. Ночью все кошки – сэры.

УЧЁНЫЙ. Ну, ночью этого и не увидишь. Ночью мы спим.

КОТ. Ой, детский сад!

УЧЁНЫЙ. Так я же и говорю, мы и есть из садика. Послушай, я хотел спросить...

КОТ (*принюхивается*). Тут еды – никакой нет? С утра ничего не попадалось. Сейчас бы мур-мур-мороженого... С ванилью, м-м-м... Или стаканчик брысьтокваши...

УЧЁНЫЙ. Слушай, Ксерокс, а ты с людьми жить не пробовал? (*показывает на спящих*). Куклы говорят о них только хорошее.

КОТ. Это – куклы? Вот оно что. Никогда не видел. Красивые. (*полез в правый контейнер*)

УЧЁНЫЙ. Если честно, я настоящего кота тоже впервые вижу. Где нам, куклам, с вами встретаться?

КОТ. Так ты тоже кукла? Не, не похож!

УЧЁНЫЙ. Я кукла – только театральная. «Там на неведомых дорожках следы невиданных зверей...»

КОТ. Каких неведомых? Я тут каждый уголок знаю, все подвалы облазил.

УЧЁНЫЙ. Ну это же театр!

КОТ. Да слышал я про ваш театр – это где все куклы по струнке ходят.

УЧЁНЫЙ. Может, на ниточках?

КОТ. Да какая разница, я свободу люблю. Вспомнил! Театр мяуранеток.

УЧЁНЫЙ. Марионеток.

КОТ. Ну, а я как сказал? А что ты в детсаду-то делаешь? Ребятишкам подавай всё новое, из магазина.

УЧЁНЫЙ. Не скажи. Лучшая кукла – сделанная своими руками. Только я вот всё думаю – а что я могу сделать своими руками?

КОТ (*вылезает из контейнера*). Зато у тебя голова варит. Таким необязательно уметь розетки чинить. Вон какой гарем себе завел.

УЧЁНЫЙ (*отводя КОТА в сторонку*). Во-первых, потише говори, разбудишь всех. А во-вторых...

КОТ. Так вот я что-то не понял. Время обедать – а вы уже спите?

МАША. Не уже, а ещё! Привет! Смотри, какие у меня перья!

КОТ. Погоди, так ты кто? Кукла – или? А-а, цыпа, что ли? Да вроде непохоже.

МАША. Ага, белый лебедь на пруду! Машей зовут. Видишь, какая дорогая ткань – натуральный шёлк! Вот есть просто шёлк, так он в 10 раз меньше стоит. Ты хоть знаешь, чем отличаются шёлк – и натуральный шёлк?

КОТ. Натуральный быстрее горит.

МАША. А платье-то – с плиссировкой! Модное.

КОТ. От Плисецкой, что ли?

МАША. А кто это?

КОТ (*показывает*). Умирующий лебедь.

МАША. Эй, ну ты чего? Посмотри, какие стразики!

КОТ. А что это такое?

МАША. Ну... Они дорогие. И сверкают.

КОТ. А, сообразил! Вроде как маленькие брысьлианты. Слушай, чтобы их разглядеть, микроскоп нужен.

МАША. А зачем их разглядывать? Можно просто знать, что они на платье – есть.

КОТ. Котам, наверное, ни к чему украшения – кольца, сережки, кулончики, брысьлеты. Всё равно потеряются. Носишься весь день как угорелый.

МАША. Зачем?

КОТ. Жрать-то охота! Вот ты что делаешь, когда есть хочется?

МАША. Куклы не едят.

КОТ. Ну, везёт же вам! Нет, правда – что, совсем?

МАША. Ну, один раз только Кристина уносила домой, угостила там. Намазала мне губы вареньем, а сама полбанки слопала! Чтобы на меня подумали. А, потом всё равно призналась.

КОТ. А вот признаваться не надо! Признаются – когда сделают что-нибудь нехорошее. А надо просто делать всегда только хорошее.

МАША. Я запомню.

КОТ. Так это от тебя – ванилью пахнет? Ты что, ароматизированная кукла?

МАША. Наверное. Я всем-всем девочкам в группе нравилась. А запах какой – сладкий?

КОТ. А вы что, не чувствуете?

МАША. Никаких ощущений. Может, ещё появятся. Мы только после вчерашнего впервые разговаривать стали.

КОТ. Вот так вот значит... Надо же, первый раз приятно пахнет на помойке. Знаешь, что немцы дороги шампунем моют? Девать его, что ли, некуда?

МАША. А я мечтаю Америку увидеть. Меня Кристина увезёт. Там такие куклы! А платья – декольте досюда, разрез отсюда...

КОТ. Да что эта Америка? Ни дойти, ни доехать.

МАША. Как это?

КОТ. Она же за океаном. Туда только долететь можно. Я вот мечтаю о еде. Нормальной.

МАША. Девочку тебе надо завести. Или сразу бабушку.

КОТ. Да у людей что за еда – мяукароны на мяургарине. Брр-брысь!

МАША. А ты варенье ешь? У Кристины много.

КОТ. Не знаю, не пробовал. Ты не думай, я за формой слежу. На ночь не ем. Да и с утра, бывает, тоже. Ну, да язык мой – друг мой. Слюнки текут – а я облизываюсь. Делаю себе мяуссаж. Пять раз в день.

МАША. А мы с Кристиной иногда в солярий ходим.

КОТ. Я сало тоже люблю.

МАША. Жалко, я не знаю, чем таким меня надушили.

КОСПРОМА

КОТ. Не расстраивайся. У меня тоже, если стресс, первым делом нюх притупляется.

МАША. Хорошо учёному Коту – у него только память отшибло.

КОТ. Непохоже.

МАША. Даша вот – всегда улыбается. А Зина теперь плохо слышит.

ЗИНА. Что ты там про меня сказала?

МАША. Ну вот, я же говорила.

УЧЁНЫЙ. Зина, Даша – это Ксерокс.

ЗИНА. Ксерокс? А бумага-то у тебя есть?

КОТ. В смысле, документы?

УЧЁНЫЙ. Ты же знаешь, что все коты на это отвечают.

КОТ и МАША. Что?

УЧЁНЫЙ. «Усы и хвост – вот мои документы!»

МАША. Что, опять скажешь: ненужная вещь, они только для того, чтобы их терять?

КОТ. Бумаги с печатями нужны только людям. Все остальные верят друг другу на слово.

МАША. Документы спросила. А ты что, читать умеешь?

ЗИНА. А ты – писать?

ДАША. А ты когда родился, кто тебя так назвал?

КОТ. Один мальчик. Мы с ним дружили. Целый месяц. А потом раз – и я оказался на помойке.

ДАША. И мы тоже.

УЧЁНЫЙ. Зина, ты что, не веришь, что это Кот?

ЗИНА. Просто помню, заведующая постоянно говорила: «Кому он нужен, ксерокс без бумаги?»

КОТ. Так вот почему я – уличный гуляка?

ДАША. И мы тоже.

КОТ. Слушайте! Оказывается, у нас столько общего! Я вот тоже ни читать, ни писать не умею.

УЧЁНЫЙ. Друзья, а не начать ли нам занятия прямо сейчас? Будем учиться, как стать самостоятельнее.

КОТ. Я сам могу чему хочешь научить. Например, всему лишнему говорить – брысь. Волшебное слово. Без него никуда. Из всех слов люди говорили мне чаще всего именно это – брысь! И я от них научился, что главное – сказать брысь первым. Такие вот жизнь приносит нам плоды брысь...брысьвещения.

ДАША. Есть совсем другие волшебные слова.

КОТ. Ой, не учи учёного.

ЗИНА. Значит, говоришь, что всё знаешь. Проверим?

ДАША. У нас все ребята в группе в эту игру играют. Говорят о ком-нибудь, и надо догадаться, про кого.

МАША. К нам в садик даже приезжали три дяденьки из Москвы. Телепередачу снимали.

КОТ. Ну, давайте вашу загадку.

ЗИНА. У него сильные руки. И очень спокойный взгляд.

МАША. Он пишет закорючками.

ДАША. У него на лбу круглая железная штуковина, она закрывает набитую шишку.

УЧЁНЫЙ. Ему все дети язык показывают, а он не обижается.

КОТ. Доктор. Про Айболита все слышали. Давайте другую.

МАША. Он всегда ходит в каске.

ЗИНА. Ещё есть такая народная примета: если где-то появился забор – значит, туда скоро придёт этот человек, но не один, а с друзьями, и начнёт там работать. А когда им становится скучно, они машут руками и кричат: вира, вира по майну!

ДАША. Им становится тот, у кого в детстве не было ни кубиков, ни конструктора.

УЧЁНЫЙ. Или наоборот – тот, кто играл только в кубики, и ему это было очень приятно.

КОТ. Совсем лёгкая. Это строитель. Ещё есть?

МАША. На работу он пешком не ходит – только ездит на большой машине.

КОТ. Мяушинист.

ЗИНА. На работе он постоянно поднимается вверх по лестнице.

КОТ. Я же говорю, работник мяутрополитена.

УЧЁНЫЙ. Он выносит из дома всё ценное. А женщин и детей носит на руках.

ДАША. На работе ему всегда жарко, поэтому он не бывает в тёплых странах.

КОТ. Мяуталлург? Хм, мяустификация какая-то. Мур-мурочите голову только.

ЗИНА. За игру можно использовать одну подсказку – помощь друга.

УЧЁНЫЙ. Надо включить нашего Робота.

РОБОТ. Вернуться в реальность – слаще сиропа! Вновь со своими друзьями робот.

КОТ. Робот – поэт? Какое-то не очень мужское занятие.

УЧЁНЫЙ. Это не мешает Робину проявлять свой интеллект.

МАША. Это уж точно – всегда докопается до самой сути.

РОБОТ. Сквозь дождь, туман, пески, сугробы – всюду пройдёт упорный робот!

ЗИНА. Значит, так. Надо отгадать...

РОБОТ. Не повторяй. Я даже выключенный всё вижу, слышу и запоминаю.

МАША. А запахи чувствуешь?

РОБОТ. Из роботов был на это способен лишь Электроник – никак не Робин.

ЗИНА. Ну, туман-то от дыма отличишь?

КОТ. Всё, разгадал я вашу задачку. Это – пожарный.

ДАША. Молодец.

УЧЁНЫЙ. Робин, а это – Ксерокс. Он всё знает про детский сад.

ЗИНА. Ага! И сейчас нам расскажет, что там вчера случилось!

МАША (роботу). А ты что замигал, как светофор?

РОБОТ. Нервы как парашютные стропы – умеет себя контролировать робот!

КОТ. Так ты, значит, один – кто в полном порядке после вчерашнего?

ДАША. Робин всегда в полном порядке.

КОСПРОМА

МАША. Везёт же роботам – живут себе тихо, спокойно. А ты мучаешься: что надеть, что обуть?

РОБОТ. А я – без эмоций! Да, я без эмоций – всегда! Без эмоций! Абсолютно!

КОТ. Непохоже. Ведёшь себя, как девчонка.

Эпизод 5

*Из контейнера появляется МИШКА, сбрасывая с себя зелёное
детское покрывало*

МИШКА (*обращаясь к КОТУ*). Добрый день. Меня Михаил Потапыч зовут. Можно без отчества.

КОТ. Привет-привет. Я так понимаю, со вчерашнего дня мы ещё дальше от цивилизации стали.

ЗИНА. Почему?

КОТ. Вот уже и медведи по улицам ходят.

МИШКА. Смотрите, что я нашёл. (*Показывает осколок*). Это кусочек нашей тарелки, из садика. Из неё Миша ел.

КОТ. Э-э... С чего ты взял? На помойке чего только не найдёшь.

МИШКА. Я узнал её. На ней медвежонок нарисован.

МАША. Точно ваша. Я помню эти брючки расклешённые.

МИШКА. А почему она разбитая?

УЧЁНЫЙ. Есть такая традиция. Посуду бьют на счастье.

КОТ. Когда свадьба или новоселье.

ДАША. Значит, когда ремонт – тарелки не бьют?

КОТ. Нет. Но мусора много.

УЧЁНЫЙ. Странный какой-то мусор.

КОТ. А ты чего в контейнер-то полез? Испугался, что ли?

МИШКА. Не испугался.

КОТ. Ну а что тогда?

МИШКА. Не испугался, а... Играл. В хобона.

КОТ. Это как?

МИШКА. Сейчас покажу. (*прячется за контейнер и выскакивает перед КОТОМ*). Хобона!

КОТ. И у котика икота вдруг пропала отчего-то.

МИШКА. Но мне больше нравится играть в космический корабль. (*накрывает покрывалом пространство между контейнерами*).

КОТ. Похоже.

МИШКА (*залезая под покрывало*). Уважаемые пассажиры! Наш полёт проходит по маршруту Земля – Большая Медведица. Убедительная просьба всем застегнуть привязные ремни. Экипаж корабля желает вам приятного полёта.

КОТ. Я слышал, что собак в космос запускали. Но чтобы медведей... Да ещё белых.

МИШКА (*вылезая*). Ой, слушай! Скажи, пожалуйста, что у меня за пятно?

КОТ. Кровь.

МИШКА. Я ранен?!

КОТ. Непохоже. Тебе ж не лапу оторвали. Не бойсь, Медведев! С такой фамилией не пропадёшь.

МИШКА. Медведев? А кто это?

УЧЁНЫЙ. Я точно не знаю – но, по-моему, самый главный.

КОТ. Этот... Как его... Брысь... Брысь... Брыссидент!

МИШКА. А он главнее миллионеров?

КОТ. Кого?

МИШКА. Мне рассказывали, что была одна очень богатая семья. Но только никто в ней не знал, что они богатые. Потому что их бабушка все деньги хранила в плюшевом медвежонке. И никому не говорила. А потом – раз! У медвежонка сзади незаметная молния была... А что это вы на меня так странно смотрите?

КОТ. А поворотись-ка, Мишка!

ЗИНА. Ба, кого я вижу?

МАША. Богатенький Буратино!

МИШКА. Вы меня с кем-то путаете. Я не свинья-копилка!

УЧЁНЫЙ. Мы просто посмотрим. «Как царь Кашей над золотом чахнет!»

МИШКА. Нет у меня никакой молнии...

ДАША. У тебя только пуговицы? *(Все бросаются на МИШКУ и с азартом ищут клад. МИШКА вылезает из кучи-малы, смотрит на возню, спохватывается, бросается в самый центр. Через пару секунд его выбрасывают из кучи).*

МИШКА. Ну, так нечестно! *(Все оборачиваются. Смеются).*

УЧЁНЫЙ. А где же Кот?

ЗИНА. Интересно, мы его тоже – не зря встретили?

Эпизод 6

Появляются ТОМА и ТОНЯ, несущие большие чёрные мешки

ТОНЯ. А с чего Светка свадьбу-то затеяла? Или недоглядела?

ТОМА. Может, ещё и не состоится.

ТОНЯ. В смысле?

ТОМА. Не каждый день для торжества подходит. У меня вон соседка расписалась в тот день, когда Чернобыль рванул. Ну и что? Разве это дело – праздновать, когда вся страна... Ну, и развелись быстро.

ТОНЯ. Детишек-то хоть не успели завести?

ТОМА. Да нет, слава богу. А то как раз в садик сейчас бы пошли.

ТОНЯ. Да... Нет, я всё никак не пойму: вот зачем – так-то?

ТОМА. Затем. Если уж решили президента свергнуть...

ТОНЯ. В смысле?

ТОМА. Подотри, повисли. Слушай, кончай сидеть! Последняя ходка осталась. *(НЯНЕЧКИ выбрасывают мешки в контейнер и уходят)*

ЗИНА. Слышали? Президент тоже никому не нужен.

МИШКА. А зачем президент?

КОСПРОМА

РОБОТ. У него власть. И к власти страсть.

ДАША. А зачем власть?

УЧЁНЫЙ. Ну, чтобы быть над всеми главным.

МАША. А кто над куклами главный?

УЧЁНЫЙ. Здравый смысл.

МАША. А он откуда берётся?

ЗИНА. У людей – из головы.

УЧЁНЫЙ. А птица говорун отличается умом и сообразительностью.

Отгадайте загадку. Только что сочинил. У него очень много общего с президентом Путиным. Он тоже знает наизусть гимн России, не курит и каждое утро делает зарядку. Он тоже много путешествует по миру и тоже хочет быть всегда первым. Но его не выбирают первым, он должен соревноваться по-настоящему. У него тоже есть воля и характер, и для него тоже самое главное – это карьера. Таких, как он, с детства селят в специальные интернаты. Среди них много негров. А самых беззащитных враги заставляют употреблять допинг. Это – ... *(Куклы показывают разных спортсменов)*.

РОБОТ. Таблетками не набьёшь утробу. Давай тренируйся иди, как робот.

ЗИНА. О! Если мы больше не нужны детям – так может, их родители нас...

МАША. Что, усыновят? Удочерят?

ДАША. Ну... укуклят...

УЧЁНЫЙ. Зина права. Если ты кому-то стал не нужен, надо искать того, кому ты будешь нужен. Слушай, Мишка, ты больше ничего нашего в контейнере не находил?

МИШКА. Я и тарелки-то кусочек нашёл случайно. Только заглянул в мешок...

(МИШКА и УЧЁНЫЙ лезут в контейнер.)

РОБОТ. Вдруг вам новая батарейка попадётся?

Эпизод 7

РОБОТ. Поменять бы хотя бы одну – но поскорее... Час-то я ещё посижу – а дальше?

(Куклы секретничают под покрывалом).

ЗИНА. Так у тебя в сумочке ещё и юбочка была?

МАША. Это для прогулок.

ЗИНА. Зеркальце-то дай подержать.

МАША. Эх, люблю быть самой-самой!

ДАША (тихо). А я люблю Мишу.

МАША. Да зачем тебе медведь нужен, он всю зиму лапу сосёт!

ДАША. Да я не про мишку нашего, а про его Мишу.

МАША. Да ну – он же старый!

ЗИНА. В мальчика втюрилась? Ну, тихоня! А из игрушек тебе что, никто не нравится?

ДАША. Куклы это вам не игрушки!

(Появляется КОТ).

КОТ (*торопливо*). Всё готово, всё готово... А теперь, значит, куклы на капот не хватает... (*останавливается*). Ну и куда девались наши лапочки?

ЗИНА. Что сказал? Громче говори.

КОТ. Лапки разогреваю. Красоту встречают аплодисментами.

ЗИНА. Что-то ты об этом не сразу вспомнил.

МАША (*выходит*). Ну, как вам юбочка-тюльпан? С бисером!

РОБОТ. С каждым часом ты все краше, радость наша, кукла Маша.

КОТ (*аплодирует Маше*). Хочешь на машине покататься? Чёрный «Мерседес»!

МАША. Зачем мне «Мерседес», если я на нём до Америки не доеду?

ЗИНА. А я бы прокатилась... (*напевает*). «Я буду долго гнать велосипед...»

Да, это вам не на трёхколёсном. Ну, что – бери меня, не пожалеешь.

ДАША. Мы же решили быть всюду только всем вместе.

ЗИНА. Эй, усатый, для трёх кукол место-то в твоём «Мерседесе» найдётся?

МАША. Ну, не финты себе! Стоп! Меня первой про машину спрашивали. Так или нет?

КОТ. Так точно.

ЗИНА. Да она близорукая!

КОТ. Близорукие очки носят. А я что-то не слышал, чтобы куклы в очках щеголяли. И не видел.

ЗИНА. Может, ты сам близорукий?

КОТ. Послушайте...

ЗИНА. Что? Громче говори. Так ты – близорукий?

ДАША. Это не бросается в глаза.

КОТ. Хорошо, давайте устроим мини-конкурс красоты. Будете соревноваться втроём. Но учтите, свободное место – только одно.

РОБОТ. Я тоже хочу на конкурс.

КОТ. И судья у нас будет один. Я.

РОБОТ. Нет-нет, я хочу принять участие в конкурсе.

КОТ. А на каком основании? Конкурсы красоты – не для... Ну, они для...

РОБОТ. Я – женского пола.

ЗИНА. То есть?

МАША. Как это?

РОБОТ. Очень просто. Я – ЭВМ, электронная вычислительная – машина. У меня внутри – материнская плата.

ЗИНА. Вот это да!

МАША. Вот это да!

ДАША. Вот это да!

КОТ. Я сразу понял – что-то не то, когда ты ещё стихами говорить стал! То есть – стала...

КУКЛЫ наряжают РОБОТА в юбочку, косынку – оторванные части покрывала.

ЗИНА (*КОТУ*). Слушай, а мы тебя не зря встретили!

КОТ. Когда с кем-нибудь разговариваешь, больше узнаёшь друг о друге, о себе, о мире. А иначе – зачем общаться?

КОСПРОМА

ДАША. Жалко, ты с нами в садик не ходишь. Там такой живой уголок – хомячки, рыбки в аквариуме...

КОТ. Рыбки – это хорошо.

МАША. Точнее, одна рыбка – зато она золотая.

ДАША. Мишке очень нравится.

ЗИНА. Кот Учёный говорит, что она может желания исполнять. Только вот никто в садике её ни о чем не просил.

ДАША. Как ты думаешь, почему?

КОТ. Ну, не знаю. Я никогда рыбок в аквариуме не видел. Я же не домашний кот.

ЗИНА (РОБОТУ). А вот увидят тебя Кот учёный с мишкой – как удивятся!

КОТ. Что-то я думал, в садике больше игрушек. Детям не скучно было?

ДАША. Так ведь там ещё пластилин есть, конструктор, мозаика, карандаши... Солдатики ещё. Но их сейчас нет с нами.

КОТ. Ну, солдатики постоянно погибают. То есть...

РОБОТ. Ну, что, начнём конкурс?

КОТ. Слушай, робот... ну, или как тебя теперь – в общем, тебе зелёное – идёт!

РОБОТ. Что, как Чебурашке – смокинг?

ЗИНА (напевает). «В траве сидел кузнечик – совсем, как огуречик!»

ДАША. Кузнечики зелёные – потому что траву зелёную едят.

КОТ. Хм, пожалуй... А тогда коровы почему – коричневого цвета?

МАША. Я не знаю, как коровы – а мы готовы.

ДАША. А что надо делать?

КОТ. Пусть в своих номерах каждая из вас попробует выразить себя. Мини-концерт. Номера показываются по очереди – под известные песни.

МАША – «Часики».

ЗИНА – «Необыкновенная».

ДАША – «Если в сердце живёт любовь».

РОБОТ – «Так устроен этот мир».

КОТ. Замяу-мяучательно! Ну, а победила в конкурсе кукла Маша.

ЗИНА. Я так и знала.

ДАША. Поздравляю. Поздравляю.

КОТ. Чёрный «Мерседес» – к вашим услугам. «Эй, где твоя крутая тачка, чувак?»

РОБОТ. А что, звучит: Маша – на машине.

МАША. Ой, а сумочка?

КОТ и МАША спешат за ней под покрывало. Из контейнера появляются КОТ УЧЁНЫЙ и МИШКА. КОТ УЧЁНЫЙ что-то прячет за спиной.

МИШКА. Эй, мяуграмотный, мы тебе бумагу нашли! На ней с одной стороны буквы уже есть – по ним можно учиться читать. А вот другая сторона – чистая!

ЗИНА. Вы пропустили много интересного.

УЧЁНЫЙ. Ну, пока все листки в пачку собирали, пока ленточкой перевязывали.

МИШКА. А вот батареек никаких. Мы весь контейнер перерыли.

РОБОТ. Всё равно спасибо.

УЧЁНЫЙ (*оглядывая РОБОТА в юбке*). Ай да робот, ай да Робин – всех нас удивить способен.

РОБОТ. Способна.

ДАША. Когда мы разговариваем, то больше узнаём друг о друге, о себе, о мире. А иначе – зачем общаться?

УЧЁНЫЙ. Знание – сила. Ну, а я просто должен всё знать – я же Кот учёный.

ЗИНА (*посмотрев ещё раз на РОБОТА*). Мишка, ну-ка скажи: а ты – мальчик? МИШКА. В смысле?

УЧЁНЫЙ. Не смущай мишутку – мишка, это шутка.

ЗИНА (*забирая у МИШКИ пачку*) – Ну, вот теперь будет полный комплект – Ксерокс с бумагой.

ДАША. А копировать всё равно у Кота учёного – лучше получается.

УЧЁНЫЙ. Информация к размышлению. Между прочим, Ксерокс – ещё не самое редкое имя. (*достает одну руку из-за спины*). Смотрите, что у меня есть – справка из магазина. Документ! Как забавно в нём звучат официальные названия игрушек, так сказать, их полные имена. Вот послушайте. Это, видимо, последняя страница. (*читает*). Лев трикотажный с гривой. Заяц красный с зелёным сердцем. Крыса-балерина. Кобра весёлая. Мышонок-живчик. Собачка с ножками. Пингвин Пал Палыч. Уточка № 33.

ДАША. Ой, ещё!

ЗИНА. Дальше читай.

УЧЁНЫЙ. Всё. Тут только внизу написано: цель приобретения – игрушки для группы номер шесть. То есть – для нашей. А почему – сегодняшнее число?

Эпизод 8

Появляются две НЯНЕЧКИ с большими чёрными мешками.

ТОМА. Ну, вот и всё.

ТОНЯ. Ф-фу... Надо передохнуть.

ТОМА. Думала, не успеем. Столько перетаскать.

ТОНЯ. А помнишь, Миша, когда в садик пришёл, подходил в группе ко всем девочкам знакомиться и говорил: «Михаил. Три года. Не женат»?

ТОМА (*выбрасывает мешок*). Ну, ты чего, прямо как маленькая...

ТОНЯ. А помнишь, Даша просила маму взять её в театр на «Три поросёнка»? Та ей отвечает: «Не пойдём, у нас денег мало!» А Даша так жалобно смотрит и говорит: «Ну, может, тогда хоть на одного поросёнка!»

ТОМА. Это ж сегодня – в нашей группе выпускной. (*вздыхает*). Ребятишечки...

ТОНЯ. Они ещё вчера нарядными пришли. Попрощаться с садиком. Я не могу на это смотреть. (*Срывает оформление помойки*).

ТОМА (*выбрасывает мешок*). Вроде уже игрушки новые купили.

ТОНЯ (*глядя на контейнеры*). Уже и во второй не всё помещается.

ТОМА. Давай быстрее. Скоро начало.

ТОНЯ. А что, оркестр, поди, уже подъехал?

НЯНЕЧКИ уходят.

Эпизод 9

ЗИНА. Взрослые не могут, чтобы что-нибудь не сломать.

ДАША. А помнишь, нянечка сказала, что у неё в душе что-то сломалось?

РОБОТ. Одно действие вызывает другое. Цепная реакция.

УЧЁНЫЙ *(разводит руками)*. Так устроен этот мир.

ЗИНА *(подхватывает песню)*. Что имеем, не храним. Правда одна: нет – или да...
(Все замечают у УЧЁНОГО КОТА в одной руке мёртвую золотую рыбку).

ДАША. Что это?

МИШКА. Ты нашел её в контейнере?

УЧЁНЫЙ. Я не хотел, чтобы ты её там увидел.

ДАША. Уснула. Не успел Миша желание загадать.

ЗИНА. Слушай, Мишутка – а что тебе сейчас расскажет наша Дашутка!
(Все с интересом смотрят на ДАШУ).

ДАША. А что же можно купить вместо робота? Игрушечный ноутбук?

УЧЁНЫЙ относит рыбку обратно в контейнер.

РОБОТ. Это что же получается? Значит, сегодня наши ребята прощаются с садиком?

МИШКА. Значит, у нас тоже выпускной?

ЗИНА. Скорее – выбросной.

РОБОТ. Какая разница – давайте праздновать!

ЗИНА. Ну, что ж – устами младенца глаголет истина.

МИШКА. А разве наш Робин – совсем кроха?

ДАША. Минут десять от роду.

МИШКА. Ну, поздравляю! Сейчас мы это дело отметим.

УЧЁНЫЙ. Подождите, я, кажется, понял! Дети уезжают в Москву становятся звёздами телевидения! И их провожают.

МИШКА. Тогда идём скорее, а то не успеем.

РОБОТ. Хм...Слышен решительный кукольный топот. Шагает беззвучно – только робот!

ДАША. Стойте! У нас Машу украли. *(пауза)*

РОБОТ. Вот те раз...

УЧЁНЫЙ. Радость и беда – вместе навсегда.

МИШКА. Это кот. Больше некому. Ну, мяуграмотный...

ЗИНА. Ему, наверное, Машино платье приглянулось. Если бы знала, я бы ему своё отдала. Оно хоть и без стразиков, но тоже классное.

МИШКА. Взять бы этого Ксерокса за хвост – да об асфальт как следует шмякнуть! Чтобы на нём ещё один Ксерокс отпечатался.

РОБОТ. Вот те два...

ДАША. Маша на машине кататься поехала.

УЧЁНЫЙ. Да? Ф-фу...Ну, это ненадолго. Подождём её здесь.

МИШКА. А вы куда смотрели? Мы же договаривались держаться вместе!

УЧЁНЫЙ. Давайте впредь будем внимательны и осторожны. Это крайне важно. Договорились?

ДАША. Ма-ма.

РОБОТ. Ты абсолютно прав, вот только...

ЗИНА. А вот вчера в садик все ребята пришли, а Хасан не пришёл. Это он – из осторожности?

РОБОТ. Наверное, простудился. *(кашляет, чихает и заходит за контейнер)*.

МИШКА. Как это, летом? Непонятно.

ДАША. Что же тут непонятного? Тудился, тудился – и простудился!

ЗИНА. А вдруг Маше голову просквозит, и что тогда – всё? Где мы её искать будем?

УЧЁНЫЙ. Друзья мои, Маша обязательно вернётся! В целости и сохранности. Её привезут прямо сюда.

МИШКА. А почему ты так уверен?

УЧЁНЫЙ. Есть такая традиция. На свадьбе жених с невестой катаются на машине. А на капоте – кукла. А после поездки она никому не нужна.

ЗИНА. Как это никому. А нам?

УЧЁНЫЙ. Поэтому подождать надо совсем чуть-чуть. Обычно куклу выбрасывают после загса. Ну, а если свадьба отменяется – тогда выбросят ещё быстрее.

ДАША. А разве свадьбу могут отменить? Почему?

ЗИНА. Много причин. Вот у Кристины мама Лена рассказывала...

МИША. Как мама Лена? А у Миши папа Коля и мама Вася.

УЧЁНЫЙ. Видишь ли, мишка...

ДАША. А где робот?

ЗИНА *(бежит за контейнер)*. Ну, не финты себе! Тут никого нету...

УЧЁНЫЙ. Никому ни с места.

ЗИНА. Только записка какая-то. *(приносит сорванный нянечкой плакат)*

УЧЁНЫЙ *(читает)*. «Я ищу Машу».

Эпизод 10

Появляется КОТ с большим чёрным мешком. Все в оцепенении. Внезапно КОТ УЧЁНЫЙ из-за плаката громко лает. КОТ пугается и прячется за мешком

УЧЁНЫЙ. Ну, что скажешь? Мы тебя внимательно слушаем.

КОТ *(протягивая мешок)*. Это вам.

ЗИНА. Это кто там у тебя? Маша??

ДАША. Ма-ма.

КОТ. Здесь-то? Ни за что не угадаете – кот в мешке.

УЧЁНЫЙ. Шутки в сторону. Где Маша?

КОТ. Не бойтесь, ничего с ней не случится.

МИШКА. Маша славная и добрая. Ты воспользовался тем, что она не может постоять за себя!

КОТ. Добро должно быть с кулаками! А большое добро – с большими кулаками.

МИШКА *(угрожающе)*. Тогда самый добрый – Николай Валуев.

КОТ. Говорю вам, скоро вернётся. Только на машине прокатится. Хорошее дело.

КОСПРОМА

МИШКА. Даже так?

КОТ. Конечно. Что за свадьба – без куклы?

ДАША. Ты нам ничего не сказал.

ЗИНА. Просто похитил Машу – втихую.

УЧЁНЫЙ. Знаешь, как это называется?

КОТ. Мур...мур...мурзапакость. Простите меня.

УЧЁНЫЙ. Зачем ты это сделал?

КОТ. Я хотел, чтобы тётя Света меня к себе жить взяла. Кот – домашнее животное.

МИШКА. Люди твои проделки долго терпеть не будут – вмиг на своём чердаке окажешься.

КОТ. Я и пользу могу приносить. Уже принёс. С вашей помощью. Спасибо вам огромное.

УЧЁНЫЙ. Спасибо Маше скажешь. Вот дождёмся её только.

ЗИНА. И работа.

КОТ. А это – телефоны. Сотовые.

УЧЁНЫЙ. Где ты их взял?

КОТ (*раздаёт*). В подвале. Там ещё пистолетов много было.

ЗИНА. А что ж ты их-то себе не взял?

КОТ. Да мне ни к чему. Я же обращаться с оружием не умею! (*подходит к Даше*)

ДАША. Спасибо.

КОТ. Бери ещё. Вас ведь шестеро. Да бери, бери – тут каждому штук по 10 трубок достанется.

ДАША. Нам столько не надо.

КОТ. Значит, остальные – на помойку! Всё равно по ним нельзя звонить. Они без сим-карт. (*выбрасывает в контейнер*)

МИШКА. Не понял. Ну и что нам с ними делать?

КОТ. Ну...Зато можно музон слушать.

ЗИНА. Ого, сколько в них музыки закачано! Класс!

МИШКА. Наушники какие удобные.

ДАША. А для чего нужны телефоны?

КОТ. Чтобы в любой момент вы с тем же мишкой поговорить могли. Вроде как между вами ниточка невидимая.

МИШКА. А что, без телефона между нами нет этой ниточки?

КОТ. Ну...А если с тобой нужно будет срочно связаться?

УЧЁНЫЙ. Я же не пожарный. Связь между людьми нужна не для срочности.

КОТ. Но ведь, согласись, телефон – это удобно!

ЗИНА. Ну да, удобно – управлять. Вася, купи хлеба, Коля, быстро домой!

ДАША. Значит, телефон делает людей не свободными?

КОТ. Слушайте, если бы я не знал, откуда вы, я бы подумал, что вы с луны свалились. Про таких еще говорят – не все дома...(*смуцено замолкает*) А мне тётя Света новое имя дала. Дли-инное – Мур-зил-ка. Ну, а для друзей я – Мурзик.

ДАША. Поздравляю, Мурзик.

УЧЁНЫЙ. Значит, решил стать домашним?

КОТ. Человек – царь природы.

ЗИНА. Это ещё вопрос, кто главнее – люди или куклы?

КОТ. Люди для чего? Чтобы жить.

УЧЁНЫЙ. А куклы для чего? Чтобы быть.

КОТ. Не понял.

УЧЁНЫЙ. Быть – в радость. Всем.

МИШКА. А люди, что, не могут быть в радость всем?

КОТ. Всем – не могут. Человек человеку – ступенька. Каждый хочет быть повыше.

УЧЁНЫЙ. Так по этим ступенькам можно далеко зайти...

КОТ. Точнее – высоко подняться!

ДАША. Подняться? А зачем?

КОТ. Сверху удобнее – вниз плевать!

МИШКА. А зачем плевать?

КОТ. А вот все, кто оказываются наверху, почему-то начинают плевать на тех, кто внизу. Все, исключений не бывает.

МИШКА. Значит, и Миша, когда вырастет, тоже будет плевать на всех? Нет, не верю – Миша не верблюд!

ДАША. У нас в садике что такое хорошо и что такое плохо все хорошо запомнили!

КОТ (глядя на контейнеры) – Ну-ну.

УЧЁНЫЙ. Дети быстро растут – и ещё быстрее забывают.

КОТ. А вот котам помогает выжить – память. Э-э... (*запевает «Мемори» из мюзикла «Кошки»*) – Память, ты меня не подводишь, ты меня выручаешь, без тебя – не прожить...

ДАША. Самая крепкая память – у робота.

УЧЁНЫЙ. Совсем о Робине забыли! Два Кота идут на поиски. А вы – никуда не уходите. Мы скоро.

МИШКА. Ну, Робин – а ещё интеллектual! Холодный разум, трезвый расчёт... Ну, куда он пошёл – с севшими батарейками?

ДАШКА. Он поступил по зову сердца.

КОТ. Вот он, нашёлся! В двух шагах отсюда лежал. (*Вместе с КОТОМ УЧЁНЫМ выносят обездвиженного РОБОТА, которого все обступают.*)

ЗИНА. Ему же надо искусственное дыхание сделать!

УЧЁНЫЙ. Подожди. (*несколько раз переключает туда-сюда рычажок*)

РОБОТ. Спасибо, друзья. Ещё на полчаса хватит. А потом – розетка нужна.

УЧЁНЫЙ (*насмешливо*) – «Если я не дойду, если в пути пропаду?» А?

МИШКА. Побежал, куда глаза глядят – а сейчас Маша придет.

КОТ. Мне домой пора. Кот – домашнее животное. (*убегает*)

Эпизод 11

Звучит «Болезнь куклы» из «Детского альбома» Чайковского

ЗИНА. Получается, не мы Кота – а он нас встретил не зря?

МИШКА. Даже у кота дом есть. А у нас?

КОСПРОМА

Слышится скрип тормозов. На сцену вылетает букет цветов и КУКЛА МАША. Букет ловит РОБОТ.

ЗИНА (после паузы). О, ты в следующем году замуж выйдешь!

МАША. И снова здравствуйте!

ДАША. Маша, ну, скорей рассказывай, как всё прошло?

МАША. А ничего не было! Свадьба не состоялась. (музыка обрывается)

МИШКА. Как?

МАША. А, жених задержался в сауне. Слушайте, какой купили торт – огромный! С ванильным мороженым.

ДАША. Мне кажется или нет? Сладким пахнет.

ЗИНА. Ой, я что-то проголодалась. Кишка кишке дает по башке.

МАША. Слушайте, вроде на улице прохладней стало. Ну, конечно, балетка-то – без рукавов!

МИШКА. Ну-ка, ну-ка... Так это Маша так вкусно пахнет?

РОБОТ. А ведь точно! (Все обнюхивают КУКЛУ МАШУ).

МАША. Ну, что – кто из вас самый голодный?

УЧЁНЫЙ, видя замешательство остальных, шутливо поднимает руку.

МАША (достаёт из сумочки коробочку). Угощайся творожком. А ну, скажи всем, что у тебя есть?

УЧЁНЫЙ (читает). «Домик в деревне».

МАША. Кот – домашнее животное. Люди так говорят.

УЧЁНЫЙ. Благодарю от всей души.

ЗИНА. А ты узнала, где люди – знакомятся? (Маша шепчет ей на ухо) – Серьёзно? Да ты громче говори, пусть и Даша послушает.

МАША. Во всяком случае, тётя Света – обожает ходить на дискотеки. Но вот взять меня с собой отказалась категорически!

ДАША. Эти взрослые думают только о себе!

УЧЁНЫЙ (тихо) – Ну так что же мы имеем в итоге? Что-то никак у нас не вытанцовывается. Думай, котик, ты же взрослый... (отходит к контейнеру)

МАША. Зина, я знаю, эта вещь тебе очень нужна. (достаёт расчёску)

ЗИНА. Спасибо тебе огромное – прямо за душу берёт.

МАША. Только ты мне будешь её давать, когда я попрошу, ладно?

ДАША. Ну, мне и расчёска не поможет.

МАША. Даша, я тебя насквозь вижу! Я хочу подарить тебе это зеркальце.

ЗИНА. А сам шах – без гроша, добрая душа!

МАША. Оно волшебное. Оно каждый день будет говорить тебе, что ты – самая красивая.

ДАША. Маша, я в тебе души не чаю.

МАША. Робин, что такое движение?

РОБОТ. Движение – это жизнь.

МАША. Это правильный ответ. Держи. (достаёт из сумочки батарейки)

РОБОТ. Спасибо тебе, душа моя!

МАША. Картина Репина – «Машенька и медведь». Как твоё пятно? Не отгёр ещё? Тогда держи. (достаёт из сумочки «Ваниш»)

МИШКА. Конечно, Маша, мне твой подарок по душе. Только я знаешь, что подумал? Белых медведей много. А с красным пятном – один.

МАША. Мне так приятно снова вас видеть! Просто душа радуется! *(осыпает всех лепестками роз, черная их пригоршнями из сумочки).*

МИШКА. Маша! А мы сейчас идём прощаться с ребятами. Они в Москву уезжают.

МАША. Хорошо, что мы сейчас уйдём отсюда. Где помойка – там крысы, вороны, бродяги...

РОБОТ. Нет, они все – только на свалке живут!

ЗИНА. Так нас отсюда что, прямо на свалку могли увезти?

МАША. Нет, в модельное агентство!

ДАША. А зачем людям свалки?

МИШКА. А вот мы сейчас придём в детский сад и спросим.

РОБОТ. А вот и не пойдём. Немного обождём. Учёного нет!

ЗИНА. Да что это такое – одного под лавку, другой на травку!

МИШКА. Главное, сам же просил не разбежаться!

ДАША. Да не волнуйтесь вы так, дайте Учёному собраться с мыслями.

Все достают телефоны и включают музыкальные заставки – «Где же ты где, солнышко ясное?», «Куда, куда, куда вы удалились?», «Когда меня ты позовёшь, боюсь, тебя я не услышу!» «Странник мой, дорогой, где же ты, что с тобой, ты в какой неведомой стране?»

«Поверь, мне тоже очень жаль, что всё закончилось так скоро!», «Если хочешь остаться – останься просто так, пусть тебе приснятся сны о разных городах», «Позови меня с собой – я приду сквозь дни и ночи! Я отправлюсь за тобой, что бы путь мне ни пророчил!».

УЧЁНЫЙ *(появляясь из-за контейнера)*. «Кажется, дождь собирается! Кажется, дождь собирается!»

МИШКА. Ура, наконец-то все в сборе! *(Звучит песня «Всё, что меня касается»)*.

ЗИНА. Ну, идём же в садик!

МАША. Включаем зажигание, выжимаем сцепление...

ДАША. И с ветерком!

УЧЁНЫЙ. Стойте! Да подождите вы! Я должен сказать вам очень важную вещь. *(Микропауза. Песня обрывается)*.

ВСЕ. В садик, в садик!

Слышно, как кто-то говорит в микрофон: «Раз, раз... Работает микрофон? Раз, раз...»

ВСЕ, кроме РОБОТА – В садик, в садик!

УЧЁНЫЙ. Внимание! Про нас говорят, куклы ничего не видят, не слышат и очень плохо двигаются. Вы меня видите? Значит – и слышите! Нам осталось главное – научиться танцевать. По моей команде все надеваем наушники и двигаемся вперёд – под музыку. Докажем всем, что куклы – совсем другие! Что мы – живые! Мы на помойке – но мы не мусор. Мы будем искать другую жизнь, лучшую. И мы найдём ее. Для этого всё у нас есть – руки, ноги, голова. Мы найдём тех, кому мы будем нужны.

КОСПРОМА

РОБОТ. Здорово! А по пути будем сражаться с драконами!

МАША. Здесь настоящие драконы не водятся, они только в Америке.

РОБОТ. Но мы можем встретить игрушечного!

МИШКА. А ты уверен, что игрушечный дракон такой же опасный, как настоящие?

РОБОТ. Главное – дерзать, и пусть сбудутся наши мечты!

ДАША. Кот учёный, ты научишь нас читать?

МАША. А я очень хочу научиться шить.

ЗИНА. А я поеду на кукольное Евровидение и займу там первое место!

УЧЁНЫЙ. Вперёд!

Под песню группы «Иванушки» «Тучи» куклы не замечают, что идут в обратную сторону от детсада. Счастливые, они уходят вдаль, не слыша, как начинается траурный митинг.

IV. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

СВЕТЛАНА ВОЛОШИНА-АНДРИЙЧУК. Член МГО СП России. Член Союза театральных деятелей России. Профессор, действительный член Петровской академии наук и искусств (ПАНИ). Почётный член Международной академии современного искусства (МАСИ). Режиссёр, актриса, публицист. Родилась в Москве в 1971 году. В 1996 году окончила Московский государственный университет культуры по специальности «Режиссура». В 2003 г. – «Высшее театральное училище им. Б.В.Щукина при Государственном академическом театре им. Е. Вахтангова». Специальность «Режиссура драмы». В 2012-2020 гг. редактор альманаха «Москва Поэтическая». В 2014 – 2019 гг. – внештатный корреспондент «Общеписательской литературной газеты» Московского сообщества писательских союзов. С 2018 г. – в составе авторов литературно-публицистического журнала «Клаузура», с 2020 г. – электронного журнала «Литтега». В 2018 г. вышла аудиокнига – музыкальный радиоспектакль «Стань моим эхом». Победитель Международного литературного конкурса имени А.Н. Плещеева в номинации «Литературная критика» (2022 г.).

ДЖУ и РОМЕО

(о пьесе Юрия Богданова «Джюльетта»)

Литература и театр ещё до недавнего времени были у нас мощными средствами воспитания и образования, особенно молодёжи, формировали общественное сознание и общественный вкус. Ныне, в большинстве своём, перестав удовлетворять высокому назначению, литература и театр разрушают сознание человека, ставя под удар прежде всего подрастающее поколение. Пьеса Ю.Н. Богданова – положительный пример современного искусства, правдиво вскрывающий проблемы общества и молодёжи.

Обращение авторской мысли к образцам античности, классики в мире искусства не новость. Живопись, скульптура, литература, театр и т.д. изобилуют подобными примерами. Происходило и происходит это по разным причинам: кризис художественных форм, поиск неизбитых сюжетов или, наоборот, исследование одной из вечных тем, стремление к высоким человеческим идеалам, гармонии, красоте как реакция на тупик в социально-общественном развитии общества. Культурное наследие велико и может служить щедрым источником вдохновения для творчества.

Что ж, тем отвратительнее выглядят примеры современных новоделов-мастеров, как осквернить и извратить искусство, в котором люди на протяжении веков искали божественный смысл. Мотивы таких дельцов от

КОСПРОМА

искусства грязны и антигуманны и направлены на уничтожение всего лучшего, что есть в человеке.

Как острое раскалённое, смертельно ранящее железо, впиалась в тело общества проблема ответственности художника за то, что он содеял. Отравил он чей-то ум или посеял семя добра. Как никогда актуальна сейчас идея нравственности, к которой призывали все великие гуманисты прошлого, и неотступно требует своего разрешения. Укором служат мировые шедевры тому дешёвому буржуазному искусству, которое лезет на нас изо всех щелей, как расплодившаяся колония паразитов, и прививает буржуазное мышление, буржуазное мировоззрение, буржуазные ценности, буржуазную мораль.

Что стало главной темой и целью, навязываемой широким массам ширпотребного искусства? – Деньги любой ценой. О чём бы ни шла речь, деньги выходят на первый план. Их неизменно сопровождают сцены секса и насилия. Этот победоносный триумvirат каждый день вторгается в нашу жизнь с телевизионных экранов. Убого! Нищенство духа пришло на смену философскому поиску истины, благородной любви, самопожертвованию во имя счастья человечества. О светлом будущем без денег стыдятся говорить, в него никто не верит. Так чем же жить человеку? Какие идеи вынашивать в себе?

В театре бывает ещё хлеще. Достаточно проанализировать репертуар некоторых столичных «храмов искусств». Но не каждый личностный взгляд драматурга или режиссёра имеет право на художественное воплощение. Искусство – не свалка, а наука делать человека лучше, совершенствовать. И не стоит втаптывать в грязь нравственный эталон тысячелетий.

Но, увы, театр преобразается, и не в лучшую сторону. Современные технологии изгнали живую душу театра, заключающуюся в тончайших нюансах актёрской игры, в природе актёрских переживаний и человеческих сопереживаний. Но это полбеда. Гораздо опаснее для театра – получить новое определение и формат. Неустанно куётся его новое лицо – театральная маска и театральная перспектива.

Например, превратить театр в перформанс. Множество мнений существует в защиту такого уподобления и складываются в досконально обставленную позицию.

Столько умных слов звучит, но никто не вспоминает главного, ключевого момента, в котором содержится смысл театра. Наверное, потому что сейчас это неудобное воспоминание, которое обесмысливает многое из современного театрального течения.

Никто не обращается к истокам, никто не вспоминает о "Поэтике" Аристотеля, в которой обосновано театральное искусство.

В театре главное – нравственная идея, которую должен усвоить зритель. Катарсис, очищение души, совершенствование личности, человека. Всё остальное считалось низким и недостойным, даже комедия была презренной. Это уж Мольер своим искусством, создав высокую комедию, вознёс этот жанр и уравнивал комедию с трагедией.

Но высокое нравственное назначение театра всегда было его сутью. Допустим, Гоголь называл это кафедрой для добра; Шиллер – свершением правосудия и т.д.

«Развлекалово» не связывалось с серьёзным театром. Это входило в категорию театральных зрелищ, театрализованных представлений.

Наличие обязательной нравственной идеи абсолютно противопоставляет театр перформансу.

Это сейчас, когда понятие театра извратили и изуродовали, когда ему отказано в изначальном высоком предназначении, его можно сравнивать с чем угодно.

Можно сколь угодно долго рассуждать о действе, творческом акте, художественном образе, исследовании человеческих отношений, – всё это составляющие театра, можно цитировать театральных классиков, но если из театра изъята высокая нравственная идея, – идея театра кончилась.

Провокационность перформанса, которую проецируют на театр, в сценическом искусстве обычно должна сводиться к эмоциональному воздействию, направленному на формирование общественного мнения, исполненного разумного, доброго созидającego начала.

Сегодняшние дискуссии о театре часто направлены на то, чтобы окончательно освободить театр от нравственных обязательств, обесценить его и лишить его воспитательной функции. Впрочем! У нас уже и школы лишены воспитательной функции, а всего лишь оказывают образовательные услуги.

Какой уж тут театр?!

Какое уж тут: «Любите искусство в себе, а не себя в искусстве».

Кстати, ещё одно радикальное отличие театра от перформанса: театр не строится на субъективистском «Я есть». Театр строится на событиях, на объективном, что произошло (со-бытие множеств).

По мне, говорить о родстве театра и перформанса – это сильное преувеличение. Ведь перформанс – это акция и зрелище, поэтому правильнее искать его истоки и родство да хотя бы в европейских традициях карнавальной культуры, подробно описанной у М. Бахтина! И не переносить ложный образ театра на отечественную почву.

Но вернёмся к классическим образцам, с которых начали, и рассмотрим один из них в свете драматургии и театра. Это трагический сюжет, всем известная история любви Ромео и Джульетты. Сюжет известен с античных времён и находил много литературных разработок. Наивысшую степень совершенства сюжет обрёл у Шекспира. Драматургические и художественные достоинства его пьесы «Ромео и Джульетта» (1595 г.) бесспорны, это произведение стало мировым шедевром.

Классический сюжет также нашёл отражение в музыке, поэзии и других видах искусства. (Опера В. Беллини, балет С. Прокофьева).

Если говорить о постановках пьесы и её драматургических и режиссёрских адаптациях, то их великое множество: фильмы, спектакли, мюзиклы. Пожалуй, самые известные – это фильм Франко Дзеффирелли «Ромео и Джульетта», мюзикл «Вестсайдская история» (режиссёр и хореограф

КОСПРОМА

Джером Роббинс), спектакль «Ромео и Джульетта» Анатолия Эфроса. К сюжету обращались в прошлом, обращаются сейчас, и даже есть его обработка, где действие происходит в будущем. Такое пристальное внимание к этой истории любви обусловлено её острой проблематикой и конфликтом, существующим вне времени и вне эпохи. Гибель юных влюблённых, почти ещё детей, – всегда будет страшной, трагической темой, «печальнейшей на свете».

«Пред образом твоим я трепещу,
Ловлю неуловимые движенья,
Как облака неслышное скольжение,
И небом розовеющим дышу.

Я ощущаю запредельный свет
В твоих глазах, разбуженных зарёю...
Встаёт на горизонте не рассвет:
Твой светлый образ
Всходит надо мною...»

Юрий Богданов «Джульетта» (отрывок из пьесы)

По-своему интерпретировал этот сюжет и наш современник, поэт, критик, драматург Юрий Николаевич Богданов. Кажется, что он собрал воедино все пороки нынешнего общества, возведя до максимума концентрацию зла. В одной истории затронуты социальная сфера, семейные отношения, проблемы в среде подростков и молодёжи.

Этот «проблемный» список огромен: бандитизм, криминальные разборки, коррупция, предательства, убийства; развал семьи, браки по расчёту, измены, домашнее насилие; педофилия, растление юношества и молодёжи, уязвимость их воспитания, разрушение личности, суицид и т.д.

Проблемы, связанные с подрастающим поколением, основные в этом произведении. Каково влияние современного общества на юные души, какая судьба уготована всем Ромео и Джульеттам XXI века? Как сформировать здоровую личность, если при желании молодым людям могут быть доступны ночные клубы, наркотики, алкоголь, оружие?

Вершит список общественных пороков пагубная власть денег. Особо подчеркнул драматург безнравственную сторону суррогатного материнства – продажу своих собственных детей. И недаром, ведь в суррогатном материнстве утрачивается основной женский инстинкт, заложенный природой, – быть матерью, быть носителем духовной, жертвенной любви. В отречении от этого божественного акта попираются основы мироздания. Любовь к своему ребёнку побеждается, подавляется властью Золотого тельца. Непросто в одночасье постигнуть эту вывернутую женскую психологию, это неизбежное разрушение личности. В сознании раскаявшейся Варвары, матери Романа (Ромео) – это её нравственное падение, её грех 17-летней давности, который нельзя замолить. Бизнесмена Даниила (Дана), совратившего её на этот шаг, она клеймит «чёрным человеком», человеком роковым в её жизни.

Так в пьесе неожиданно возникает известный классической литературе образ чёрного человека, несущего смерть, символ мистического рока.

Схожего мнения о Дане и его собственной жене Элеонора (Эл). Современный бандит-бизнесмен, криминальный авторитет в её сознании абсолютный мерзавец, чёрный во всех смыслах, чёрный душой, «жестокий злой, за кошелёк готовый на убийство», человек-рок, губящий вокруг себя всё прекрасное, даже своих собственных детей.

17 лет назад в бандитской перестрелке погиб родной сын Дана. Но рок неумолим. Трагический конец, по её мнению, уготован всей семье, в том числе и двум его детям от суррогатной матери – Роману (Ромео) и Джульетте (Джу). По мысли драматурга Юрия Богданова, современный бизнес, зачастую криминальный, приравнивается к року, грозящему человечеству гибелью. Впрочем, по нравственному закону жизни в общественном сознании крупные деньги всегда носили роковой характер, а несправедливые деньги – особенно.

Показательна аннотация к этой небольшой одноактной пьесе-трагедии под названием «Джульетта», вышедшей в 2012 году: «Возрождение классического жанра в наше время оправдано той ситуацией, которая сложилась в нашей современной жизни, полной напряжения всех духовных и физических сил человека».

И действительно, окружающая реальность требует невероятных человеческих усилий, чтобы выжить.

В пьесе Юрия Богданова адаптировавшиеся к современности молодые люди, вполне освоились в грубой среде, ставшей для них естественной. У них нет особых запросов, кроме материального благополучия.

Роман

(с насмешкой)

<...>

Добуду сам и славу, и почёт,
А к ним бабло, естественно, прилипнет.
Законно, не законно – всё равно.
Таков уж мир, людьми извращённый.

Бездумные развлечения в ночных клубах стали обычным времяпровождением для Романа, прозванного друзьями Ромео, его близкого друга Николая (Ника) и их компании друзей. Они нормальные ребята и даже неплохо учатся, а Роман так лучше всех. Но алкоголь и другие вредные привычки водят ребят по краю пропасти. И одна из возможных опаснейших угроз – наркотическая зависимость, почти всегда влекущая за собой летальный исход. По мнению матери Романа, ночной клуб, который стал ему дорожке дома, – неподходящее место для молодых людей, а уж для девушек и подавно. Ведь это облюбованное злочное место – роковое, сборище пороков, где играют, курят, пьют и дань шерстяют с панели.

КОСПРОМА

Варвара

Ночных друзей твоих не признаю:
По шаткому мосточку вы идёте...
(задумчиво, про себя)
Быть может, в наркотический дурман?..
Как увести от страшного суда
Моё дитя по выжженной Земле,
Где пепел чувств и помыслов прекрасных.

И именно там произошло основное событие пьесы:

«И для знакомства Ромео и Джульетты
Их в клуб ночной привёл злосчастный рок!»

В интерпретации Юрия Богданова трагическая обречённость любви Ромео и Джульетты кроется не во вражде «кланов», а в их родстве. Ромео и Джульетта родные брат и сестра, рождённые суррогатной матерью для Даниила. Бизнесмен взял только одного ребёнка, девочку, оставив мальчика его матери Варваре. Разлучённые с младенчества, юноша и девушка понятия не имеют о том, что они кровные родственники, в отличие от взрослых, которые пытаются сохранить роковую тайну и всеми силами препятствуют их любовному союзу.

В этом конфликте заложены многие важные составляющие пьесы. Это и тема неотвязного карающего рока, преследующего за грехи и преступления, и тема современного порочного мироустройства, толкающего слабовольных на «смертоносный» путь, и тема трагических, гибельных страстей, и тема самого Шекспира.

Для прочтения и понимания пьесы тема Шекспира чрезвычайно важна. Она постоянно вскользь вплетается в повествование ненавязчивым лейтмотивом. Это и прямое упоминание имени великого английского драматурга, его героев (как, например, Дездемоны, Ромео, Джульетты). Это и полусовременные-полушекспировские имена персонажей, введённые Юрием Богдановым. И сами образы трагедии. Они нашли свои истоки у Шекспира, в XVI веке, но у Юрия Богданова получили своё развитие и адаптированы применительно к современным тенденциям века XXI.

Тема Шекспира в пьесе Ю. Богданова – это и аллюзии со многими шекспировскими произведениями. И даже в сюжете о разлучённых в детстве брате и сестре тоже читаются обстоятельства шекспировской пьесы – пьесы «Двенадцатая ночь».

Элеонора

Не страсть к Шекспиру двигала тобой,
А рок витал над гордой головою.
Надеялся на лучшее? Зачем
Девчонке дал ты траурное имя?
Трагедия бедняжку в жизни ждёт...

В некоторых строфах словно зашифрован прообраз шекспировских стихов. «Замерцаю в атмосфере... // Различишь меня среди звёзд?» – пишет «минорными стихами» Роман (Ромео) к своей возлюбленной Джу. И сразу вспоминаются слова шекспировской Джульетты, заклинающей ночь в ожидании свидания с Ромео:

«Когда же он умрёт,
Изрежь его на маленькие звёзды,
И все так влюбятся в ночную твердь,
Что бросят без вниманья день и солнце».
(Перевод Б. Пастернака)

Ещё пример.

Элеонора

(решительно)

«А то»?! Зачем ты нам грозишь?
Мы не боимся ни тебя, ни банды!
Не в силах ваших души погубить.
Они – как птицы в чистом поднебесье –
Подвластны Богу...

Эти строки наводят на мысль о пьесе «Король Лир». В сцене заключения под стражу Лир утешает свою дочь Корделию:

Нет, нет!
Пускай нас отведут скорей в темницу.
Там мы, как птицы в клетке будем петь.
<...>
Как будто мы поверенные божьи.
Мы в каменной тюрьме переживём
Все лжеученья, всех великих мира,
Все смены их, прилив их и отлив.
(Перевод Б. Пастернака)

В пьесе Юрия Богданова образ бизнесмена Даниила также полон шекспировского подтекста. Дан главный носитель порока и страстей, за которые полагается возмездие. Его талант употреблён во зло, а неуёмное тщеславие и гордыня требуют постоянного удовлетворения и жертв.

Автор в нескольких штрихах раскрывает «шекспировскую» подноготную Дана, словно ставшую залогом довлеющего над бандитом-бизнесменом и его домом рока. «Мою Джульетту мир ещё узнает!» – в запальчивости произносит Дан. А после продолжает:

«Любовь к Шекспиру ей передалась,
Как и талант бесспорный, по наследству.
Кто может усомниться, что она
Не дочь моя? Мои черты и гены...

КОСПРОМА

Возникает вопрос, какую же судьбу, какое великое будущее прочит он своей дочери, кроме выгодного брака по расчёту? Отвергая любовь, что предлагает взамен?

В противовес отцу, Джульетта не наделена талантом разрушения. Чистым, непорочным ангелом пришла она в этот мир, с другим талантом и просит у отца иного дара, не представляя, однако, до конца, каков её «папá» на самом деле:

Джульетта

(подходит к отцу, обнимает его)

Вот видишь, сам-то счастье ухватил...

И стал невыносимым эгоистом.

А для любви – есть времена любви:

Познал их тот, кто сам любил когда-то.

Папа-счастливец, мне бы дар любви

Ты передал... И большего наследства

Не надо в жизни!

Так же многозначен в плане «шекспировского подтекста» и образ Элеоноры, несчастной жены Дана. В пьесе постоянно говорится о её рассудке, расстроенном 17-летней тоской по погибшему сыну. Но её «помутившийся разум» сродни безумию Лира, у которого в сумасшествии открывается дар философа и горькая правда о мире.

Подобное прозрение приходит к Элеоноре в её снах, оно рождается в разговорах с умершим сыном. Эти сны становятся для Элеоноры более материальными, чем сама жизнь, заставляют быть смелой и прямолинейной в своих суждениях. Её правдивость, тоску и слёзы по сыну Дан и истолковывает как психическое расстройство.

Дан

(не слушая её)

Сварганим свадьбу... И – долой проблему!

Потом и внуки скрасят нашу старость...

Наследника, надеюсь, «принесёт» –

Тогда не будешь в мыслях падать в пропасть!

А Славу и молитвой не вернёшь.

Но ты всё плачешь...

Как возможная подпитка выводам Даниила в отношении своей жены, всплывают строчки:

«Поплакать в меру – знак большой любви,

А плач без меры – признак тупоумья».

Шекспир «Ромео и Джульетта». Перевод Б. Пастернака

Мотив помешательства неоднократно использовался Шекспиром в его произведениях. Вспоминается «Гамлет», где в забытии угасшего разума несчастная Офелия напевала песни. Временами любила напевать и Элеонора. В какой-то мере эта черта роднит её с Офелией. А тот нюанс, что её сын Слава

постоянно напоминает ей во снах о своей гибели, перекликается с образом-призраком отца Гамлета.

Обращение к этому шекспировскому образу позволяет автору акцентировать вопросы о мироустройстве, порядке и справедливости, позволяет почерпнуть атмосферу таинственности средневековья и Возрождения – жесткую, фатальную, потрясающую глубиной адовых ужасов, имеющую отношение к чему-то масштабному, на уровне космоса, бытия.

В трагедии Ю.Богданова «Джульетта» отголоски Шекспира всё время проникают в наш мир. Проанализировав речь героев пьесы, можно заметить, что они говорят то, как современные люди, то высоким слогом, как в шекспировской драматургии. Но эти два стиля не входят в противоречивый диссонанс, а органично дополняют друг друга, подчёркивая мысль, что у порока, злодеяния, преступления, страсти, любви, добродетели нет времени, нет эпохи.

Привнося элемент шекспировской лексики, автор делает речь персонажей возвышенной, пластичней, привлекательней, что немаловажно для эстетики текста. Он не теряет актуальности, но при этом воспринимается приятней, становясь художественно совершенней, объёмней. Это может быть важно и для артистов. Ведь тогда тексты их ролей звучат интересней, становится глубже, полноценнее, весомее.

Через действенные и напряжённые диалоги пьесы рисуются картины жизни персонажей, их планы, намерения, мысли, чувства, сложившиеся обстоятельства. Через восприятие персонажей возникает общая картина действительности, и окружающий мир предстаёт в своей неприглядности. Здесь нет как таковых сцен разгула зла или проявления насилия. Многое словно происходит за сценой, за кулисами, в тени, но ярко отражается на судьбе героев. За кулисами происходит встреча и знакомство Романа и Джу в ночном клубе. За кулисами происходит трагическая дуэль между Романом и его другом Николаем (Ником). За кулисами происходят перестрелки, нелецеприятные беседы и всё прочее грубое, жестокое.

Раскрывается жизнь также и через сны героев. Но сны всё тревожные, печальные, в них нет света и покоя, они наполнены тенями реального мира.

Элеонора

(Элеонора остаётся одна, отстранённо)

О, эти сны... Приходит мальчик мой
И разговоры снова затевает:
Что наша жизнь, как скоротечный бред,
У вечности насмешливой в плену,
Что мы больны во тьме сиюминутным...
Мрачнеет ликом, вспомнив об отце,
И слёзы жалости кровавые текут...

Джульетта

(скорбно, стонущим голосом)

<...>

КОСПРОМА

Все дни слепились в чёрный липкий ком –
Томящий душу, страшный и зловонный...
Во сне, как сумасшедшая, бегу
Я за Романом, но его не вижу:
Перед глазами серое пятно,
Как мяч тряпичный, скачет по ухабам...
Проснусь в ночи, но явь – страшнее сна...

На протяжении всей пьесы непосредственно перед нами жизнь героев протекает то в доме родителей Джу, то в доме матери Романа, где стены подобны заслону от воздействия внешнего мира, куда проникает только тень реальности. Именно в этих стенах произносятся самые искренние, пылкие и нежные слова любви Романа и Джу, звучат самые возвышенные стихи, посвящённые этому прекрасному чувству.

«Язык отнялся, дух перехватило.
Почудилось: я с нею полетел
К далёким звёздам, светом морозящим...»

На фоне грубого, жестокого мира в минуты наивысшего счастья из уст молодых людей вырываются на волю неземные строки поэзии... небытовые, несущие в себе задумку иных сфер. И эта любовная лирика как отголосок божественного подобия человека, сохраняющегося в самой глубине его естества.

Тема любви, глубокой, чистой, непорочной, звучит в молодых людях. Она прорывается в жизнь сквозь грязь, сквозь привычный ход повседневности.

Эти стихи идут контрапунктом, вплетаются в повествование красной нитью, раскрывая главную тему – божественного дара любви, и намеренно звучат вразрез с другими сценами пьесы, в которых отражена разговорная речь, языковые характеристики персонажей: просторечия, молодёжный сленг, лексикон дельца и т.д.

Надо отдать должное автору, в его текстах нет ни пошлого, ни вульгарного, а между тем при необходимости создаётся и подобная атмосфера, и ощущение низкого, хамского. Но это не приевшаяся чернуха, а умело выписанная в стихах заданная автором действительность. Пьесу «Джульетта» отличает индивидуальный стиль, высокий профессионализм и оригинальность драматургических приёмов.

Трагедия Юрия Богданова «Джульетта» о любви. Этому понятию в пьесе посвящено множество строф, образных характеристик, метафор и т.д. Тема любви исследована автором очень внимательно, с позиций разных персонажей. Но на первый план выходит любовь чистая, духовная. В поле зрения автора не только двое молодых людей Роман и Джу. В этой пьесе все персонажи имеют свою выписанную историю, иногда более подробную, иногда несколькими штрихами, и у каждого она доведена до логического

конца. Все действующие лица пьесы как индикатор любви, позволяющий проследить уровень и градус чувств, от самых низких до самых высоких.

Автор констатирует порочный адюльтер тщеславца и гордеца Дана, мнившего себя в своём мире царём и богом. Поправ былую любовь к жене Элеоноре, он увлёкся своей молодой секретаршей Маргаритой (Марго). Автор подчёркивает низменную страсть к молодым девушкам продажного и развратного Витька. Обрисовывает назойливые ухаживания алчного, корыстного Ника. (Как Марго, так и Ник ещё достаточно молоды, но уже хотят устроить свою жизнь по расчёту). На примере Элеоноры и Варвары автор исследует природу духовной любви, материнской. Святое неостывающее чувство к своим детям делает обеих женщин безутешными от невозвратности своих горестных утрат. Эл оплакивает убитого сына. Варвара жестоко тоскует и мучается от содеянного преступления – продажи собственного ребёнка по правилам суррогатного материнства. Даже имя Варвара будто намекает на её варварский поступок. Но смягчённая форма Варя будто говорит о раскаянии.

Варвара

Смертельный грех вовек не замолить...

Бог не простит такое преступленье:

Из выгоды святое продала

И на Его творенье покусилась...

Зачем ещё хожу я по Земле,

Когда пустует место в преисподней.

Семнадцать лет меня с терпением ждут,

Но я всё здесь топчусь в пыли со страхом.

Сильна любовь, связующая 17-летних Романа и Джульетту. За год знакомства любовное чувство выросло, окрепло, усилило их духовные узы, ослабило влияние привычного окружающего быта, изменило характер молодых людей, привнеся новые качества. Влюбленные готовы преодолеть любые препятствия на пути к своему счастью. Но счастье невозможно там, где над всеми персонажами довлечет неумолимый рок. Семнадцать лет назад цепью преступлений и безнравственных поступков был заложен фундамент трагических событий. Как и много веков назад в пьесе Шекспира, покончили с собой нынешние Ромео и Джульетта в пьесе Ю. Богданова. Печальная статистика наших дней свидетельствует о суициде среди подростков, потерявших жизненную опору, дезориентированных, надломленных реалиями окружающего мира.

В финале пьесы «Джульетта» погибли все, наравне с молодыми людьми и взрослые. Это не кажется абсурдным, в это верится. Человечество погрузилось в мир хаоса, вера в хорошее постепенно истончается, безверие крепнет. В такой ситуации превосходящая степень трагизма не кажется чем-то надуманным.

Когда-то в перестрелке с бандитами был предательски убит Слава, сын Дана и Элеоноры. Теперь так же погибли сам Дан и его любовница-

КОСПРОМА

секретарша Марго. Отравлены палёным спиртным компаньон Даниила Витёк и его приятель. Умер от передозировки тяжёлыми наркотиками бывший друг Романа Ник. Все эти смерти, кроме смерти Ника, происходят не на наших глазах, они происходят за стенами дома. Но чем ближе к финалу, тем активнее, сильнее и беспощаднее раскручивается колесо роковых событий. И вот уж мы становимся свидетелями гибели четырёх, пожалуй, самых важных для пьесы персонажей, выразителей духовной любви. Это Элеонора, Варвара, Роман и Джульетта.

В страхе потерять сына, и невозможности защитить от нависшей угрозы жестокого внешнего мира (обвинении в убийстве его друга Ника), Варвара умирает от инфаркта. Удалившись в окрестности святого монастыря, подальше от мест, напоминающих о роковых ошибках её молодости, она не находит ни спасения, ни мира ни покоя. «Бог не услышал её искренней молитвы» – дети расплачиваются за вину родителей. Рухнула надежда и жизненная опора. Рок, как смерч, настиг её в далёком от Москвы, тихом селе близ монастыря. Перед смертью она открывает Роману роковую семейную тайну кровного родства Романа и Джульетты – брата и сестры.

Потрясённый смертью матери и открывшейся правдой, крушением надежд и любви, мечты о физической близости со своей избранницей, Роман также теряет жизненную опору. Его поглощает абсолютное безверие и внутреннее опустошение, он остаётся один на один со злым роком, с враждебным миром. Не находя сил противостоять и не видя смысла в дальнейшем существовании, он кончает жизнь самоубийством, застрелившись над телом умершей матери. Его настигла судьба отца и брата – смерть от пули.

Роман

Любовь моя пройдёт сквозь бурю зла,
Осилит тьму и в небо устремится.
Уже ничто не сможет помешать
Душой и телом с ней соединиться.

Роман

(рыдает)

«Сестра?»...

(кричит с ужасом)

Сестра!!!

(пауза)

Всё в жизни потерял...

Нет счастья здесь... И там его не будет:

В геенну улетит моя душа:

С душой Джульетты не соединится!

Прости меня, любимая, прости!

Я ухожу, но счастья не желаю.

Оно навек... Навек ушло со мной...

Подобная трагедия разыгрывается и в доме Джульетты. Как и 17 лет назад, происходят бандитские разборки. Всё повторяется. Но на этот раз застрелены сам Даниил и его секретарша. Вторая потеря, теперь уже мужа, утверждает Элеонору в мысли о финальной роковой развязке. Рухнула последняя опора её жизни, гнившая 17 долгих лет, и она больше не знает, как ей существовать в её «безумном мире». Считая, что «настал коварный, жуткий час расплаты», она открывает Джульетте тайну её рождения и факт родства с Романом, её братом-близнецом. В этом кругу роковых событий их постигает известие о смерти Романа и его матери. И вновь утраты, и вновь психическое потрясение. В одно мгновение жизнь Джульетты разрушена до основания. Она потеряла семью: отца, мать, потеряла возлюбленного. Свет жизни для неё потух. Сумасшествие Элеоноры довершает страшную картину.

Истошение нервных и физических сил окончательно сводит Элеонору с ума. Она видит погибшего сына. Её желание исполнилось. Она бежит на балкон, чтобы лететь за его тенью. Её примеру следует Джульетта, которая в небесах слышит голос Ромео и устремляется на его зов. Ещё две трагические смерти, чтобы замкнуть роковой круговорот.

(Элеонора выходит на балкон, разводит руки и... исчезает. Джульетта выбегает на балкон, также, как и Элеонора, поднимает руки и исчезает на фоне звёздного неба).

Этой поэтической ремаркой автор уводит читателя от понимания материальной, физической смерти героев и выводит восприятие событий на духовный уровень, где властвуют иные законы существования.

Последняя – главная сцена пьесы – «сцена на балконе». Она, как антипод знаменитой шекспировской сцены, где «балкон» – начало начал, открывающий юным сердцам Ромео и Джульетты путь любви навстречу друг другу. Там звучат первые слова признания и первые клятвы верности. Там, под звёздами, зародилось чистое юношеское чувство неимоверной духовной силы. У Шекспира это самая нежная и красивая сцена любви почти в самом начале пьесы. Как зеркальное отражение, – сцена на балконе в финале пьесы Юрия Богданова, исполненная духовной любви и трагизма. Можно сказать, что в этой сцене главное действующее лицо сама любовь, приносящая спасение измученным любящим душам, соединяющая с близкими. На балконе открывается путь к звёздам и дорога к счастью... Впервые за 17 лет Элеонора, наконец, увидела сына наяву, а не во сне. К балкону пришла его тень и позвала за собой.

(И вновь возникает параллель – Гамлет, тень его отца, Шекспир...)

Крепка духовная связь Элеоноры с сыном, в этой долгожданной встрече видит она разрешение от своих земных бед, и, не раздумывая, выходит на балкон и следует за тенью, устремившейся к звёздам.

Элеонора

(подходит к балкону)

Смотри туда... К балкону тень пришла...

Да это Славик! Вижу по походке.

КОСПРОМА

Зовёт меня!
Я выйду на балкон.
Он говорит, что сердце замерзает,
А там под солнцем вечное тепло...
Зовёт с собой лететь к привольным звёздам...

Также сильна духовной любовью и Джульетты. В этой любви, в отличие от Романа, нашла она выход из земного тупика, в чистой, непорочной любви, где соединяются не тела, а любящие души. Слыша зов Ромео, в надежде устремляется она к счастью.

Джульетта

Ромео, нет мне счастья без тебя:
Пусть наши души там соединятся!
(останавливается, прислушивается)
Зовёшь меня... К себе, мой друг, зовёшь?
Лечу, лечу к тебе земною птицей.

В образе Джульетты, «похожей на ангела без крыльев – прозрачной, как чистый горный воздух...», – сконцентрирована наивысшая степень духовности и любви, в ней свет, возрождающий из самой глубокой тьмы. В сцене на балконе (или в сцене с призраками) образ Джульетты достигает своего кульминационного развития и звучит в полную мощь.

«Если ты меня услышишь
Через много-много вёрст, –
Над моей воздушной крышей
Звёзды лягут в перекрёст,
И зачну я стих о небе,
О неопытной судьбе,
О твоём духовном хлебе,
Обо мне и о тебе...»

В духовной любви, способной стать внутренним стержнем человека и сохраняющей его человеческий облик, заключена идея пьесы. Придёт ли человечество к пониманию этого, чтобы преодолеть путь во мраке, пока раскручивается его круговорот роковых событий?..

Член Союза писателей СССР, академик Петровской академии наук и искусств Юрий Николаевич Богданов создал прекрасное произведение, в котором отразились размышления автора над нашей современностью и над вечными проблемами человечества, произведение, где каждая строфа пронизана мыслью и переживанием о будущем человеческого сообщества. Эта пьеса рождает в уме и сердце множество эмоциональных впечатлений, требующих обсуждения и анализа. А его идея напоминает о катастрофических последствиях разрушения не только внешнего мира, но и внутреннего мира человека в условиях нарастающего «прогресса» и наступающей цивилизации.

НИНА ГАЙКОВА, 57 л., г. Москва. Преподаватель литературы в техникуме, руководитель творческих проектов, участвующих в Межрегиональном Конкурсе «Алтарь Отечества», а также онлайн конкурсов, член Российского союза писателей, участница сборника «Тропа к духовным родникам» при Международном союзе писателей им. Св. Кирилла и Мефодия (в нём были опубликованы произведения финалистов), вышла в полуфинал в конкурсе «Славянское слово» в номинации «Публицистика и эссеистика». Имеет 20 электронных книг и 4 печатных. Заняла 2 место в Международном литературном конкурсе имени А.Н. Плещеева в номинации «Литературная критика» (2022 г.).

УСТРЕМЛЕНИЕ К «МИРАМ ИНЫМ ...»
(о творчестве Иннокентия Анненского)

*Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Её любил,
А потому, что я томлюсь с другими.
И если мне сомненье тяжело,
Я у Неё одной ищу ответа,
Не потому, что от Неё светло,
А потому, что с Ней не надо света.*

Думаю, многие слышали эти строки, а, может быть, и пели под гитару. Пели, не особенно задумываясь, что же это за звезда такая. Или кто она. А если задуматься?! Очевидно, она – воплощение мечты, вернее, – устремление к чему-то более высокому, неземному, «надмирному», как скажет уже во второй половине двадцатого века иеромонах Роман.

А ещё, наверное, далеко не все знали, кто «повторял» имя этой звезды. А если и знали, то имя его немногим о чём-то говорило. А «повторял» тот, чья поэзия настолько уникальна, настолько загадочна, что потомки ещё долго будут пытаться разгадать её тайну.

А.А.Ахматова, Н.С.Гумилёв и многие другие считали себя его учениками – и награждали любимого учителя преисполненными любви эпитетами.

Иннокентий Фёдорович Анненский! Директор Царскосельского лицея, «последний из царскосельских лебедей», как сказал о нём Н.С.Гумилёв. Человек словно с «врождённой» совестью и при этом считавший себя фарисеем. Родоначальник поэзии Серебряного века – эпохи, которая невольно ассоциируется с русской трагедией, с забвением, со всем, что было «под спудом» соцреализма и иногда «прорывалось», как эти строки про звезду, с которой «не надо света». Только дело сейчас не в этом трагическом времени –

КОСПРОМА

о нём написано немало. И «земное поприще», как сказал И.С.Тургенев, покинул И.Ф.Анненский за несколько лет до главной русской трагедии.

А потому обратимся ещё к одному его произведению – не менее загадочному.

Наша улица снегами залегла,
По снегам бежит сиреневая мгла.
Мимоходом только глянула в окно,
И я понял, что люблю её давно.
Я молил её, сиреневую мглу:
«Погости-побудь со мной в моём углу,
Не мою тоску ты давнюю развей,
Поделись со мной, желанная, своей!»
Но лишь издали услышал я в ответ:
«Если любишь, так и сам отыщешь след.
Где над омутом синее тонкий лёд,
Там часочек погощу я, кончив лёд,
А у печки-то никто нас не видал...
Только те мои, кто волен да удал».

Сиреневая – какой красивый цвет! Сочетание синего с красным – неба и огня. Но не разбушевавшейся и уничтожающей всё живое огненной стихии, а «пламени» горячего сердца, устремлённого ввысь пламени свечи.

Сиреневая мгла ещё не на небесах, но над землёй – всегда где-то впереди – и обыденному, «бытовому» восприятию недоступна.

Потому, наверное, «омут», над которым «синее тонкий лёд», является антитезой «углу» и «печке» в доме лирического героя. Омут и тонкий лёд, очевидно, символизируют что-то «неустойчивое» в житейском понимании в отличие от прочного и тёплого угла у печки. Но если образ тонкого, готового треснуть, провалиться или растаять льда, в объяснениях, скорее всего, не нуждается. А вот образ омута, видимо, более сложный. Чаще всего омут – символ гибели – только весь настрой стихотворения и «весёлый» хорей, которым оно написано, с такими мыслями явно не «увязываются». Знаменитое «в омут с головою» от сильной, опьяняющей страсти – возможно, в чём-то ближе к правде, но тоже не в этом контексте. Скорее всего – это тоже что-то сродни «тонкому льду». Можно и утонуть, конечно, но ради мечты, ради любви всё равно идут на жертву. Даже, скорее всего, жертва – обязательное «условие». И только тот, «кто волен да удал», кто готов отказаться от житейского благополучия, кто готов на самопожертвование, достоин счастья, достоин любви.

Поэтому невольно вспоминаются и мудрые русские сказки с их «тридевятым царством» и сопряжённый с риском, с самопожертвованием поиск счастья. Это – поиск «иног царства», как позже напишет кн. Е.Н.Трубецкой. А заодно и «поиск» самого себя.

Небольшое стихотворение, конечно, до конца эту мысль не доводит, но ей и не противоречит. У великого И.Ф. Анненского всё необычно, всё

непривычно и, можно сказать, – всё «между небом и землёю». Но в традиционном духовном контексте русской литературы.

И ещё – «сиреневая мгла» – какое неожиданное сочетание слов! Ведь мгла обычно символизирует зло, тьму, мрак, беспросветность, безысходность. Да только, явно, не здесь. А потому решусь обратиться к святоотеческому толкованию, что никак не может противоречить ни личности самого И.Ф.Анненского, ни духовному контексту всей русской литературы, даже Серебряного века со всеми его противоречиями. Итак, слово «тьма», кроме общеизвестного, имеет и другое значение – «Сверхсветлый Свет». «Свет», человеческому разумению недоступный! Оттого-то он «лишь издали услышал» её «ответ». К этому свету, судя по всему, и устремляется лирический герой, да и сам великий поэт. Только говорит о том аллегорически.

Жертва во имя любви и устремление к «Сверхсветлому Свету» друг другу не противоречат, друг друга не исключают, тем более, в сознании русского поэта, русского человека.

А теперь, думаю, обратимся ещё к одной «цветовой грани»:

Когда, сжигая синеву,
Багряный день растёт, неистов,
Как часто сумрак я зову,
Холодный сумрак аметистов.

Те же два цвета – красный и синий. Но в отличие от предыдущего произведения, здесь они «враждуют» – красный «сжигает» синий.

Стихотворение называется «Аметисты» – только сами они некий «символ», о чём будет сказано далее. И почему же «зовёт» их лирический герой?!

И чтоб не знойные лучи
Сжигали грани аметиста,
А лишь мерцание свечи
Лилось там жидко и огнисто.

Аметисты становятся символом примирения, соединения некогда «враждовавших» – ведь цвет их – соединение некогда «враждующих». И теперь уже уничтожать друг друга невозможно.

А свеча – символ жизни, символ устремления к Небесам. Много веков назад свеча пришла на смену факела, который держал молящийся в Катакомбной Церкви. Князь Е.Н.Трубецкой в знаменитых «Очерках...» сравнивает купол православного храма с горящей к небу свечой, назвав его «молитвенным горением к Небесам». И совсем неважно, что слова эти, как и приведённые ранее об «искателях «Иного Царства», были написаны через несколько лет после окончания земной жизни И.Ф.Анненского. Они, как и мысли родоначальника Серебряного века, вне времени.

И, лилоева и дробясь,
Чтоб уверяло там сиянье,

КОСПРОМА

Что где-то есть не наша связь,
А лучезарное слиянье...

Итак, «завершается» всё там – в небесах. В произведении всё словно «движется вверх» – от вражды к примирению – а потом к соединению, «слиянию» вне земного пространства. Да и времени тоже. Пусть и говорит об этом поэт несколько завуалировано, аллегорически.

«Вы въявь откроете обитель примиренья
И путь покажете к немеркнущим звездам».

Пред нами финал стихотворения В.С.Соловьёва «Отшедшим». Думаю, сходство мыслей очевидно. Да и где же ещё может быть «лучезарное слиянье»? А теперь возвратимся мыслью в юдоль земную и перенесёмся в «ароматный край», где благоухают цветы под ярко-голубым небом:

В ароматном краю в этот день голубой
Песня близко: и дразнит, и вьётся;
Но о том не спою, что мне шепчет прибой,
Что вокруг и цветёт, и смеётся.

А это о чём? Конечно, «ароматным краем» может быть и любимый многими Крым в благодатную летнюю пору. Но всё же не только этот прекрасный уголок России. Потому что иначе слишком много здесь душевных переживаний, в «рамки» крымского пейзажа не «вмещающихся». Да и вообще, думаю, что это – самое загадочное произведение великого поэта. И за душу берёт удивительной открытостью сердца лирического героя!

Голубой цвет – цвет вечного неба, которое надо всем, надо всеми – и вне времени. А здесь – «в ароматном краю» голубое не только небо или море, «голубой» сам «день». Цвет небес здесь абсолютно во всём – всё им «наполнено», «напоено», «пронизано»! И даже «бесцветный» воздух, которым дышит всё вокруг!

Но всё же мы пока оставим – совсем ненадолго – этот удивительный край – и перенесёмся на несколько десятилетий вперёд.

Это цвет моей мечты.
Это краска высоты.
В этот голубой раствор
Погружен земной простор.

Правда, есть что-то очень похожее?! Наверное, и для И.Ф.Анненского, и для Н.Бараташвили вместе с переведшим его на русский язык Б.Л.Пастернаком голубой цвет – это – «синева иных начал». Именно «иных»...

И снова в воспетый И.Ф.Анненским «ароматный край». Читаем дальше и видим, понимаем, что всё не совсем обычно, вернее, – не совсем привычно.

Я не трону весны – я цветы берегу,
Мотылькам сберегаю их пыль я,

Миг покоя волны на морском берегу
И ладьям их далёкие крылья.

Сначала морской прибой поёт свою вечную песнь. Море с ладьёй – символ Вечности от времён Гомера и его Одиссея. И в духовных стихах православного русского народа «житейское море играет волнами». Всё, «согласно традициям».

А дальше... поэт вторит песне моря – песне Вечного Мироздания. Да только не хочет или не может петь «о том, что шепчет (ему) прибой». А почему?! Уж явно, не потому, что не слышит или не воспринимает...

И вот снова несколько непривычное сочетание, если говорить о пейзаже, – мотылёк над цветами и морская волна – обычно всё это бывает в разных «местах». Да мы подчинены единой мысли, – вернее, тому, что, можно, назвать ощущением окружающего Вечного Мироздания и своей к нему причастности.

А образ мотылька это ощущение усиливает, воплощая хрупкость и быстротечность времени – ведь век его так недолог!

(У самого И.Ф.Анненского образ мотылька или бабочки, образ цветка в этом же «качестве» встречается неоднократно, например, «бабочка газа» или «крылья алого батиста»).

Быстротечность времени воплощает и образ нахлынувшей волны, у которой всего лишь, «миг покоя».

А потому всё это надо сберечь, сохранить, не дать бесследно исчезнуть! Не «воспользоваться» ради синоминутных наслаждений, а сохранить, прежде всего, в душе своей. А вместе с тем и душу свою от зла!

Невольно вспоминаются эти знакомые многим с детства слова:

Но короток мой век –
Он не более дня;
Будь же добр, человек,
И не трогай меня!

Л.Н.Модзалевский на поколение старше И.Ф.Анненского. Только как удивительно схожи и их жизненные пути, и их уход из мира земного! А главное – «мысли» сердца, на которые наводит образ незаметного, на первый взгляд, мотылька. Ведь только тот, чьё сердце не очерствело, у кого чутко оно ко всему, что нас окружает, способен так ощутить и мотылька, и цветок, и морскую волну! Ощутить и воплотить в слове! И снова «уйдём» ненадолго из «ароматного края», и обратимся на этот раз к другим удивительным произведениям великого «учителя» Серебряного века – к стихам, названия которых говорят сами за себя – «Миг», «Тоска мимолётности», «Минута». Таких примеров можно привести ещё очень много – только тема тогда будет иной. А подобное, наверное, хоть раз испытал каждый, тем более, перешедший «экватор» земной жизни.

Миг ушёл – ещё живой,
Но ему уж не светиться.
(«Миг».)

КОСПРОМА

Несмотря на столь грустные слова, общий настрой и хорей, которым написано стихотворение, к тоске не располагают. Нет здесь и особых философских размышлений – скорее, «констатация». А зачем же грустить о том, чего не изменить?! Но вот размышление более «углублённое»:

Бесследно канул день. Желтея, на балкон
Глядит туманный диск луны, ещё бестенной,
И в безнадежности распахнутых окон,
Уже незрячие, тоскливо-белы стены.
Сейчас наступит ночь. Так чёрны облака...
Мне жаль последнего вечернего мгновенья:
Там всё, что прожито, – желанье и тоска,
Там всё, что близится, – унылость и забвеньё.
(Тоска мимолётности)

Само название настраивает на иной лад – оттого, наверное, и написано стихотворение более «грустным» ямбом. А образ ночи, очевидно, воплощает конец или небытие, невозвратность, быстротечность ушедшего бесследно дня. Да и «тоска» – отнюдь не «светлая грусть» или «светлая печаль». А тоскою, безнадежностью здесь проникнуто всё – и пейзаж, если можно его так назвать, и размышления смотрящего на закат лирического героя. Отчего же?! Вроде бы никакой трагедии, никакого сведения счётов с жизнью?! А оттого, что ничего уже не вернуть, что всё, что дорого, «желанно», – всё «мимолётно». «Мимолётно», конечно, в земной жизни. Но прежде, чем завершить эту мысль, обратимся к финалу столь невесёлых размышлений:

Здесь вечер как мечта: и робок, и летуч,
Но сердцу, где ни струн, ни слез, ни ароматов,
И где разорвано и слито столько туч...
Он как-то ближе розовых закатов.

Рискну предположить, что образ вечера, который «как мечта: и робок, и летуч», может быть неким «отголоском» платоновской мысли о прекрасном, недоступном человеку мире, что в поэзии встречается нередко. В произведении нет, по крайней мере, явной, антитезы вечного и мимолётного – но есть «тоска» о невозвратном, о том, где, наверное, было счастье. А впереди лишь «унылость и забвеньё».

И вот ещё одно стихотворение, которое с самого начала, с первых строк, с самого названия своего более всех напоминает, как быстротечно время в нашей земной жизни:

Узорные ткани так зыбки,
Горячая пыль так бела, –
Не надо ни слов, ни улыбки:
Останься такой, как была;
Останься неясной, тоскливой,
Осеннего утра бледней

Под этой поникшею ивой,
На сетчатом фоне теней...
Минута – и ветер, метнувшись,
В узорах развеет листы,
Минута – и сердце, проснувшись,
Увидит, что это – не ты...
Побудь же без слов, без улыбки,
Побудь точно призрак, пока
Узорные тени так зыбки
И белая пыль так чутка...

(«Минута»)

И размер стиха теперь уже трёхсложный – самый красивый, печальный, философский амфибрахий. С грустью лирического героя о невозвратности времени «соединилась» и грусть о безвозвратно потерянной любви, которой никто и ничто не «заменит», не «восполнит». «Сердце, проснувшись, увидит, что это – не ты...». «Увидит», очнувшись от грёз, с тоской и болью. Не дай Бог кому-то такое ощутить!

Поэтому грустью проникнуто всё от начала до конца – и как символ грусти присутствует плакучая ива, да ещё и «поникшая». Только это не традиционный образ потерянной любви, о которой сокрушается лирический герой.

В начале и в конце слово «зыбкий» – значит, в нём основной смысл. Зыбкий – значит, – неустойчивый – его легко разрушить. Зыбко всё – и узоры, и тени от ивовых ветви, и «призрак» любви. Зыбко всё нас окружающее, всё зримое нами.

Конечно, в отличие от другого поэта – символиста и почти ровесника – В.С.Соловьёва, И.Ф.Анненский не говорит, что его «дождётся... заветный храм или что «скоро встанет новый вечный день». Только думаю, ни у кого абсолютно не возникает ощущения, что лирический герой И.Ф.Анненского потерял смысл жизни и собирается уйти в небытие. В этом – ещё одна «грань» гениальности родоначальника поэзии Серебряного века.

Итак, все три произведения так или иначе воплощают мысль о быстротечности времени – вернее, почти физическое её ощущение. И чувство некой Причастности! Пусть всё проходяще, быстротечно, зыбко, но это – наша живая связь – здесь, в земном «пространстве»!

Быть может, эта причастность и не до конца осознана лирическим героем, но всё же она есть. Причастность всему, что «живёт» с нами на земле. Всему, что надо «сберечь» – ведь именно это слово сходит с уст лирического героя под голубым небом «ароматного края». Причастности тому, что сейчас с нами и что и тому, что переживёт каждого из нас!

Конечно, как уже говорилось, в строках И.Ф.Анненского нет столь явного выражения Тайны Божества, как у В.С.Соловьёва. Только всё равно, ощущением «надмирного» или, может быть, «внемирного», того, что нематериально, «сверхматериально», «сверхвременно», как говорит русская философия, проникнута вся поэзия И.Ф.Анненского.

КОСПРОМА

И потому снова возвратимся в его «ароматный край». Только уже несколько с другой целью:

А ещё потому, что в сиянии сильней
И люблю я сильнее в разлуке
Полусвет-полутьму наших северных дней,
Недосказанность песни и муки...

Небо, конечно, надо всей землёю – только светлее всего оно над Родиной! Даже если именно сейчас затянута облаками. Потому что образ неба – тоже один из самых ярких, самых «зримых» примеров воплощения Причастности Вечному, а вместе с тем и своей Родине, конечно!

Но почему же тогда остаётся некоторая «недосказанность»? И снова на помощь нам придут другие великие мастера русского слова. Однажды А.К. Толстой так ответил в письме своему другу – И.С.Аксакову:

Гляжу с любовью на землю,
Но выше просится душа;
И что её, всегда чаруя,
Зовёт и манит вдалеке –
О том поведать не могу я
На ежедневном языке.

А у В.С. Соловьёва при созерцании красоты Альп родились «Мысли без речи и чувства без названия».

Может быть, не находит «на ежедневном языке» слов и лирический герой И.Ф.Анненского. И у него рождаются «мысли без речи и чувства без названия». Не потому, что скуден его язык, а потому что для «надмирного» в мире земном слов может и не быть! Ведь Вечное – Безначальное и Бесконечное лишь «отражается» в земном, в «ограниченном» времени и пространстве.

И, конечно, берущие за душу строки И.Ф.Анненского говорят ещё и о любви, которая сильнее, острее ощущается в разлуке. Любви к своему Отечеству! А понятие это не географическое и не историческое даже.

И напоследок: может быть, в строках И.Ф.Анненского ещё и воплотилось левитановское «переживание красоты, которая вне нас» и которая останется, когда «мы уйдём». И все эти «может быть» друг друга отнюдь не исключают, а являются многочисленными гранями того, что переживает вдруг (а может быть, – и не «вдруг») задумавшийся о сути земного бытия.

Есть вечные темы, которые воплощаются в творчестве поэтов всех времён. Существует Единое Духовное Начало вне времени и пространства. Да только граней и самой жизни, и творчества столько, что человеческому уму и не вместить, и не постичь! А потому каждый великий художник, впрочем, как и каждый живущий на земле человек, словно «занимает», говоря языком Святителя Филарета Московского, свою «нишу» в этом Бесконечном, Вечном Мироздании. И в высоком искусстве, конечно.

И тогда, наверное, можно сказать, что «ниша», «грань» творчества И.Ф. Анненского – это стремление «уловить» то, что хрупко и мимолётно, чтобы сохранить в своей душе и в Вечности.

Не мерещится ль вам иногда,
Когда сумерки ходят по дому,
Тут же возле иная среда,
Где живём мы совсем по-другому?
С тенью тень там так мягко слилась,
Там бывает такая минута,
Что лучами незримыми глаз
Мы уходим друг в друга как будто.
И движеньем спугнуть этот миг
Мы боимся, иль словом нарушить,
Точно ухом кто возле приник,
Заставляя далёкое слушать.
Но едва запылает свеча,
Чуткий мир уступает без боя,
Лишь из глаз по наклонам луча
Тени в пламя сбегут голубое.

Столь характерный, привычный для поэзии И.Ф. Анненского хрупкий, «чуткий мир», который хочется сберечь, да не всегда «получается». В наступающих сумерках словно и не «мерещится» он, а ощущается реально. Как и сумерки, которые «ходят по дому».

Наверное, это произведение тоже одно из самых сложных, самых загадочных – и больше, чем понять умом, его надо постараться почувствовать, ощутить – «погрузиться» в него что ли. Итак, попробуем.

Наступающие сумерки, явно не наводят страха, не внушают ужаса, как во многих историях, которыми изобилует русский фольклор. Отчего? Оттого, что главное в произведении – тайна, которая ощущается «возле», которой пронизано всё пространство, всё существо лирического героя. И человеку она нисколько не враждебна – а совсем наоборот. Её не выразить словами – но к ней так хочется «прикоснуться», остаться с ней наедине! Ведь она «тут же возле»!

Возможно, это – образ некой затаённой в сердце мечты – мечты о том, чтобы жить «совсем по-другому». Чтобы «далёкое слушать». «Далёкое» – как оно загадочно и многогранно – может быть, это – «далёкое» воспоминание, которое, преодолевая время, становится осязаемым. А может быть, – что-то «далёкое» от обыденного сознания – вне его, над ним, как летящая над землёй «сиреневая мгла» или далёкая звезда «в мерцании светил».

День со своей привычной суетой закончился – приходит вечер – время раздумий, время «подведения итогов» и осмысление прожитого за день. И, наверное, не только за этот – минувший. А сумерки – таинственное «состояние» природы – еле уловимое и быстро исчезающее время «перехода». Оттого и «граница» пространства мира реального и «иной среды» становится тонкой, прозрачной и даже, по сути, исчезает...

КОСПРОМА

Но вот появляется пламя свечи... Символизирующее часто «горение к небесам», о котором писал кн. Е.Н.Трубецкой, свет, побеждающий мрак, или саму жизнь, здесь оно вдруг становится символом вторжения в «чуткий», «иной» мир. Ведь называется стихотворение «Свечку внесли» – и «вносят» её в финале, словно для того, чтобы разрушить эту живую связь – в пламени свечи она словно «сгорает».

«Сгорает» то важное, дорогое, неповторимое, что только что ощущалось рядом, «возле» – именно это слово дважды звучит у поэта. Да только не совсем «сгорает» – но об этом чуть позже.

И совершенно неважно, кто внёс свечку и для чего – важно то, что, как было уже сказано, происходит вторжение, разрушение, потеря живой связи.

А ещё хотелось бы вновь обратиться к этим строкам:

И движеньем спугнуть этот миг
Мы боимся, иль словом нарушить...

Вернее, к слову «миг». Мы уже говорили ранее и о быстротечности времени, и о «тоске мимолётности», и о зыбкости «узорных тканей», и о миге, которому «уж не светиться». Только здесь всё намного глубже – потому что этот «миг» так страшно «спугнуть» или «словом нарушить». Почему же? В упомянутых стихах, несмотря на печальные размышления, и речи нет ни о какой-то «боязни». О тоске, о желании продлить пребывание «под этой поникшею ивой на сетчатом фоне ветвей», но не о «боязни». Да и нельзя же в самом деле бояться потерять «прошедшее время». Почему же «боимся» в это таинственное время сумерек? А потому, очевидно, что здесь отразилась не тоска быстротечности, «мимолётности» того времени, в котором мы сейчас живём. В этот самый «миг» происходит общение, даже – «слияние» с тем, что вне нашего времени и пространства, вне нашего понимания – с тем миром, «где живём мы совсем по-другому». И потерять эту живую связь для человеческой души действительно страшно.

Но прежде чем завершить непростой разговор об «иной среде» и о «далёком», хотелось бы обратиться к стихотворению с очень красивым названием «Тихое пламя» другого поэта – З.Н.Гиппиус. Мне кажется, мироощущение лирического героя чем-то похоже на мироощущение лирического героя И.Ф.Анненского. Да, скорее, – внешне.

Я сам найду мою отраду.
Здесь всё моё, здесь только я.
Затеплю тихую лампаду,
Люблю её. Она моя.
Как пламя робкое мне мило!
Не ослепляет и не жжёт.
Зачем мне грубое светило
Недосягаемых высот?
Увы! Заря меня тревожит
Сквозь шёлк содвинутых завес,

Огонь трепещущий не может
 Борются с пламенем небес.
 Лампада робкая бледнеет...
 Вот первый луч – вот алый меч...
 И плачет сердце... Не умеет
 Огня лампадного сбечь!

В обоих произведениях в тихий, хрупкий мир лирического героя вторгаются – и этот мир «отступает без боя». Его «лампада робкая бледнеет». И лирический герой обоих произведений в печали. Только всё стихотворение З.Н.Гиппиус преисполнено болью, скорбью, в нём «слышен» крик души лирического героя – его сердце «плачет».

Такого крика отчаяния нет у И.Ф.Анненского – есть грусть, размышление, но нет «кричащей» боли. К его стихотворению мы скоро вернёмся – а пока ещё раз посмотрим на «тихое пламя».

Конечно, оба произведения очень непростые – и, наверное, у З.Н.Гиппиус сложнее, вернее, – противоречивее. (Неслучайно, в одном из произведений она написала: «К простоте возвращаться. Зачем?»). Судя по всему, в «Тихом пламени» отразилось в какой-то мере «наследие» античного или, если всё-таки поместить на русскую почву, – дохристианского мироощущения, однако, «присутствует» и христианская «лампада» – в этом и есть некоторое противоречие. (Честно говоря, И.Ф.Анненский в плане духовном, как личность у меня вызывает гораздо больше уважения. А о противоречивых «воззрениях» З.Н.Гиппиус и немало написано в её же воспоминаниях, и отражают его стихи, например, «Свобода». Но разговор не совсем об этом). Почему античной или дохристианской? Потому что солнце – даже его преддверие – «пламя небес» появляется как некое верховное божество с карающим «алым мечом». Появляется – и уничтожает любимое «тихое пламя».

Если всё же поискать что-то подобное в литературе, то невольно вспоминается «Снегурочка» А.Н.Островского, как это ни странно на первый взгляд. Главная героиня должна таить, беречь свою любовь от Ярилы – Солнца. (Ярило в славянской мифологии означает не совсем то, что показано в пьесе, но не о том сейчас речь). А финал все, думаю, помнят – принесена жертва. В стихотворении что-то похожее. Оттого и скорбь, оттого и «плачет сердце». И, наверное, в этом контексте «огонь лампадный» всё-таки не лампада перед иконой, а некая аллегория. Или для лирического героя лампада – лишь внешний «атрибут» – оттого и слабо, «робко», «бледно» и «не может бороться» всё, его окружающее.

У И.Ф.Анненского при внешней, как уже говорилось, «похожести» такого нет. Может быть, и присутствует «отголосок» платоновской философии как нечто невозможное, недостижимое, о чём говорилось в основной части работы, но маленькая «пылающая свеча» в руках человека – всё же не карающий меч «пылающих небес».

В стихотворении И.Ф.Анненского «чуткий мир уступает без боя», но не погибает, не разрушается. И очень хотелось бы обратить внимание на

КОСПРОМА

некоторые слова, любой оттенок которых столь важен для великого поэта, озарённого «звездой в мерцании светил». (И.Ф.Анненский написал однажды, что самое главное – это слово, «причём будничное, а не высокаторжественное». Строки эти адресованы другому прекрасному поэту – М.А.Волошину, но относятся, конечно, и к самому автору). Мир, в котором «живём мы совсем по-другому», не «робкий», не «бледный», как в «Тихом пламени», а «чуткий». А «чутким» можно быть по отношению к кому-то или чему-то – и «иная среда», которая «возле» нас, очевидно, «чутка» к нашим помыслам, к нашим движениям души.

А потому снова сопоставим два стихотворения – на этот раз ради того, чтобы понять, к кому обращены слова или о ком они. В «Тихом пламени» в основном говорится о глубоко личных переживаниях лирического героя – «я», «моя», «мне», «меня» и т.д. А у И.Ф.Анненского нет ни одного местоимения в единственном числе – и главное из них «мы», причём повторяющееся неоднократно. Значит, мироощущение иное. Лирический герой, а, наверное, сам великий поэт говорит о том, что, совершенно очевидно для не утратившего души, не превратившегося в скептика, в грубого материалиста человека. Поэтому «живём мы совсем по-другому», поэтому «движеньем спугнуть этот миг мы боимся, иль словом нарушить». А ещё, как уже говорилось, этот мир «чуткий» по отношению к каждому движению нашей души. «Чуткий» по отношению к тому, насколько каждый из нас достоин, чтобы «ходящие» по дому сумерки «открыли дверь» и «впустили». А иначе, он «закрывается» – «уступает без боя». Только в отличие от «тихого пламени» всё-таки не погибает, не рушится до конца, а просто перестаёт быть «возле» нас. А кто виноват – вопрос риторический.

Мир духовный, невидимый не где-то далеко в «мерцании светил», не «где-то», где есть «лучезарное слиянье», а рядом с нами – в нашем доме во время сумерек. Но видимым, осязаемым становится только иногда – и только для тех, кто достоин. А в «пространстве» данного стихотворения, «достойных», видимо, не оказалось. Но это не значит, что их нет вообще – и что «чуткий мир» – «иная среда» снова не станет рядом, «возле» нас! И снова вспоминаются строки В.С.Соловьёва:

И прежний мир в немеркнущем сиянье
Встает опять пред чуткою душой.

В произведении И.Ф.Анненского, как уже было сказано, нет образа «немеркнущего сиянья», но есть живая связь с миром «нематериальным», жизнь в котором «происходит» «совсем по-другому». И это – одна из главных, неповторимых черт его творчества. Его «ниша», о чём говорилось в основной части работы. Как лирический герой В.С.Соловьёва будет «ждать с томительной тоской вновь отблеска нездешнего виденья, вновь отзвука гармонии святой», так лирический герой И.Ф.Анненского будет ждать, когда в сумерках вновь ощутит связь с «чутким миром» – с «иной средой». Будет ждать, надеяться и стараться быть того достойным!

А если бы эта живая связь полностью «сгорела в пламени свечи», никогда бы не родились ни образ «сиреновой мглы», ни образ далёкой звезды «в мерцании светил», ни «уверенности» в том, что где-то есть «лучезарное слиянье»! О великом поэте, о его загадочных произведениях можно сказать ещё очень-очень многое. А потому ограничимся ещё двумя стихотворениями – настолько «яркими», что не заметить их невозможно. Вот одно из них.

В блесках туманится лес,
В тенях меняются лица,
В синюю пустынь небес
Звоны уходят молиться...

Стихотворение с удивительно мелодичным названием «Закатный в поле звон». Думаю, перед глазами сразу же встанут левитановские образы: «Вечерний звон», «Вечер. Золотой Плёт». Колокольный звон плывёт по вечернему небу, призывая на службу в храм, – а может быть, служба уже завершилась. Только дело и не в пейзаже, и образ монастыря словно «возносится» на небеса вместе с летящим над землёю звоном. Ведь Святыня – это образ Рая на земле – «Земное Небо». Словно звоны в небесной обители идут к вечерней службе, как стекается на молитву закончивший труды дневные народ. Удивительный по красоте образ!.. Да только вдруг отчего-то появляется сомнение...

Звоны, возьмите меня!
Сердце так слабо и сиром,
Пыль от сверкания дня
Дразнит возможностью мира.
Что он сулит, этот зов?
Или и мы там застынем,
Как жемчуга островов
Стынут по заводам синим?..

Удивительны, многогранны, непредсказуемы душа наша и наше сознание. Впрочем, это естественно – ведь очень многое «среди миров в мерцании светил» нам познать не дано. (Всё просто и ясно только для неодоухотворённых – для тех, кто на «полёт» явно неспособен).

И «заглянуть» туда, куда «звоны уходят молиться», во время земной жизни «не получится». А неизвестность всегда хоть немного, но страшит – не страшить не может. Оттого, наверное, и «соседствуют» во многих произведениях христианское осмысление бытия и «отголосок» платоновской мысли о недоступном прекрасном мире. И в этом «остановленном полёте» тоже. Хотя, скорее, – «незавершённом».

А, может быть, присутствует здесь и сожаление о нашем достоинстве. Может быть... Незавершённое раздумье, выраженное риторическим вопросом в финале, незавершённый полёт... «Незавершённость», наверное, главный здесь «образ». Не тоска, отчаяние и страх, а именно – неизвестность, «незавершённость».

КОСПРОМА

Потому что никто не может знать, что дальше. Не может «ответить на вопрос», что там – «в мерцании светил», там, где «лучезарное слиянье».

(У меня это стихотворение ассоциируется с Неоконченной Симфонией Ф. Шуберта)... Сколько можно ещё сказать о великом, загадочном И.Ф.Анненском! Только, наверное, настало время остановиться – ведь невозможно достать дно океана. Но напоследок всё же хотелось бы обратиться к этому стихотворению – к строкам, «пронизанным» любовью.

Я люблю замирание эха
После бешеной тройки в лесу,
За сверканьем задорного смеха
Я истома люблю полосу.
Зимним утром люблю надо мною
Я лиловый разлив полутьмы,
И, где солнце горело весною,
Только розовый отблеск зимы.
Я люблю на бледнеющей шири
В переливах растаявший цвет...
Я люблю всё, чему в этом мире
Ни созвучья, ни отзвука нет.

«Я люблю» – звучит в каждом четверостишии. А ещё, думаю, совершенно очевидно, что воплотилось здесь жизненное кредо самого поэта.

Я люблю всё, чему в этом мире
Ни созвучья, ни отзвука нет.

Однако любит поэт (думаю, в данном случае именно поэт, а не только его лирический герой) и «замирание эха», и «лиловый разлив полутьмы», и «розовый отблеск зимы». А значит, любя «всё, чему в этом мире ни созвучья, ни отзвука нет», любит он и то, в чём мир неземной «отражается». И никакой отрешённости от земного мира нет – стихотворение звучит радостно, несмотря на трёхсложный размер. Невольно вспоминаются слова П.А.Флоренского о том, что художник мыслью устремляется в мир духовный – и только «напитавшись» в нём впечатлениями, может творить. А ещё: «Истинное, художественное искусство почерпает свой Предмет из религиозной глубины, из сферы веяний Божиих, даже и тогда, когда рисуемые им образы природы и людей не содержат во внешней видимости ничего церковного и религиозного» (И.А.Ильин). В первой части мы вспоминали строки А.К.Толстого о том, что душа, любя землю, всё же «просится» «выше» – к тому, «что манит вдалеке». Наверное, похожим мироощущением проникнуты и строки И.Ф.Анненского. И те – последние, к которым мы здесь обращаемся, – и многие-многие другие. Оттого и «манят» к себе очень непростые, преисполненные Высшей Тайной, Высшей Красотой стихи родоначальника Русской Поэзии Серебряного Века! Оттого и стало «будничное слово» его «высокоторжественным»!

V. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

НИКОЛАЙ ДИК, 67 л., г. Азов Ростовской области. Прозаик и поэт, автор свыше 80 книг по педагогике, восьми книг публицистики и прозы, двадцати одного сборника стихов; член Союза журналистов России, Союза писателей России, Межрегионального союза писателей и Международного союза писателей и мастеров искусств; лауреат международных литературных премий имени Игоря Царёва (Москва), Олеся Бузины (Ростов-на-Дону), Михаила Матусовского (Луганск), «Свой вариант» (Луганск) и Михаила Пластова (Москва). Победитель Международного литературного конкурса имени А.Н. Плещеева в номинации «Художественный перевод» (2022 г.).

Курлович Виктор Георгиевич (1955 г.р.) – член Союза писателей Белоруссии; г. Верейки Волковысского района Гродненской области
Перевод с белорусского **Николая Дика**

Карані

Дзе мае карані? Там, дзе сонца ўстае
летнім ранкам над лесам, а можа,
там глыбока яны, дзе над Нёмнам-ракой
ціха дрэмле сівая Каложя.
Дзе ўзвышаюцца грозна з далёкіх часін
сведкі бітваў – замшэлыя вежы.
Там мае карані, дзе блукае алень
у адвечных барах Белавежы.
Дзе салоўка над рэчкай прыгожа пяе
у кустах аж да самага ранку,
і на дубе магутным каторы ўжо год
ладзіць бусел старанна буслянку.
Там мае карані, дзе на нівах густых
ходзяць хвалі даспелага жыта,
дзе жыве працавіты, гасцінны народ
і так шмат усяго перажыта.
І жыццёвыя сцежкі куды б не вялі –
усё роўна сюды я вярнуся.
Тут мае карані, дзе святая зямля
назваецца Белаю Руссю.

Подстрочник

Где мои корни? Там, где солнце встаёт
летним утром над лесом, а может,
там глубоко они, где над Неманом-рекой
тихо дремлет седая Коложа.
Где возвышаются грозно из далёких времён
свидетели сражений – замшелые башни.
Там мои корни, где бродит олень
в извечных борах Беловежских.
Где соловей над речкой красиво поёт
в кустах вплоть до самого утра,
и на дубе могучем который уже год
устанавливает аист тщательно гнездо.
Там мои корни, где на нивах густых
ходят волны дозревшей ржи,
где живёт трудолюбивый, гостеприимный народ
и так много всего пережито.
И жизненные тропы куда бы ни вели –
всё равно сюда я вернусь.
Здесь мои корни, где святая земля
называется Белою Русью.

Корни

перевод

Где же корни мои? Там, где солнце встаёт
летним утром над лесом, а может,
там, где тонут они, а над Неман-рекой
тихо дремлет седая Коложа.
Где вздымаются башни по нынешний день,
как свидетели битв на побережье.
Там все корни мои, где блуждает олень
в заповедных лесах Беловежья.
Где над речкой соловушка нежно поёт
на ветвях до прихода рассвета,
а на дубе могучем который уж год
вьёт гнездо своё аист из веток.
Там все корни мои, где жатвина цветёт,
ходят волны созревшего жита,
где живёт, процветая, трудяга-народ
и так много всего пережито.
И житейские тропы куда б ни вели –
всё равно лишь сюда возвращусь я.
Здесь же корни мои, где святыня земли
называется Белою Русью.

Родная вёска

Святлее на ўсходзе неба палоска,
 першыя пеўні нясмела пяюць.
 Прачнецца вось-вось мая родная вёска,
 а мне ўсё ўспаміны заснуць не даюць.
 Успомніў, калі са сваімі сябрамі
 падлеткам у школу спяшаўся і я.
 Як бег росным ранкам з лясочку з грыбамі
 і слухаў ля рэчкі ў цішы салаўя.
 Як пасвіў на лузе за вёскаю статак,
 дзе позірк мой цешыў прывольны разлог...
 Дзяцінства маё тут, маіх тут пачатак
 і лёгкіх, і цяжкіх жыццёвых дарог.
 Прыціхлая вуліца. Злёгка варушыць
 ветрык галінкі танюткія дрэў.
 І лаўка ля дзікай разгалістай грушы –
 каханне сваё тут калісьці сустрэў.
 Аб чымсьці ледзь чутна мне шэпча бярозка,
 у гародчыках кветкі ля самых акон...
 Жадаю табе, мая родная вёска,
 хай будзе заўсёды спакойны твой сон.

Подстрочник

Светлеет на востоке неба полоска,
 первые петухи робко поют.
 Проснётся вот-вот моя родная деревня,
 а мне всё воспоминания уснуть не дают.
 Вспомнил, когда со своими друзьями
 подростком в школу спешил и я.
 Как бег росным утром из лесочка с грибами
 и слушал у речки в тиши соловья.
 Как пас на лугу за деревней стадо,
 где взор мой радовало привольное раздолье...
 Детство моё здесь, моих здесь начало
 и лёгких, и трудных жизненных дорог.
 Притихшая улица. Слегка шевелит
 ветерок ветки тоненькие деревьев.
 И скамейка у дикой раскидистой груши –
 любовь свою здесь когда-то встретил.
 О чём-то чуть слышно мне шепчет берёзка,
 в палисадниках цветы у самых окон...
 Желая тебе, моя родная деревня,
 пусть будет всегда спокоен твой сон.

Родная деревня

перевод

Светлеет на небе с восточного края
и первый петух еле слышно поёт.
Проснётся вот-вот деревенька родная,
а мне моя память заснуть не даёт.
Припомнилось, как со своими друзьями
подростком спешил в нашу школу и я,
бежал ранним утром из леса с грибами
и слушал у речки в тиши соловья.
Как пас деревенское стадо устало,
но радовал взгляд мой родимый порог.
Здесь детство моё и моих здесь начало
и лёгких, и трудных житейских дорог.
Притихшая улица. Ветер воздушен
на кронах деревьев меж тонких ветвей.
Скамейка у дикой раскидистой груши –
любовь свою встретил когда-то на ней.
О чём-то мне шепчет берёзка, играя,
до окон цветами мой сад окружён.
Желаю тебе, деревенька родная,
пусть будет всегда преспокоен твой сон

Першае каханне

Хаця было ўжо гэта так даўно,
згадаю – неспакойна сэрца б'ецца.
Каханне першае – яно ў жыцці адно
і назаўжды адзіным застаецца.
Мінулі летуценныя гады,
калі свой лёс далейшы вырашалі.
Не пазбіраеш тое, што тады
так лёгка і бяздумна разгублялі.
І выбралі з табою назаўжды
мы розныя жыццёвыя дарогі,
ды ў памяці пакінулі сляды
юначыя надзеі і трывогі...
Хоць адышоў той час у небыццё,
а толькі іншы раз цяпер здаецца:
каханне першае – яно на ўсё жыццё
у глыбіні пачуццяў застаецца.
Яно з душы імкнецца на абсяг,
бо, пэўна, ёсць у ім такое штосьці,
што асвятляе нам жыццёвы шлях
да сталых год ад самай маладосці.

Подстрочник

Хотя было уже это так давно,
Вспомню – беспокойно сердце бьётся.
Любовь первая – она в жизни одна
и навсегда единственной останется.
Прошли мечтательные годы,
когда свою судьбу дальнейшую определяли.
Не соберёшь то, что тогда
так легко и бездумно растеряли.
И выбрали с тобою навсегда
мы разные жизненные дороги,
да в памяти оставили следы
юношеские надежды и тревоги...
Хотя отошло то время в небытие,
а только иной раз сейчас кажется:
любовь первая – она на всю жизнь
в глубине чувств остаётся.
Она из души стремится вширь,
ведь, наверное, есть в ней такое что-то,
что освещает нам жизненный путь
до зрелых лет от самой молодости.

Первая любовь

перевод

Хоть это было давно, но жива.
Припомнишь – тревожно сердце забьётся
Любовь первая – она лишь одна,
и единственной навек остаётся.
Годы мечтаний ушли навсегда,
когда свои судьбы мы выбирали.
Но не собрать нам того, что тогда
безумно легко с тобой растеряли.
Каждый своею судьбой обогрет,
выбраны нами свои и дороги,
только в памяти оставили след
юные мысли, надежды, тревоги.
Хоть это время отправилось ввысь,
изредка кажется, снова вернётся:
любовь первая – она на всю жизнь
в тайных глубинах души остаётся.
Что улетело, назад не вернуть,
но есть в нём, наверно, что-то такое
что освещает нам жизненный путь
с юных времён и до зрелых устоев.

Настальгія

Здаецца нам – нямала год прайшло,
мы шмат у чым змяніліся самыя...
Ды за акном пральецца дробны дождж,
і ўвойдзе ў дом нячутна настальгія.
Яна з тугою прыйдзе па былым,
калі прыпомніш часам на змярканні
маленства безтурботныя гады
і першае ў жыцці сваім каханне.
Калі стары сямейны свой альбом
разгорнеш і часы згадаеш тыя...
Наперадзе амаль усё жыццё,
а мы яшчэ такія маладыя.
Ці прыйдзе, як прысядзеш адпачыць,
і нечакана сам ты зразумееш:
чагосьці вельмі важнага ў жыцці
зрабіць ужо, напэўна, не паспееш.
Здаецца нам – былое адышло,
і клопаты цяпер у нас не тыя...
Але заснуць спакойна не дае
нам па начах самотных настальгія.

Подстрочник

Кажется нам – немало лет прошло,
мы во многом изменились сами...
Но за окном прольётся морозящий дождь,
и войдёт в дом неслышно ностальгия.
Она с тоской придёт по былому,
когда припомнишь иногда на сумерках
младенчества беззаботные годы
и первую в жизни своей любовь.
Когда старый семейный свой альбом
развернёшь и времена припомнишь те...
Впереди почти вся жизнь,
а мы ещё такие молодые.
Или придёт, когда присядешь отдохнуть,
и неожиданно сам ты поймёшь:
чего-то очень важного в жизни
сделать уже, наверное, не успеешь.
Кажется нам – былое отошло,
и заботы теперь у нас не те...
Но уснуть спокойно не даёт
нам по ночам одиноких ностальгия.

Ностальгия

перевод

Нам кажется – немало лет прошло,
мир изменился, стали мы другие...
Но постучится мелкий дождь в окно
и в дом войдёт неслышно ностальгия.
Она с тоской приходит иногда,
когда приносит память в изголовье
младенчества счастливые года
и испытанье первое любовью.
Когда семейный старенький альбом
откроется, припомнятся иные.
Всё впереди, полжизни на потом,
а мы ещё такие молодые
Придёт, когда присядешь отдохнуть,
и тут же неожиданно прозреешь:
уже чего-то в жизни ни вернуть,
ни сделать ты, наверно, не успеешь.
Нам кажется – былое отошло,
и хлопоты у нас уже иные...
Не даст заснуть спокойно, как назло,
нам по ночам бессонным ностальгия.

Дубы над Нёманам

Стаяць дубы над Нёмнам векавя
і іх ніякай сіле не сагнуць.
Як волаты з часоў былых жывыя,
што родны край ад бедаў берагуць.
Пахрышчаныя ветрам і маланкай,
з абдзёртаю, абпаленай карой,
яны штодня, ад ранку і да ранку,
нясуць нялёгкі абавязак свой.
А побач з імі моладзь падростае,
галінкі цягне кволыя да зор.
Мінуць гады, і сіла маладая
на змену ім заступіць у дазор.
Стаяць дубы над Нёмнам векавя,
іх знішчыць і нягоды не змаглі.
Як напамінак пра гады ліхія,
надзейны абярэг маёй зямлі.

Подстрочник

Стоят дубы над Неманом вековые
и их никакой силе не согнуть.
Как богатыри, со времён былых живущие,
что родной край от бед берегут.
Крещённые ветром и молнией,
с содранной, обожжённой корой,
они ежедневно, от утра и до утра,
несут нелёгкий долг свой.
А рядом с ними молодёжь подрастает,
веточки тянет слабые к звёздам.
Пройдут годы, и сила молодая
на смену им заступит в дозор.
Стоят дубы над Неманом вековые,
их уничтожить и невзгоды не смогли.
Как напоминание о годах лихих,
надёжный оберег моей земли.

Дубы над Неманом
перевод

Стоят дубы над Неманом седые
и никакой их силе не согнуть.
Как витязи, с времён былых живые,
что край родной от горя берегут.
Крещённые грозою и ветрами,
с израненной, изодранной корой,
но ежедневно днями и ночами
несут почётный долг свой непростой.
А рядом с ними молодость иная
осваивает ветками простор.
Пройдут года, и сила молодая
на смену им заступит в свой дозор
Стоят дубы над Неманом седые,
их уничтожить годы не смогли,
Напоминая времена лихие, –
надёжный оберег моей земли.

АЛЕКСАНДР КОСТЕРЕВ, 64 г., г. Санкт-Петербург. Поэт, эссеист, переводчик. Публикации в российской и зарубежной периодике: «Смена», «Советская культура», «Новгородская правда», «Тюменский комсомолец», «Уральский рабочий», «День литературы», «Новый мир», «Причал», «Эрфольг», «Таврия литературная», «День и ночь», «Дальний Восток», «Невский проспект», в зарубежных изданиях Латвии, Чехии, Эстонии. Автор стихов более чем к 100 песням на музыку А.Зацепина, С.Березина, А.Укупника, В.Малежика, В.Ярушина и других в исполнении: В.Легкоступовой, В.Леонтьева, В.Ярушина, В.Малежика, Э.Пьехи, М.Шуфутинского, групп «Ариэль», «Иваныч», «Нескучный сад», «Пламя». Занял 2 место в Международном литературном конкурсе имени А.Н. Плещеева в номинации «Художественный перевод» (2022 г.).

**Ամո Տաղիան
Օնի – քուրք օղակա...**

**Համո Մաղիան
ՈՒԻԻՇ ԸՄՊԵՐ ԵՆ...**

Ուրիշ ամպեր են նստել սարերին,
Ուրիշ մամուռ է ծաղկել քարերին,
Ուրիշ աչքեր են նայում արևին:
Միայն սարերն են նույնը մնացել,
Միայն քարերն են նույնը մնացել,
Միայն արևն է նույնը մնացել:
Դու ամալի նման փարվիր սարերին,
Մամուռի նման ծաղկիր քարերին,
Հրճվիր արևով, նայիր արևին:
Արևին նայող աչքերն համբուրիր,
Սարերին փարված ամպերն համբուրիր,
Քարերին ծաղկած մամուռն համբուրիր,
Մեծ ելումուտի այս դուռն համբուրիր...
Համբուրիր ճամփան անցավորներիդ,
Հիշատակները մերձավորներիդ,
Խոնարհվիր նրանց շիրմաքարերին...
Ով գնաց, գնաց,— էլ ետ չի գալու,
Ու եկողներն էլ խորհուրդ չեն տալու՝
Փնտրել անհնարն ու անկարելին:

Подстрочник

Иные тучи дремлют на горах,
Иные мхи в цветенье на камнях,
Иных людей глаза на солнце смотрят!
Только горы остались прежними,
Только камни остались прежними,
Только человек остался прежним.
Ты станешь облаком в горах
Ты расцветёшь, как мох на камнях,
Возрадуйся солнцу, взгляни на солнце.
Целуй глаза, которые смотрят на него,
Целуй облака, что покрывают горы,
Целуй мох, что цветёт на камнях,
Благослови это великое начало...
Целуй путников на дороге,
Вспоминай об ушедших близких,
Поклонись их надгробиям...
Кто ушёл, ушёл, не вернётся,
И пришедшие не дадут советов:
Найти невозможное невозможно.

Амо Сагиян

Другие облака...

перевод с армянского Александра Костерева

Иные тучи дремлют на горах,
Иные краски мхов на их камнях,
Иные взгляды дарят нам надежду,
Пусть снежные вершины высоки,
Безмолвны камни времени-реки,
И только человек остался прежним.
Ты также станешь облаком в горах,
Ты расцветёшь, как мох на их камнях,
Ты насладишься солнцем в даях вечных!
Целуй глаза, что отразили мир,
И облака – таинственный эфир,
И мох, что на камнях цветёт беспечно.
Целуй и поклониться не забудь
Всем путникам, ушедшим в долгий путь,
В воспоминаньях близких и тревожных,
Их каменных надгробий вечный свет,
Нас уведёт туда, где жизни нет,
Но не надейся на пустой совет,
Что станет невозможное – возможным.

Паруйр Севак
Կ

Կ ՈՒ

Կ ու՝
երկու տա՛ն,
Կ ու՝
հասարա՛կ մի դերանուն,
Եվ ընդամենն այդ քո երկու՛ հատիկ տառով
Այս բովանդակ աշխարհին ես տեր անում...
Կ ի՝
երկու տա՛ն,
Ու ես գարնան հողի նման
Քո կենսատու ջերմությանն եմ ընտելնում...
Կ ի՝
երկու տա՛ն
Եվ ահա ես
Երջանկության համն եմ զգում իմ բերանում,
Անջատումին ըմբերանում
Եվ թերանում եվ կատարել հրամանը տառամանքի...
Կ ու՝
երկու տա՛ն,
Ու ես, անգի՛ն,
Ինձանից ինքս վերանում՝
Փոշիացած հերոսների
Դասակին եմ ընկերանում...
Կ ու՝
երկու տա՛ն,
Ու երբ հանկարծ
Թողնում ես ինձ ու հեռանում՝
Լքվաց տան պես ճեղք եմ տալիս,
Ծեփըս թափում, անտերանում,
Եվ կակիծը, ցեցի նման,
Բույն է դնում իմ սյունի մեջ,
Ձեղնի մեջ ու գերանում...
Կ ու՝
երկու տա՛ն,
Կ ու՝
հասարա՛կ մի դերանուն...

Подстрочник

ТЫ

Буквы две.
Ты просто ТЫ.
Лишь две буквы твои
Весь мой мир, это ТЫ.
Как земля от зимы я вдыхаю весну,
Привыкаю к теплу, распускаюсь цветком.

ТЫ

Буквы две.
Как в детстве во сне
Весь счастьем пропитан.
Разлука – пустяк,
Тоску превращаю в картины.

ТЫ

Буквы две.
Вселенский размер,
Космос хватаю ртом.
Я знаю, что знали
Все гении ранее,
То, что познают потом.

ТЫ

Буквы две.
Уходишь, я жду,
Звёзды читаю всю ночь по слогам,
Как брошенный дом
Я ломаюсь по швам.
Горечь въедается в сердце,
Боль поселилась в нём.
Это пройдёт, но останется шрам.

ТЫ

Буквы две.
Ты просто ТЫ.

Паруйр Севак

Ты

перевод с армянского Александра Костерева

Ты –
Две буквы,
И только, –
Мой мир красоты,
После стужи – весна,
И тепло, и цветы...

Ты –
Две буквы:
И только,
В них сны так легки,
А разлука – пустяк,
В акварелях тоски.

Ты –
Две буквы,
И только,
Далеких планет
Недоступный уму
Согревающий свет...

Ты –
Две буквы,
И только,
Уходишь – я жду,
Атлас звёздного неба
Листая в саду,
Распадусь на куски –
Как брошенный дом,
Отголоском потерь
В ждущем сердце моём...

Ты –
Две буквы,
и только...

Мун Чонхи

Моя любовь

내 사랑은 (нэ саранын)
세상에서 가장 순수하고
가장 조용하게 오는 것이
사랑이라면
나는 너를 사랑한 것이 어니다
나는 너와 전쟁을 했었다
내 사랑은 언제나 조용하고
순수한 호흡으로 오지 않고
태풍이거나
악마를 데리고 왔으므로
나는 그날부터
입술이 까맣게 타들어 가는
뜨거운 열병에 쓸어졌었다
온갖 무기를 다 꺼내어
너를 정복시키려고
피투성이가 되고 말았다
세상 사람들은 사랑을 하게 되면
가진 것 다 꺼내 주고
가벼이 온몸을 기대기도 한다는데
내 사랑은
팽팽이 잡아당긴 활 시위처럼
언제나 너를 쓰러뜨리기 위해
숨 막히는 조준으로 온밤을 지새웠었다
무성한 장애를 뛰어넘으며
생애를 건 치열한 전쟁을 했었다
상처는 컸고
나는 불구가 되었으며
단 한 번의 참전으로
영원히 네 눈 속에 갇혀버린
한 마리 포로 새가 되고 말았다

Подстрочник

Если считать, что любовь –
Это самое тихое и спокойное чувство
В мире, то я тебя не любила.
У нас с тобою была война.

Моя любовь приходила,
Не тихо и спокойно дыша.
Она с собой приносила
Тайфуны дьявольской силы.

С самого первого дня
Мои обугленные пламенем губы
Потрескались в огне войны.
Чтобы дух твой сломить,

Все виды оружия в ход пустила,
Сама же утонула в крови.
Люди, влюбляясь,
Не останавливаются в целях и средствах,

А сами телами друг к другу льнут.
Моя любовь –
Натянута до предела тетива.
Чтобы сразить мишень,

Дыхание затаив,
Всю ночь поджидала в засаде,
Преодолевала преграды,
Вела ожесточённый бой.

Ранение сильное, стала калеккой.
Всего одна война,
И я навсегда в плену
Взглядом твоим пленённая птица.

Мун Чонхи

Моя любовь

Перевод с корейского Александра Костерева

Так что же между нами было?
Любовь – спокойный тихий миг?
Покорный вздох? Предсмертный крик,
который я с войной сравнила!

О нет, тебя я не любила...
Любовь с собою приносила
тайфуны, вьюги, майский гром,
а с губ, обугленных огнём,

срывался стон небесной силы
любви, погибшей на войне.
Чего же не хватало мне?
Смирить твой дух её могилой!

Пусть в битвах яростного дня
открылись раны у меня
любви – печальное наследство,
когда есть цель – отыщешь средство!

Любовь, прекрасен твой удел!
Какое адское творенье
капризное переплетенье
судьбы и обнажённых тел...

Ты – сладкий сон, далёкий свет,
удар, летящий из засады,
который не сдержать преградой,
ты – ночь, которой больше нет!

Моя любовь – извечный плен –
Не улететь и не проститься,
как в клетке раненая птица,
которой не до перемен...

АНАСТАСИЯ СУКГОВА, 39 л., г. Сыктывкар. Пишет стихи и прозу для детей на русском и коми языках, занимается художественным переводом. Лауреат нескольких литературных конкурсов и премий, в том числе фестиваля-конкурса «Хрустальный родник», конкурса «Стилисты добра», премии им. Е. Благиной. Член ТО ДАР (творческое объединение детских авторов России). Член СП России. Автор 10 книг сказок и стихов для детей на коми и русском языках. Произведения опубликованы в различных журналах и на Интернет-ресурсах. Заняла 3 место в Международном литературном конкурсе имени А.Н. Плещеева в номинации «Художественный перевод» (2022 г.).

Вячеслав Бабин

Переводы с коми языка Анастасии Сукгоевой

Нинёмла бёрдны, кор мыйкӧ эз артмы,
Нинёмла вӧйпны, мый колис нин кад.
Олӧмыс сэтшӧм – выль дзугйӧ нин гартлӧ,
Водзлань вӧськовсӧ некыдз он артышт:
Кӧникӧ – гу, кӧнкӧ – тӧлк да и лад.

Нинёмла юрситӧ нетшкыны весяс:
Дзормӧм нин сӧ пыдди кудри оз пет.
Пукышт да мӧвпышт, да видлы... А сэся
Адзан, мый муртса и колӧма тэсянь,
Вужвйӧн олӧмтӧ бергӧдны мед.

Подстрочник

Незачем плакать, когда что-то не получается,
Незачем выговаривать, что ушло уже время.
Жизнь такая – в новую ловушку уже крутит,
Вперёд шаг никак не рассчитаешь:
Где-то – яма, где-то – толк и лад.

Незачем волосы рвать впустую:
Вместо седых волос кудри уже не выйдут.
Посиди и подумай, и попробуй... А затем
Увидишь, что немного и нужно было от тебя,
С корнем жизнь чтобы повернуть.

Перевод

Нечего плакать, когда не сложилось,
Незачем ныть, что и времени нет.
Жизнь тебя в новые сети словила.
Шаг рассчитать не успел – закружила.
Где-то провал, но а где-то и свет.

Попусту волосы рвать бесполезно:
Вместо седин не пойдут кудри вновь.
Сядь, поразмысли с собою, да честно –
Малость нужна была, чтобы из бездны
Вытащить жизнь и сберечь ту любовь.

Кад

Жырый шоналіс. Часіой ловзис:
Тіч да точ, тик да ток .
Коркё кыпыда тані овсис,
Өні мыйлакё вывті шог.

Өтнам бовьяла: пельбёссиянь пельбёс,
Дзуртё джодж. Дженьыд от.
Гажтём чөвлуныс чуналё пельын,
Гортса сынөдсьыс быттьё код.

Шусяс лөня, кор тшайник пукта:
– Бать-мам лок. И – чой-вок.
Тіян вошйөмысь керка югдас.
Тіч да точ, тик да ток...

Подстрочник

Время

Комната прогрелась. Часы ожили:
Тик да так, тик да так.
Когда-то счастливо здесь жилось,
Сейчас почему-то очень грустно.

Один слоняюсь: из угла в угол,
Скрипит пол. Короткая ширина (избы).
Печальная тишина звенит в ушах,
От домашнего воздуха словно пьян.

Скажется тихо, когда чайник поставлю:
– Отец-мать, идите. И – сестра-брат.
От того, что помяну, дом посветлеет.
Тик да так, тик да так...

Перевод
Время

Дом согрелся. Часы пробудились:
Тик да ток, тик да так.
Здесь когда-то мы счастливо жили,
А сейчас почему-то мрак.

Одиноко шатаюсь по дому,
Пол скрипит. Тишина.
Звон в ушах да тоска по былому.
И душа будто домом полна.

Помяну и налью в чашку чаю:
– Мать-отец. Брат-сестра.
Станет дома светлей. Полегчает.
...Тик да ток. Жизнь быстра.

Ем да сунис

Ем кёсий мынтөдчыны Сунисысь,
А сійö гартчö да оз лэдз,
Век аслань кыскö вурсьысь чуньясөн,
Кöть бөрö-водзö мыйта педз.

Ем пессьö, суйсьö татчö-сэтчö на,
Но Сунис кутö и оз ор.
А мый жö эськö кывйыв сетчыны
Да öтув вурны дöратор.

Подстрочник
Иголка и нитка

Иголка хочет оторваться от Нитки,
А та крутится и не пускает,
Всегда к себе тянет пальцами швеи,
Хоть сколько назад-вперёд снова.

Иголка бьётся, ныряет сюда-туда ещё,
Но Нитка держит и не рвётся.
А что же если договориться
И вместе зашить кусок ткани.

Перевод

Иголка и нитка

Игле от Нитки оторваться бы,
Но где там – вьётся та за ней.
Швея привычно водит пальцами –
Снуёт Игла быстрее-быстрее.

Туда-сюда нос тычет, мечется,
Но крепко держит её Нить.
А им договориться легче бы
И вместе что-нибудь зашить.

Батьёлён керкаыс эндёмён сулалё,
Мамуклён град йёрын пашкыртчё пельсыс...
Волі ас олёмын кутшём коть му вылө –
Гортса лөнь сындыд медся на мелі.

Ляпкыдик өдзөсөд воськовтлі копырөн,
Кыз нө он копыртчы ас чужан позлы?
Вит чоя-вока көн быдмылім котырөн,
Рыгьяснас кёні ми пөчуккөд ворслім?

Көн шоньд паччёрын, пась улө дзебёмён,
(Пёнарлик вөлі збыль лампочка пыдди),
Төдмасим чоюккөд медводдза небөгөн,
Медводдза мойд олём йывсьыс көн лыддим.

Олём чөж листалі быдсяма книгаяс,
Петавлі шудөйла быдсяма туяс.
...Өні тай батьёлён керкаыс игана,
Мамуклөн синваён бөрдёны пуяс.

Подстрочник

Отцовский дом заброшенным стоит,
На мамином огороде раскинулась рябина...
Приходил в своей жизни хоть в какие земли –
Домашний тихий воздух самый милый.

Через низкие двери перешагивал наклонившись,
Как же не поклонись своему родному гнезду?
Пять сестёр-братьев где росли вместе,
Вечерами где мы с бабушкой играли?

Где на тёплой печи, спрятавшись под шубой,
(Фонарик был вместо настоящей лампочки),
Знакомились с сестричкой с первой книгой,
Первую сказку про жизнь где читали.

На протяжении жизни листал всякие книги,
Выходил за счастьем на разные дороги.
...Сейчас вот отцовский дом заперт (под замком),
У мамы слезами плачут деревья.

Перевод

Дом наш отцовский пришёл в запустение,
Сникла рябинушка мамина рядом...
Жизни куда б ни бросало течение –
Воздух домашний – для сердца отрада.

В избу входил через низкие двери я,
Кланялся стенам, родному порогу.
Пятеро братьев-сестёр – мы в доверии
Жили здесь будто за пазухой бога.

Тут же на печке, укрывшись пальтишками,
(Лампочки свет заменял нам фонарик)
Вместе с сестричкой знакомились с книжками:
Первая сказка и первый букварик.

В жизни своей столько книг я прочитывал,
В путь столько раз выходил за удачей.
...Двери отцовские нынче закрытые,
Мамина красна рябинушка плачет.

Сэтшөм арыс тай! Сэтшөм арыс тай:
Көсьян вунөдны ассыд арөстө,
Көсьян казгыштны сийө кадыастө,
Кор тэ томөн на шөйтін татъясті.

Кутны вежбөрад медбурторъяссө,
Медым вөвлөмыс – лэбис коръясөн,
Медым пуяс моз, кодъяс веськыдось,
Ловби кыпөдчис вывлань эськө да,
Му – мед лөсталис уна рөмөн да.

Сэтшөм арыс! Но лэбө сөмын тай...

Подстрочник

Такая осень! Такая осень:
Хочешь забыть свой возраст,
Хочешь вспомнить те времена,
Когда ты молодым ещё бродил в этих местах.

Держать в памяти самое лучшее,
Чтобы прошедшее – улетело листьями,
Чтобы как деревья, которые прямые,
Вдохновение поднялось вверх бы,
Земля – пусть переливается разными цветами.

Такая осень! Но улетает только вот...

Перевод

Осень чудная! Осень чудная:
Даже возраст свой помню трудно я,
Молодым себя видеть хочется,
Прошлых лет листва пусть уносится.

Только лучшее чтобы помнилось,
Сердце радостью чтобы наполнилось.
Вдохновение – снова верится –
Устремится ввысь статным деревцем.
Пусть земля пестрит-разгорается.

Осень чудная! Но кончается...

VI. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

АЛЕКСЕЙ КУЗИН. 46 л., г. Кропоткин, Краснодарский край. Творчеством увлекся с 2004 года, когда начал работу в системе культуры, возглавив творческий коллектив – молодёжный театр. Ориентировочно с этого же времени были и поэтические пробы, но уделять этому особое внимание стал лишь недавно. В настоящее время отношения к культуре не имеет, но писать стихи, особенно для детей и про детей, очень нравится. Победитель Международного литературного конкурса имени А.Н. Плещеева в номинации «Произведения для детей» (2022 г.).

Жираф

Красивый жираф, цвета яркого марта,
С мозаикой пазлов от шеи до ног,
Увидел меня в городском зоопарке
И не подойти он, конечно, не мог.

Он тихо шепнул мне: «Дай хлеба немного,
Меня здесь не кормят, такой вот бардак.
Ну разве виновен я в том, что дорога
Из булочной прямо ведёт в зоопарк?»

Ему я полбулки отдал, мне не жалко.
– А где же вторые полбулки, сынок?
– Животных не счесть в городском зоопарке,
Я просто чуть дальше увидел слонов.

Индеец

За голубями я гонялся целый день,
Бросал им семечки, пытался их поймать.
От них мне надо было длинных перьев семь,
Но удалось собрать мне только перьев пять.
Но ничего, и перьев пять мне подойдёт,
Украшу ими ободок я для волос.
Индейцем младший брат на утренник пойдёт,
А я для праздника – увы, но перерос.

Лунные качели

С папой мы на той неделе
На воздушном шаре ввысь
Утром ранним полетели,
Прямо в небо поднялись.

День прекрасный и погожий,
А у нас с собой цветы,
Их бросали на прохожих
С поднебесной высоты.

А потом среди недели
Папа ловко подвязал
К нежной радуге качели
И тихонько мне сказал:

«Будем мы кататься вместе
На качелях дотемна,
Если радуга исчезнет,
Есть у нас с тобой луна!»

А потом хвосты кометы
Мы поймали, как коней,
Восемь раз вокруг планеты
Облетели мы на ней.

Я проснулась, утро, просто
Это был всего лишь сон,
Задаюсь одним вопросом,
Не даёт покоя он:

«Если всё на самом деле
Мне привиделось во сне,
Отчего вдруг от качелей
Две полоски на луне?»

Мушкетеры

Нас четверо друзей, мы юные спортсмены,
В спортшколу «Енисей» мы ходим фехтовать.
Компанией своей решили как-то все мы,
лишь мушкетерами друг друга называть.

Один мой друг – Портос, он сильный и высокий,
другого Арамис зовём за тонкий стан.
Ещё один – Атос, всегда немного строгий,
а я среди друзей – весёлый д'Артаньян.

Весь день в заботах мы: учеба и уроки,
но каждый вечер ждёт врагов французский стиль.
Жаль, тренировки все сейчас проходят строго,
Дуэли запретил наш тренер де Тревиль.

Ну, ничего, ещё покажем мы гвардейцам,
Стоим спина к спине, и шпаги наголо.
Эфес в руках горит, и пламенное сердце
в груди – «Один за всех! И все за одного!»

Сила литературы

Что, опять все праздники прошли?
Что, опять разденем ёлку, что ли?
(Целый год в коробке и в пыли,
Будет спать она на антресоли).

Почему нельзя остаться ей
С нами вместе до весны и лета,
Ведь она искусственная ель
В силиконовые иглы разодета.

В Рождество она пускай стоит,
Пусть нас радует она вначале мая.
Мама, вечно у тебя «горит»,
Десять дней мы ёлку убираем.

С ней наш зал наряжен и красив,
Создают гирлянды настроение,
Не прошу лесной же я массив:
Мне оставьте ель, под ней – оленя.

Не могу словами передать,
Как хочу оставить ель без срока.
Я стихи готов начать читать:
Лермонтова, Пушкина и Блока.

Торг уместен, и вопрос решён.
Новый срок – итог сей процедуры,
Стал он тридцать первым январем,
Такова уж мощь литературы!

Угловой

Меня в угол поставила мама,
Но я, в общем-то, не виноват,
Разыгралась случайная драма,
Разыграл ее младший мой брат.

Вазу в зале мячом он футбольным
Пасом точным разбил пополам.
Вазе, думаю, не было больно,
Больно было бы только лишь нам.

Потому я сказал: «Это дело
Моих рук, а верней, моих ног»,
Получив вместо брата за дело
Снова «тренерский» жёсткий урок.

Но об этом я маме – ни слова...
Ничего, для меня не впервой
Слышать мамочки голос суровый,
Направляясь на свой «угловой».

Он же младший, его я прикрою,
И он ценит поддержку мою –
Новогодний подарок откроет,
Мне отдаст шоколадку свою!

Поделка

Из шишек сосновых решили мы сделать поделку,
Собрали их с дедом сегодня в сосновом бору.
Потом в гараже отыскивали большую тарелку,
Её белой краской покрыли, просохнет к утру.

А утром продолжим, приклеим сосновые шишки,
Они, словно ёлки, пушистые будут расти.
Такая чудная идея у деда с мальчишкой –
Оформить поделкой частичку сосновой души.

Наш маленький бор мы засыплем искусственным снегом,
Следами зверей нарисуем тропинки на нём.
Вот так получилось у нас самодельное лего,
Его с моим дедушкой мы смастерили вдвоём.

Два рыжих котёнка

Подбросили нам двух котят вчера ночью,
Две мордочки рыжие тихо сидят.
Им холодно и одиноко им очень,
Мороз вновь лютует, крепчает опять.

И жмутся они, бедолаги, друг к дружке
В надежде согреться хотя бы чуть-чуть,
Два рыжих котёнка среди белой стужи,
Им надо найти срочно тёплый приют.

Двором мы решили: бедняг мы согреем,
Устроим мы домик для наших котят,
Ищите коробку, друзья, поскорее...
На поиски кинулась свора ребят.

Нашли мы коробку, туда застелили
Мой старенький свитер с огромной «ворсой»,
А снизу в коробку ещё подложили
Мы грелку большую с горячей водой.

Котят забрались в свой домик картонный,
Уснули, свернувшись махровым клубком,
Два рыжих котёнка сопят монотонно,
Носами уткнулись, а ушки – торчком.

Мы зонтик приладили старенький сверху,
От снега укрыли бумажный картон,
Игрушек подкинули им на потеху,
Еды притащили из дома потом.

Всю осень и зиму котят сторожили,
Кормили мы их, снег сбивали с зонта,
А к лету у нас во дворе уже жили
Два рыжих пушистых красивых кота.

Катафоты

Я помню в детстве, катафоты
Приладив в спицы колеса,
Гонял на велике в субботу
Без разрешения отца.

И в них мелькало солнце ярко,
Дороге зайчиков даря,
А я всё мчался мимо парка,
Крутил на площадь Октября.

Горячим ветром обдувая,
Мне воздух летний губы жёг,
А я гонял, не замечая,
Пересечения дорог.

И там, на площади у тётки,
Я за копейки эскимо
Купил и ел его в охотку,
(Такое вкусное оно).

Какое это было детство –
Счастливей время не сыскать,
Когда мне запрещал отец мой
Весь день на велике гонять.

Пираты

Мой брат кричит: «Полундра!
Берут на abordаж
Пираты смелым штурмом
Диван – корабль наш»

Смотрю в трубу я, сколько
Пиратов против нас?
Так, папа в треуголке,
Он в лодке, лодка – таз.

А рядом с папой – мама,
Как истинный пират.
На голове бандана,
Нам будет тяжело, брат.

К тому же с ними Лёсик
С повязкой через глаз.
Да ты предатель, пёсик,
Ты должен быть за нас!

Но мы не лыком шиты,
Готовы ко всему,
Пираты будут биты,
Решили посему.

И бросились в атаку,
И шпаги наголо.
Мы выиграли драку,
Возможно, повезло.

Но завтра снова к бою,
Пират – он бою рад,
И надо наготове
Нам быть с тобою, брат.

ЕКАТЕРИНА ПЕРМЯКОВА. 38 л., г. Курган. Член Курганского отделения СМЛ. Участник IV и V Всероссийских совещаний молодых литераторов в Химках (2021-2022 гг.). Победитель областного конкурса «Слово о Человеке Труда», московского поэтического конкурса «Россия – Земля моя!», Всероссийского фестивал-конкурса «Хрустальный родник», межрегионального фестиваля-конкурса «Поэтическая весна в Пречистом крае», фестиваля медиа-поэзии «Отголоски», литературно-музыкального конкурса «Муза» (г.Боровичи), «Степные всполохи-7» (г.Ростов-на-Дону). В 2021 году в Германии была отмечена дипломом «За мастерство». Стихотворения публиковались в альманахах и журналах: «Странник», «Тобол», «Курган. Текст», «Невский альманах», «Александръ», «Формаслов», «Бельские просторы», «Чаша круговая», «Веретено». Заняла 2 место в Международном литературном конкурсе имени А.Н. Плещеева в номинации «Произведения для детей» (2022 г.).

Апрель

Под ногами резвятся, шалят ручейки,
А сапожки мои и быстры, и легки,
Понесутся по вешней воде, шлёп да шлёп,
Им вдогонку скворец песню громкую шлёт.

Положу на ладошку нетронутый снег,
Вроде вот он, но быстро растаял – и нет.
Я замру на мгновение, воздух втянув,
В нетерпении лишь досчитаю до двух

И пуцу по ручью голосащей весной
Уцелевший под снегом листочек резной,
Пусть плывёт, ну а я прошепчу ему вслед:
«Ты апрелю неси мой воздушный привет!»

Семечко

Я грею семечко в руке,
Сжимаю в кулачок,
То поднесу к своей щеке,
То дуну на бочок.
Теплее станет – и в горшок
Я посажу тебя, дружок!

Космическая ёлка

Прошептала Малая Медведица:
«Скоро Новый год, а мне не верится».
Говорит Медведица Большая:
«Ёлочку зимою украшают,
А её на небе вовсе нет...
Слепим ель из маленьких планет!»
И взялись за праздничное дело,
От забот луна насквозь вспотела.
Звёздочки хихикнули: «Из нас
Ёлку собирают в первый раз!»
Вот верхушка и большие ветки –
Рад Меркурий новенькой соседке!
И теперь земле улыбаются –
Светит с неба пышная красавица!

Я иду по лужицам,
Зонтик смело кружится
Прямо надо мной.
Первые весенние
Капельки рассеяны
Тучей озорной.
И летят крикливые,
От тепла счастливые
В небе журавли.
Город мой умоется,
И травой покроется
Краешек земли.

Рукодельница

Сжимают ловко пальцы
Пластмассовые пальцы.
В иголку нитку протяну,
Возьму покрепче холст –
И вот дракон по полотну
Шагает в полный рост.
А захочу, он полетит –
Я вышью линии орбит,
Или кораблик с маяком –
Дракоша станет моряком.
Такое чудо может быть,
Когда в руках игла и нить!

Необычный обед

В стиральной машине урчит не на шутку,
Добавлю в неё покрывало и куртку –
Пусть станет спокойным машинный живот,
Из мокрой одежды сложив бутерброд.
Покрутит, повертит то влево, то вправо –
По вкусу пришлось животу покрывало!
Машина запикает: «Вкусный обед!
Неси мне скорее носки на десерт!»

Осенняя пора

Сорвался листочек оранжевый с ветки,
Ползет мистер Улит к Улитке-соседке:
– Тебя приглашаю на осень смотреть,
С утра отправляйся на старую плеть.
Из мелких росинок мы сварим компот,
Совьём из травинок уютненький зонт.
– Вдруг станет прохладно?
– Мы сядем поближе,
И будет листва шелестеть еле слышно...
Ну что, ты согласна?
– Сосед, приползу,
А ты собирай для компота росу.

Новый друг

Я скучал четыре дня
Во дворе и в доме,
Вот бы завести коня
Прямо на балконе!
Он не лает, говорят,
Не грызёт диваны,
И смеётся, как и я,
Громко, неустанно.
От восхода до зари
Из воды и мыла
Будем дуть мы пузыри –
Мыла бы хватило!
Конь прокатит на спине,
Гривой пощекочет.
«Повезло!» – шепнёт друг мне,
Я отвечу: «Очень!»
Мы с конём съедим калач,
Полкорзины яблок,

Понесёмся снова вскачь –
Ох и беспорядок!
Спляшем весело вдвоём,
Запоём вдруг звучно,
В доме все поймут – с конём
Жить совсем не скучно!

Рулетка

На строительной рулетке
Вижу цифры, вижу метки.
Я тяну её за хвост –
Вдруг на метр хвост подрос!
А потом на два, на три –
Как вместился он внутри?
Меряю свои коленки,
В кухне пол от стенки к стенке,
Толщину у бутерброда –
Вот задача, вот забота!
День прошёл, и ночь уж близко,
Я пишу из чисел списки...
Вызвал жуткий интерес
Замерительный процесс!

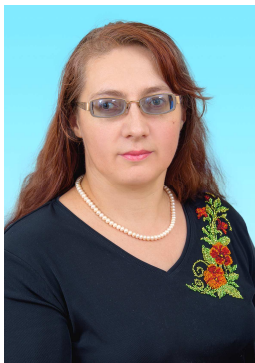
Рекорд

Я решил сегодня твёрдо,
Встав пораньше в шесть утра:
Буду выдавать рекорды –
Закаляться мне пора!
Заглянул я в шкаф и с полки
Взял спортивные трусы,
Чтобы было больше толку
Съел кусочек колбасы.
В ванной таз нашёл я медный,
Ледяной налил воды...
Вдруг я стал внезапно бледным:
– Мама, мама – помоги!
Мама в комнату вбежала,
Стала охать и вздыхать,
– Ну-ка, марш под одеяло,
Нужно больше отдыхать!
Я лежу в кровати тёплой,
Пью с малиной молоко,
Оказалось, что рекорды
Ставить вовсе нелегко!

Восьмилетка

Мне восемь лет. В разгаре лето,
Оно звенит, несётся вскачь,
По ветру юбка льётся цветом,
Во рту конфета, в сумке мяч.
Обую лаковые туфли –
Налюбоваться не могу!
Пустяк, что ноги в них распухли
И жмут в июльскую жару.
Лечу стремглав навстречу солнцу,
Я всех счастливей на Земле!
Пусть вслед унылый усмехнётся –
Мой каждый шаг навеселе.
Хочу набрать букет из радуг
И пышнотелых облаков,
И с головой с разбегу падать
В благоухание цветов.
А с Настей, боевой подружкой,
Лепить куличик на обед.
Класть зуб молочный под подушку,
Ждать чуда. Ведь мне восемь лет.

ЕЛЕНА ГЕШКО, 47 л., г. Тирасполь (Приднестровская Молдавская Республика). Член СП и Республиканского литературного фонда Приднестровья, член Конгресса литераторов Украины. Учитель украинского языка и литературы в МОУ «Тираспольская гуманитарно-математическая гимназия». Поэт, писатель, переводчик. Финалист и лауреат международных конкурсов. Награждена медалями Чингиза Айтматова и МСНД. Автор книг «Дмитрикові стежинки» (2018), «Повернення. Возвращение. Return Home» (2020), «Кошкина азбука» (2020), «Альтанка для душі» (2021). Публикации были в 100 альманахах и коллективных сборниках. Заняла 3 место в Международном литературном конкурсе имени А.Н. Плещеева в номинации «Произведения для детей» (2022 г.).

ПРИШЕЛЕЦ

Рождественская сказка

Кот Васька с удовольствием потянулся и открыл глаза. Сегодня – Рождество, и у него на обед будет вкусная колбаска, угостит бабушка Мария. Правда, где-то ближе к обеду. Бабушка Мария его каждый день угощает, только вот колбаска у неё бывает редко – только на праздники. Да и откуда у бабушки чаще была бы какая-то вкусная еда – пенсии не хватает. Кот Васька уже очень долго жил в этом мире и многое знал. И понимал. Только вот – не разговаривал. Он ещё раз потянулся, поднялся и зашагал на улицу. Спать в подвале у тёплых труб было хорошо, но всё же он не любил бездельничать и почти весь день проводил во дворе. Следил за порядком. Не только за всеми дворовыми котами, но и за людьми.

Люди... Они иногда бывают такими беспомощными!

Выбравшись из подвала, старый чёрный кот уже представлял, как он примостится на своём повседневном посту – на скамейке напротив окон бабушки Марии – и станет ждать. Вот сейчас Пришелец проснётся и выскочит на окно. Увидит его, Ваську, и начнет громко мяукать – звать свою хозяйку. Бабушка выглянет в окно, помашет ему рукой и вынесет покусать.

И так повторается каждый день уже третий месяц. А раньше...

Бабушку Марию Васька любил и уважал. И не он один, но и всё кошачье братство их двора. Старушка всегда подкармливала кошек и защищала их от всех: и от пришлых бродячих собак, и от людей. Да и Васькой она его назвала. Не так-то легко было чёрному котёнку вырасти во дворе и стать его полноправным хозяином. Он был очень ловким, хитрым и умным котом. Никогда сам не лез в драки, но и не прощал никому. С осторожностью и вниманием относился к людям. Всегда знал, к кому подойти, а кого лучше обойти десятой дорогой. С бабушкой подружился давно, ещё с детства.

Правда, пока был молод, не очень нуждался в её обедах, ведь всегда мог себе поймать какую-то мышку, птичку или другую живность. Но каждый раз приходил со всеми дворовыми котами, когда бабушка выносила им покушать. Каждый раз пытался потереться об ноги старушки и помурлыкать – поблагодарить её.

Но однажды бабушка Мария не вынесла котам обед. «Может, куда пошла или проспала?» – подумал Васька и пошёл на охоту. Но когда на следующий день старушка опять не вышла, кот заволновался – что же случилось? В тот день он с самого утра сел на скамейке против бабушкиного окна и начал пристально наблюдать: не шевельнётся ли занавеска? Не промелькнёт ли бабушкина тень в комнате? Сидел довольно долго, но в квартире было тихо. Тогда какие-то неприятные предчувствия залезли ему в душу, а тяжёлые мысли – в голову. Вдруг вспомнил, что вечером бабушкины окна не светились. Даже тусклого света ночника не было видно. «Наверно, случилось что-то плохое» – подумал Васька и бросился в подъезд. Бабушка Мария жила на первом этаже, и Васька за столько лет уже точно знал, какая дверь от её квартиры. Поэтому, оказавшись в подъезде, не задумываясь, поскрёб бабушкину дверь и тихо мякнул. Но из квартиры не было слышно ни звука. Кот мякнул громче, потом ещё и ещё, пока его мяуканье не перешло в истерические вопли. Он уже знал наверняка: с бабушкой случилось что-то плохое. На его крик выбежали люди из соседних квартир. Соседка бросилась к нему с веником: «Прочь отсюда! Детей разбудишь!». Но вместо того, чтобы убежать в приоткрытую дверь подъезда и спастись от веника разъярённой женщины, Васька ещё плотнее прижался к бабушкиной двери и продолжал мяукать, правда, уже не так громко, ведь люди уже вышли и услышали его. Он снова начал скрести бабушкину дверь и тут сосед сверху, дядька Павел, молвил: «Видел ли сегодня кто Марию? Ведь кот не просто так дерёт её дверь. Может, что-то случилось?». Сказав это, мужчина подбежал к двери и нажал пуговицу звонка, потом ещё и ещё. В ответ – глухая тишина. Он постучал и сказал: «Надо открывать дверь».

Тут же кто-то принёс инструменты, а кот тем временем выскользнул во двор и сел на своем посту против окон – наблюдать, что будет дальше. Вдруг услышал вой сирен, и ему стало жутко. Он хорошо знал то большое белое авто с красным крестом, из которого за километр тянуло лекарством.

Машина остановилась у подъезда, из неё выбежали люди в белых халатах. Потом они засуетились в бабушкиной квартире, а вскоре старушку без каких-либо признаков жизни вынесли на носилках, погрузили в авто и куда-то увезли.

Васька ещё долго сидел против бабушкиных окон и корил себя за то, что не созвал людей вчера – может, бабушку и не забрали бы. А так: кто знает, что с ней? Вернётся ли?

Прошло некоторое время, и бабушка Мария вернулась домой. Васька, который каждый день высматривал её, с радостью бросился к ногам старушки. Видимо, бабушке уже рассказали, что это он, Васька, спас её, позвав людей. Поэтому она с котом была очень ласковой и позвала к себе домой. Ваське, привыкшему жить на воле, было немного неудобно и боязно заходить в квартиру старушки, и он робко оглянулся на дверь, которую хозяйка закрыла за ним. Но все же любопытство взяло верх над неведомым страхом, и кот обошёл всю квартиру, всё осмотрел. Бабушка пригостила покусать и позвала кота. Васька, пообедав, ещё раз хозяином прошёлся по всей квартире, убедился, что всё в порядке, и попросился на улицу. И хотя бабушка Мария ещё не раз приглашала его к себе, но он больше ни разу не зашёл в квартиру – всё-таки привык к свободной уличной жизни.

Вот и осень снова на пороге. Васька ловил последнее солнечное тепло, шуршал золотистыми опавшими листьями, привычно гонялся за воробьями. А на ночь всё плотнее прислонялся к тёплым трубам в подвале – всё-таки годы давали о себе знать. Молодым и на улице под кустом мог спать, а теперь всё больше хочется тепла и покоя.

А потом зарядили дожди – и Ваське уже совсем не хотелось лишний раз выходить на улицу. И вот одной такой холодной и сырой осенней ночью он проснулся от того, что его кто-то толкнул под бок. Странно, ведь никто из дворовых котов не мог себе этого позволить, а люди в подвал ночью никогда не заходили. Протерев заспанные глаза, Васька аж отшатнулся от неожиданности: его под бок толкал маленький белый котёнок и тихонько пищал. «Пришелец» – мелькнула мысль. Откуда же он взялся?! Пушистый, чистенький, со странным приятным запахом. Точно, не уличный. Сбежал ли от кого-то, или что случилось? Рассмотрел повнимательнее, приняухался. И вспомнил тот странный приятный запах – это же в их доме на девятом этаже живёт такая красивая белая пушистая кошечка! Её никогда не выпускали на улицу, но иногда носили в сумке с окошком и возили на авто. Это, видимо, её малыш. Но чего же он здесь? И тут он увидел, что один маленький глазик затянут какой-то плёнкой, словно налётом. Тогда Васька всё понял: котёнка просто выбросили! Он, видите ли, слепой на один глаз, так что людям оказался ненужным. А разве он виноват, что таким родился?! Что за люди! И что ему теперь делать с этим малышом?

Старый кот прижал к себе котёнка большой чёрной лапой, пригрел, и малыш уснул. Но Васька уснуть до утра так и не смог. Всё думал: что же делать с малышом? Он, бедный, на улице не сможет выжить: мало того, что незрячий, да ещё и домашний – без каких-либо навыков жизни на воле. И только под утро счастливая мысль промелькнула в кошачьей голове: бабушка Мария! Конечно, как же он раньше не додумался?! Старая одинокая женщина не раз звала его к себе жить. Но не подобало ему, уличному свободолюбивому коту, на старость лет позволить закрыть себя в четырёх стенах. А вот

Пришелец как раз и нуждается в уютном доме. А то, что слепой – не страшно, бабушка его и пожалеет, и накормит. Так решив, Васька аккуратно взял котёночка зубами за загривок и отнёс под дверь бабушкиной квартиры, поскрёб и тихо мяукнул. Старушка открыла и всплеснула в ладоши: откуда ты его взял? А котёночек начал громко пищать – просить кушать. Поэтому бабушке ничего не оставалось, как забрать малыша домой.

Так и повелось с тех пор: Пришелец живёт у бабушки и каждый раз зовёт её к окну, как только увидит Ваську на скамейке под окнами. Правда, женщина назвала котика Бильком, но для него, для Васьки, тот навсегда останется Пришельцем.

Так размышлял старый чёрный кот, бредя снегом. Идти ему становилось всё труднее и труднее, ежеминутно что-то стесняло грудь – не давало дышать. Наверное, он не дойдёт уже до бабушки Марии и не увидит больше своего Пришельца – пора ему за радугой. Но он не боялся и не жалел о прожитой жизни. Ведь успел спасти аж двоих и сделать их счастливыми. Видимо, его жизнь не прошла зря. Разве стоит о чем-то ещё мечтать?

Бабушка Мария с тоской смотрела в окно, а пушистый белый снег всё падал и падал, засыпая всё вокруг. Рождественские колокола давно отзвенели, но радости и счастья у старушки почему-то не прибавилось. Не было праздничного настроения. Совсем. Старая одинокая женщина. Дети и внуки далеко. Никому не нужна, разве вот этому котёнку. Ещё был Васька, но сегодня не пришёл. Уже и не придёт – чувствовала. Да и Бильк грустный весь день и на окно не вылезал даже – какое-то кошачье предчувствие. Знала, что потеряла сегодня верного друга. Где-то замело его снегами. Поговаривают люди, что кто отходит на большой праздник – то попадает прямо в Рай. Есть ли Рай для кошек? Не знала. Потому что Васька точно заслужил своей жизнью быть в Раю. Спас её, Билька и свёл их вместе. Не каждый человек на это способен, не то что кот.

Слёзы беззвучно катились по морщинистым старческим щекам.

А снег всё метёт и метёт за окном: замечает тропинки, замечает мысли, замечает саму жизнь... снег. Зима. Рождество. Праздник...

Праздник... Васька открыл глаза. Вокруг – вечное лето. Счастливые люди. Птички распевают волшебных песен, весело кружат бабочки над головой. Где и делась его тяжёлая старческая походка – снова ловкий и быстрый, как в молодости. Принюхался – потянуло чем-то вкусеньким. Пора и пообедать! Так где же это он? Наверное, в Раю?!

Надеялся, что со временем встретится здесь с бабушкой Марией и Пришельцем. И с другими друзьями. Только ещё не сейчас. Потом. Позже. Пусть поживут ещё земной жизнью.

Праздник...

VII. ЛАУРЕАТЫ ОБЛАСТНОГО КОНКУРСА ПРОЗЫ ИМЕНИ В.Г. КОРНИЛОВА

*К 100-летию выдающегося
русского писателя
Владимира Григорьевича Корнилова
(1923-2002)*

Богданова Мария Александровна
Конкурсная номинация «Рассказ»
Возрастная группа (18-35 лет)

ОДИН ТАКТ ИЗ ПЬЕСЫ ЗАБЫТОГО ЖИЗНЬЮ (Фрагмент биографии аккордеона по имени Аккордеон)

рассказ

Аккордеон был стар и никому не нужен с тех пор, как выпустились последние ученики, три дня в неделю исправно ходившие в кабинет номер пять, чтобы повидаться с ним. Старику нравилось такое внимание, он был безгранично счастлив, пусть уже и пыхтел, когда выдавал сочные басы и звонкие переливы, но это не мешало ему оставаться одним из самых хорошо звучащих инструментов в школе.

А теперь... А что теперь? Ненужный стоит, пылится в шкафу.

Эх! Раньше-то на нём какие пассажи играли! Какие вариации! Шустрые пальчики быстро бегали вверх-вниз, щекотали его, побуждая горланить на всю округу... А во скольких городах он был, во скольких сёлах? Глядели на него старушки, желая пуститься в пляс да вспоминая свою молодость; наблюдали за ним пристальным взглядом члены жюри на конкурсах; влюблённо смотрел тот, кто так старательно учился на нём играть, пока его ровесники гуляли и отдыхали.

«Опять они! Ироды! Отстаньте же вы от меня, наконец! А ещё ученики! Брякнуть бы ваше фортепиано об пол, посмотрел бы я, как мучается, интеллигенция, черт её дери!» – возмущённо пробасил он «фа» малой октавы, когда «приземлился» на стол, несколько раз ударившись об угол благодар хилым ручкам юного пианиста, что так отчаянно старался не выронить его.

И, правда же, – ироды. Схватили, поцарапали, протащили по полу, потому что не в силах нести такой добротный инструмент, оторвали еле живой ремень, блямба, которого в последний раз звякнула и затихла; кое-как уместили на учительском столе, смяв все ноты.

Иродами он справедливо считал первоклашек и второклашек, часто приходивших в этот кабинет. Дело в том, что здесь проводили хор, потому что акустика в помещении была прекрасной, да и места было много (раньше здесь репетировал оркестр народных инструментов и местный ансамбль, к сожалению, от них осталось лишь огромное количество мягких стульев, воспоминания, несколько грамот да пара домр, стоявших рядом с баяном). Ребята приходили раньше всех – уроки так заканчивались, всё-таки начальная школа, там много уроков не бывает; ждали учителя, да и остальных учеников, приходивших несколько позже. А проводить время за простым ожиданием тяжело детям в силу их здорового любопытства и озорства, так что они копались по шкафам, пусть и ругали их за это часто и долго, бродили по кабинету, носились по коридору, за что непременно получали уже от уборщицы. В один такой час ожидания они и нашли старика в одном из больших деревянных ящиков. Помучили ребятки знатно инструмент: попиликали, понажимали кнопки, регистры все побивали, да и поставили назад, чтобы проблем не было от строгой и вечно злой Валентины Митрофановны. С этого момента и началась вечная пытка для того, кто живёт в шкафу.

После каждого такого «обследования» Аккордеон долго приходил в себя: регистры саднило так, что он бы заплакал, если бы умел... А такое случалось часто, хор-то проводили аж два раза в неделю... И лежал он подолгу с провалившимися внутрь клавишами, с растянутым, уже слабым мехом. Одна у него отрада была: с левой стороны, там, где басы, они же чёрные круглые кнопки, жил заботливый, маленький и любивший покушать в огромном количестве мух паук (от этого-то и сипел часто Аккордеон: паутины было в нём столько, будто не один паук жил, а около десятка). Только он помогал ему не терять надежды на то, что мучения его закончатся, что придёт, наконец, учитель по специальности «аккордеон, баян», починит его и будет играть, потом будут играть, а не мучить его, дети. Согревал паучок паутиной, пару раз даже мух ему предлагал, но инструмент вежливо отказывался.

И только когда полуденное солнце пробивалось сквозь шторы, проходило сквозь деревянные двери шкафа, как прежде начинала блестеть его рубиновая крышка. И возвращался тогда старик мысленно во времена, когда горел музыкой вместе с тем, чьи пальчики так ловко и умело играли невообразимые пассажи.

ВЕТЕРОК

рассказ

Она шла по осеннему парку и вдыхала аромат уже пожелтевших кленовых листьев. Сев на заваленную сухими листьями скамейку, она вздохнула и вдруг почувствовала вихрь ветра вокруг себя. Это было настолько необычно, что она обернулась, пытаясь увидеть, кто или что этот вихрь запустил. Конечно, никого и ничего рядом не было, но так казалось лишь сначала. Повернув голову направо, к своему изумлению, она увидела Его. Он посмотрел на неё восхищённо и сказал:

– Добрый день, прекрасная незнакомка!

– Здравствуйте, – ошарашенно ответила она и не могла поверить своим глазам.

Перед ней стоял силуэт молодого человека, но самого молодого человека не было. Были только его очертания и тёплый голос, в который хотелось укутаться.

– Вы чем-то удивлены или обеспокоены?

– Я не могу вам ответить, что не удивлена. Могу я узнать, кто вы и почему вы говорите со мной.

Это единственное, что её беспокоило на данный момент.

– Я – Осенний ветер, но вы можете называть меня Ветерком. Я тёплый и ароматный, я гуляю по городам, посёлкам, лесам и паркам в тёплую осеннюю погоду, когда всё вокруг светится от яркого солнца и обилия листьев. Между прочим, многие люди мной наслаждаются и восхищаются, к моему удовольствию. Я увидел, что вы грустите, и решил спросить – почему вы в таком состоянии?

– В каком таком? У меня совершенно обычное состояние

– Ну, я и говорю, обычное состояние. Мне кажется, вы потеряли себя, вам чего-то не хватает.

– Возможно, я часто думаю об этом.

Он прокрутился вокруг неё и радостно сказал:

– Я думаю, что смогу вам помочь, если вы всецело доверитесь мне.

И она рискнула. В этот же миг она с Ветерком закружилась в быстром танце, оказавшись тут же в совершенно другом измерении. Точнее, находились они всё в том же парке, но всё вокруг было иное.

– Что вы видите вокруг себя? – спросил её Ветерок.

– Я вижу... себя.

Она действительно видела себя. Вот она веселится в кругу друзей и подруг, решая, в какую настольную игру она хочет играть сегодня. Вот она с родителями пьёт чай, сидя за круглым столом, и не может выбрать конфету. А вот и магазин, в котором она выбирает новые туфли и не может сделать

выбор. Где-то в стороне вновь она видит себя, заполняющую анкету на онлайн обучение и сохраняющую её в черновиках.

– А я знаю, что вам не хватает, – сказал Ветерок и засмеялся. – Вам всего лишь нужно посмотреть на меня, и вы всё поймёте. Как вы думаете, какое моё основное качество?

– Вы прозрачный, – ответила она смущённо.

– Ну-у-у, это даже обидно. Я не прозрачный, я лёгкий. А вам легкости не хватает.

Она задумалась. Действительно, легкости ей недостаёт, а именно лёгкости решений. Она не может выбрать десерт, игру, туфли, тему курсовой работы, не может решиться на важные для себя изменения. К ней пришло понимание того, что она сама всё усложняет и затягивает в своей жизни.

Она осознала, что нужно просто довериться самой себе и своему внутреннему голосу, что всё, что действительно важно и нужно, приходит в голову внезапно. А если между чем-то стоит выбор, то выбирать то, к чему ближе твоя душа.

В это момент она вновь закружилась и оказалась в том же парке, на той же скамейке, где познакомилась с Ветерком, только была она совсем другая.

– Спасибо, Ветерок, – крикнула она, и прохожие начали оборачиваться в её сторону.

В ответ вокруг неё пронёсся вихрь тёплого ветра, и она поняла, что Ветерок услышал её.

Манина Ирина Леонидовна
Конкурсная номинация «Рассказ»
Возрастная группа (36-45 лет)

ПОЛНОЛУНИЕ

рассказ

М.М., сотворцу

Я жду, когда пружина мгновений растянется до конца, с усилием надавливая на створку двери. Пружина упряма, сопротивляется, не пускает меня в лунный сад отчаяния. Иссохшая под ярким солнцем Персии душа зовёт меня туда, где в фонтанах плещутся лунные брызги, где опасным серебром щетинятся кипарисы. Никогда ещё меня так, словно вора, не тянуло в чужой сад, в чужой двор, в чужой дом... Сквозь щель я не вижу ни фонтанов, ни кипарисов, ни выложенных блистающим камнем дорожек. Там по периметру

КОСПРОМА

глиняного забора, как древние изваяния, сидят полудикие кошки, а вершину одинокой смоковницы занимает их пятнистая царица-полукровка.

Наконец дверь распахнута, пружина вытянута в тонкую струнку, музыкально вздрагивает. И я понимаю, что попал на сотни лет назад. Истлевшее дерево калитки крошится в руках, ручка и пружина рассыпаются в ржавый прах. Спасая свою жизнь от водоворота времени, дверца захлопывается, оставляя меня в чужом доме, в чужом мире. С громким звуком струна сворачивается в упругую спираль, чтобы вернуть время вспять, чтобы восстановить ход привычных вещей, которым предстоит век за веком следовать в едином потоке, но уже без меня.

Шагаю вперёд, но мышцы сводит от невозможности это сделать. Прикладываю усилие, поднимаю ногу, сгибаю в колене, я будто борюсь с толщей воды. Задумавшись над последовательностью движений единственного шага, понимаю, что разучился ходить...

Когти царапают земляную поверхность двора, оставляя глубокие борозды там, где днём стояли ноги в сафьяновых сапогах. Поднимаю голову к светлому ночному небу и понимаю, что вижу два светила. Одно, будто горячий лаваш из печи, другое – наполовину объеденная корка – тонкий серп. Две стороны одной луны? Прошлое и будущее? Как я могу смотреть сразу в двух направлениях?

Пытаюсь закрыть глаза руками, ведь мои веки прозрачны, и свет луны слепит меня, когда я опускаю их. Где мои белые пальцы, перепачканные чернилами из сажи? Руки черны, словно южная ночь, словно крылья ворона. И нет больше продолговатых человеческих ногтей, когти загибаются, словно крючья... Человек ли я?

Кошки смотрят на меня круглыми глазами и молчат. Луна треплет их загривки, окрашивая шерстку в холодный серебряный цвет. Только я остаюсь чёрным пятном на белом запертом дворе.

Аромат благовоний, женского безумия, вызванного полной луной... Нюх обострился. Влекомый кружащими голову запахами, я направляюсь к единственному доступному мне входу. К двери дома в кайме льющегося изнутри тёплого света. В ушах стоит серебряный перезвон колокольчиков. Это незрелые росинки перекатываются по упругим лепесткам сомкнутых на ночь бутонов. Это холодный ветер пустыни играет бусинами и черепками в дверях лавок, предупреждая: «Ночной покупатель идёт... И самоцветы его интересуют меньше всего...»

Выставляй, праведный народ, мисочки с молоком, вывешивай пучки пахучих трав у порога, возжигай курильницы спящим богам да плотнее затворяй створы на окнах. Это ночной морок, тот, о ком нет упоминаний в древних мудрых книгах, кто не оставляет воспоминаний о себе, сжигая память, словно плоть после тяжёлой болезни, и развевает пепел за пределами городских стен. С заразой именно так и нужно поступать. В костер её – пусть языки пламени пляшут, пусть кости трещат, а сухожилия ломают в последнем жесте проклятия мёртвые руки. Не будет вам прощения... Вечные муки нашла́т на вас Луна...

Звук колокольчика затухает. Последний «дзинь» тонет в ночном небе, рождая ровные круги в воздухе, – будто капля упала в пруд. Первый круг растёт и всё быстрее гонит перед собою душную волну воздуха. Качнувшись от тупого удара в широкую спину, я приникаю к земле и едва не ползком перебираюсь под защиту стены. Куда делись мои обычные ловкость и лёгкость? Неповоротливое тело будто наполнено свинцовой тяжестью. Я чувствую зарождение новой волны, которая не оставит после себя ничего разумного. Будто движимый волной, я касаюсь щекой неплотного заслона двери, раскидываю в широком объёме руки, тень от которых на белой стене растягивается в большие крылья, и слышу биение чужого сердца, заточенного в темнице стареющего тела. Стремясь найти укрытие, преодолеваю густой аромат смолы и хвои, заслон из чеснока и других остропахнувших трав. С большим трудом – длинные загнутые когти мешают – я щёлкаю тем, что недавно было моими пальцами, и прохожу, чернильной тенью закрывая свет лампы, провожу крылом над темноволосой головой спящей женщины...

Дом сотрясается от страшного удара. Спящие люди не ощущают его, ибо не осыпаются стены и потолок, даже звонкие кувшины в стеновых нишах остаются на местах. Только поднимают голову мудрые коты и выгибают спины, чуя опасность, глупые котята... На соседнем дворе воет собака, бросая вызов жирной луне. А я разгибаюсь, вдыхаю полной грудью и – о диво! – задеваю головой высокий потолок.

– Сен... Сатурн... – шелестит ветер, даруя мне чужое имя, оставляя этим свободу и надежду на возвращение. Куда мне до чёрного бога всех птиц, зверей и гадов морских, но не его ли калитку я отворил, поддавшись в безумии наговору луны?

Сметаю всё на своем пути, но из уважения к хранителям дома поднимаю крылья, чтобы не опрокинуть мисочки с молоком, и слушаюсь повелевающего зова, унося на кончиках перьев ровное дыхание спящей. Меня зовёт небо, светлеет и растворяется лунная дорожка, по которой вперёд проносится серый выводок бабочек. Что-то внутри меня порывается броситься за ними в погоню, но я чувствую чужое присутствие и по-птичь поворачиваю голову, одним глазом рассматриваю видение, обретающее плоть и кровь. Женщину с длинной палкой, на один конец которой намоталось облако. Как я сразу не догадался, это сачок, и бабочки – её добыча. Лишь чёрные волосы стыдливо прикрывают молочную белизну кожи. Душа спящей не ведаёт о том. Её пылкий взгляд прикован к изменчивому лику Луны, сейчас благородно и добродушно округлому, а мгновение назад капризно сморщившему нос на стаю ночных бабочек. Сачок – это не крылья, но женщина уже парит над крышами спящего города, словно пёрышко, легко преодолевая все границы.

Всполохом разноцветных искр обернулось мое желание взлететь следом. Узкоглазые лунные мастера могут ехидно шуриться и потирать ладони: фейерверк удался. Вспыхнули кошачьи глаза, размножившиеся зелёные искры запрыгали, с их пушистых хвостов на белый песок соскользнули серебристые и, будто живые, эти огоньки пустились вприпрыжку ко мне. И вдруг я увидел себя нового... Свои скрюченные в птичь лапы ладони, ногти, заострившиеся

КОСПРОМА

в когти, покрывающий получеловечье-полуптичье тело редкий чёрный пух. «Это бред полной луны... Я никогда не гулял по крышам... Я не забирался в чужие сады... Но, может быть, раз я не узнаю это тело, то это и не я вовсе... – подкралась трусливая мысль. – Или меня прокляли ифриты, заточив в тело чудовища...»

Подобрав крылья, словно тяжёлые длинные одежды, я осторожно переступил с ноги на ногу. Когти, словно тяжёлые шпоры, взбороздили песок, быстрым росчерком рассекая несколько огоньков надвое, но.... так их стало только больше.

Больше не было шума глиняных черепков и костей. Только навязчивое трепетание хрупких крыльев бабочек. Сильное тело вдруг оттолкнулось от земли и, расправив огромные крылья, взлетело. Взгляд вниз, а за мной, словно неровные оборванные нити, искрящаяся бахрома, потянулись зелёно-серебряные огоньки, разгоняя ночную темноту. Внизу город, вверху небо, а бабочки летят дальше. Едва сдерживая себя, я скрипнул зубами. Не уйдёте, поймаю хотя бы одну...

Инстинкты хищника просыпаются во мне, терзаемый охотничьей завистью я слежу, как женщина большими скачками преследует бабочек, словно играя в салки. Их серые крылышки пропитываются светом луны, брюшко раздувается от искрящегося воздуха, бабочки желтеют и вспыхивают, как огоньки, и вот уже – бьются, зажатые в сачке, чтобы через мгновение отправится в рот моей спутницы. Я чувствую её возбуждение и едва сдерживаюсь, чтобы не перехватить хотя бы одну, но безумная берёт мою готовую к броску птичью лапу первой и кладёт на упругий живот. Стараясь не оцарапать тонкую кожу, скольжу по животу вверх, следом за скачущим внутри огоньком, по ложбинке между грудей к тонкой шее, но не знаю, как поведёт себя птичья лапа – реши жёлтый огонёк вырваться на свободу тем путём, что попал внутрь. Сожмётся на шее или нет? Тогда не поможет истерическое трепетание хрупких крылышек, пыльца которых будет бесплодно осыпаться, если я зажму его между двух отточенных когтей. Только мне не добраться до этого жёлтого огонька. Я могу бесконечно рисовать его в своём воображении, потому что тот успел спрятаться в мраморную крепость. Я усмехаюсь, склоняясь перед неприступными бастионами, шепча:

– Почему она нашла пристанище в тебе, а не во мне?

– Потому что она моя, а не твоя, – женщина говорит торопливо, будто оправдываясь, о том, что ночь не принадлежит ни мне, ни ей, что ночь сама по себе, что она царствует над миром. Её не обогнать и не переждать. Она делает всё, что захочет, и нет другой справедливости, кроме её воли. И никто не проснётся, пока она не наиграется.

Слова женщины проходят мимо сознания, как и те, первые, в которых я не смог уловить то чуждое имя. С запозданием я понимаю – почему. Ночью нет места именам, так же как все кошки остаются серыми, так и люди, мужчины и женщины, должны оставаться безымянными. Дэвы ночным ветром или тенью на белой стене могут подслушать имя и завладеть тобой.

Над плечом моей призрачной спутницы плетёт вязь из обрывков сновидений целая армия блеклых мотыльков. Они некрасивы. Они ждут своего преображения. Как я хочу дать им его! А очертания клетки, в которую были заточены свет и тепло единственной бабочки, меня больше не волнуют. Крылья за моей спиной вдруг развернулись, взрывая воздух топорщащимися перьями, загребая его потоки, будто огромные щербатые лопасти. Ещё не привыкнув к новой для себя ноше, я пытаюсь удержать в равновесии готовое к падению тело и, отпрянув назад, отступаю за край пологой крыши. В памяти мелькает детской испуг... На той лестнице не было перил, и я снова падаю вниз...

Но я замер, дрожа на прохладном ночном ветру, будто приплясывая на кончиках пальцев женщины, которыми та придержала меня за подбородок, прервав падение. Крылья качнулись, сходясь в арку над головой, и поставили меня обратно на крышу. Они, это они спасли меня, а не хрупкие женские руки, одна из которых держала сачок. Я просто парил в воздухе, когда смотрел в её глаза. Укутавшись в тяжёлый плащ чёрных крыльев, я превратил тень на соседней крыше в подобие огромной птицы.

– А где твоя чадра? – мужчина во мне, наконец, очнулся. Взгляд скользнул по округлым коленям, по светлым бедрам, животу, в котором всё ещё мерцает и пляшет бабочка, остановился на тёмных каплях сосков. – Где твои одежды и где твои спутники, одинокая ночная женщина?

Когтистая ладонь-лапа прикрывает глаза. Если она вспомнит о стыде... Она уйдёт... Она забудет о том, что можно летать, и все бабочки будут мои. Её бабочки станут моими...

Подавив визг и слёзы, голая женщина впилась пальцами в черноту неба и с силой рванула её на себя. Со звуком, похожим на треск, с которым мёд отделяют от сот, чёрная ткань ночи лопнула, обнажая далёкие звёзды, рассыпанные искрами от затоптанного костра, мерцанием выпавших из мешка грабителя драгоценностей. И вот уже всё, что мне доступно – это половина лица, даже не целый лик, как у Луны. Обманул себя в очередной раз собственной наивной хитростью.

Вспыхнула катящаяся по щеке женщины слеза. Я не смог оторвать взгляда от переливающейся капли, которая уже падала вниз, рассекая крышу и плоть земли. Не понимая, как это случилось, я уже оступился и летел вниз головой в чёрный колодец, прижимая к груди невольную спутницу. Мимо нас проносятся стены, старые улицы и дома, засыпанные песчаными бурями, пещеры. Замшелые камни, никогда не видевшие неба, шуряют из-за нас, перемазанных в белесой краске верхнего света. Я попытался стереть его, липнувший к пальцам, вытирая о стены полузатопленного зиндана, но бесполезно – только оставил на них блики света. Оступаю и падаю в воду. Здесь неглубоко, колени бьются о каменное дно, широкие крылья раскидываются по тягучей поверхности воды. Лунные лучи, которыми я успел изрисовать стены, оживают и будто змеи скользят по ним, с шипением опускают в воду, рождают в ней радужные пузырьки, которые поднимаются вверх и лопаются с громким несказочным звуком «чпок».

Крылья, окунувшиеся в маслянистую, липкую и тягучую, словно нефть, влагу подземного озера, начинают светиться. Зелёные искорки, спрятавшиеся во время полёта в пухе, выбираются наружу и, соприкасаясь с чёрной водой, разжигают костры из птичьих перьев. На секунду мне кажется, что это я, диковинная жар-птица, освещаю тёмные закутки подземной пещеры.

Поднимаясь из радужного круга потерянного колодца, что стал для меня тем самым корытом для завсегда хабарата, глубиной по уши, я неожиданно вижу, как в воде дрожит моё отражение. Черноглазый худенький мальчик с рассыпанными по острым плечам смоляными, чуть вьющимися волосами. Затем отражение разлетелось на тысячи брызг, а в каждом – моя беззаботная улыбка, мой смех. Рука с ледяной водой касается моей груди, обжигает и заставляет очнуться. Женщина, словно хищная ночная птица, запертая в обычном птичнике, начинает кружить по подвалу: «Симург... ты умеешь петь? Ну, или свистеть?»

Слышны звуки рассекающегося под её руками воздуха и плеск ступающих по воде ног. Женщина легко меняет цвета, будто кусок руды, попавший в плавильную печь. Вначале она кристально-сера с узким поясом ржавчины по девственным бёдрам. Затем под жаром огненных ласк обугливается до черноты и, уже изнемогая, выпускает наружу сокровенную себя, ало-золотую, мерцающую, горячую, текучую... Я вдруг осознал, как много человек взял от неживой природы в своей сути, в своих повадках. Той, что молчаливо поит, обогревает и холодит, подчиняется и убивает.

– Если я выгляжу, как птица, то должен уметь петь?

С опущенных плеч, с опущенных крыльев капают зелёно-золотые капли. Кап-кап-кап. По воде расходятся белесые круги, в которых тонет моя временная разноцветная личина. И тут я улавливаю сытный запах медовых лепёшек. Живот тут же подвело от пустоты, и хищник внутри меня вспомнил о невыполненном желании.

Куда ушла боль из сердца, что заставляла его прежде замирать от счастья и тревоги? По-птичьи склонив голову к плечу, – когда у меня появился этот жест? – пытаюсь дать себе отчёт во внутренних ощущениях и понимаю, что музыки внутри меня нет. Есть только надоедливый шелест крыльев бабочек в ушах, который шёлковой лентой проникает сквозь ушную раковину в мозг и бьётся там на сквозняке. Сквозняк в голове... – улыбка ложится на губы. Я не могу видеть её, но чувствую. Да и удостовериться в ней легко, нужно лишь заглянуть в чёрные глаза женщины, но фарваши знают, что увижу я в её зрачках, когда пойдёт снег.

Снег? Я закрыл глаза, пробуя на вкус диковинное слово, и воспоминание о холодной горной стране, где люди кутаются в вывернутые овечьи шкуры, нахлынуло на меня. Там тоже есть бабочки. И летом – пестрые, бойкие. И зимой – холодные, тающие на ладонях – зимние бабочки, снежинки.

Мелодия была незнакомой, следовало к ней прислушиваться, чтобы не сбиться. Меня преследовала лишь одна фраза. Она была готова занять любое пустое место, а потому я осторожно делал паузы, каждый раз, чтобы набрать

воздуха в лёгкие. И каждый раз тот становился всё холоднее, обжигая мои внутренности.

С запозданием я понял, что полотно из бабочек больше не шевелится, превратившись в ледяную бахрому. Мой голос перекрывается каркающим голосом женщины, свернувшейся среди осыпающихся с потолка пещеры трупики бабочек: «Вверх!» И, больше ни о чём не думая, раскидываю свои крылья.

Я опускаю женщину на землю, на соткавшийся вновь песчаный покров, который мгновение назад изверг нас наружу. Заглядываю в бледное лицо – отражение луны, убираю загнутым когтем смешной завиток, прилипший к её вспотевшему лбу, и отпускаю тело, которое жаждет освободиться.

У меня есть кое-что поинтереснее. Полет длился миг, но я успел... Раскрываю сжавшуюся в кулак ладонь второй руки-лапы и смотрю на смятые-переломанные крылья прозрачной бабочки. Она шевелит хрустальными усиками и, кажется, пытается взлететь.

Наверное, меня оглушила земля... Волною накрыла неимоверно круглая и большая луна, будто из медного таза плеснув серебряной влагой, и лунная вода попала в уши. Иначе почему голова гудит и тревожит какое-то неисполненное обещание? Хотя, казалось бы, то, чего я желал, исполнено. Медленно роняю взгляд в душу женщины, приблизившейся ко мне. Чего в ней только нет! На мгновение, которое готово послушно растянуться в бесконечность, прикрываю глаза и вижу её же, свою спутницу, но раскинувшуюся на земле, словно на мягком ложе. Горячие руки зарываются всё глубже в мои перья, ласкают пух, и кончики пальцев робкими поцелуями касаются кожи. Если бы я был воском, то я бы растаял и от меньшего тепла. Я будто вернулся после долгого странствия домой, и любимая женщина обняла меня. И я снова стал мужчиной, лишившись проклятых крыльев отчаяния и надежды, которые годами горбили меня, заставляя держать взгляд опущенным долу. Набираясь сил в неожиданных объятьях, я распрямляюсь, чтобы гордо принять взгляд Ночной Госпожи, и мой внезапный крик боли нарушает тишину.

Теперь я слышу, как за забором бьётся, заливаясь лаем, собака, как течёт под землёй густая чёрная вода, как за спиной чужие серые бабочки шелестят крыльями, когда облаком перелетают с одного дерева на другое, с хурмы на карагач, как бормочет женщина: «Она заберёт всё... всё-всё, всех-всех... всего тебя... у меня...»

Открыв глаза, я кричал, потому что с моей, протянутой, как и прежде, ладони капает кровь. Мотылёк ухмыляется чёрной пастью и медленно, но верно увеличивается в размерах. Минутное замешательство, и я сбрасываю его, подросшего до размеров голубя. Приходится приложить усилие, ведь лже-бабочка цепляется липкими лапками, пытается удержаться, тянется к ране, из которой продолжает сочиться чёрная в лунном свете кровь.

С трудом стряхнув его, ногой ли – лапой, я оттолкнул ужасную тварь от себя, а женщина уже фыркает от смеха, наблюдая, как та бочком отползает, не решается напасть вновь, лишившись личины-обманки. Рана зудит, кажется, что её края растворяются, обнажают беззащитную кровавую плоть, скрытую

КОШМАР

под кожей до поры. Чувствую, что моя голова кружится, я падаю в эту рану, выворачивающую наизнанку моё... «Нет, пернатое тело не моё! – озарение приходит быстро. – Сатурн! Так меня называла она, но это не моё имя!» И снова вернувшись в реальность из тяжёлого удушающего кошмара, я понимаю, что присвоенное мне чужое имя стало крепчайшей из возможных броней против морака полной луны.

С чужой чёрной кровью в меня проникает яд инородного существа, а женщина уже тянет меня за здоровую руку прочь. Увеличившийся до размеров собаки мотылёк крадётся следом, нелепо переваливаясь на крыльях, которые теперь напоминают перепончатые крылья нетопыря. Чужой кошмар, так удачно притворившийся ночным мотыльком. Покров лже-бабочки полинял, словно пыльца, стёртая неаккуратными пальцами. Интересно и страшно увидеть морду преображённого существа, с которым я продолжаю чувствовать какую-то непонятную связь. Кажется, ещё мгновение, и Ночная Госпожа нахмурит широкие брови, нетерпеливо щёлкнет пальцами, и мы оба, я и кошмарный мотылёк, вскинем головы к небу и исторгнем из себя леденящий кровь вой. Увлекаемый мраморноликой спутницей по пустынным ночным улицам, я несколько раз оглядываюсь. Преследователь теряется за поворотами многочисленных проулков, сквозных дворов, через которые мы проходим, будто сквозь чужие сны. Поворот, арка, щель между зданиями, ещё поворот – и женщина скребёт мраморным ногтем выцветшую и рассохшуюся калитку в высокой стене.

– Разве ты не в силах найти выход из лабиринта собственных снов и кошмаров? – недоверчиво бормочу, будто не собирался пару мгновений назад пуститься во все тяжкие, чтобы избавиться от смрада полуночного сна, преследовавшего меня по тихим улочкам персидского городка. Я забыл, что этот мир считаю краденным, своим понарошку, как детскую игрушку – палку с лошадиной головой. Только голова у моего сна птичья.

Нестерпимо болит рука. Женщина опускается на колени, оторвавшись от ссохшейся древесины, лишь ладонями продлив на несколько мгновений соприкосновение с дверью. О, как легко сдаться и опуститься в пыль на колени, и как тяжело встать, распрямиться, обрести вновь растерянную гордость, посмотреть прямо в лицо тому, чего посмел испугаться. Может, оно и к лучшему... Иногда шишки, набитые во сне, оказываются полноценными синяками и ссадинами в реальности.

Я растерялся прежде, чем понял истинную природу тяжести, сковавшей плечи молодой вдовы. «...Муж кричит, по стенам мечутся полуголые испуганные тени, тебе больно, сердце разрывает на тысячу осколков, ногти оставляют красные полосы на лице, а кнут рисует на спине вычурные узоры...» – вот что отравило того мотылька, я не могу сдержать крика от скрытых в женщине мёртвых воспоминаний. Лицо её будто изменилось, застыло. Смущение волной накрыло меня, заставив забыть о тех словах, что я пытался подобрать.

Назойливое, едва слышное шуршание на крыше постепенно превратилось в грохот камнепада, заглушающий тот, что только что бушевал в

моей душе. Через край пологой крыши перевесилось нелепое существо на кривых суставчатых лапах, с изломанным контуром смятых крыльев над хитиновым панцирем-шкурой.

– Он больше не прикаснётся к тебе! Это сказал я, тот, кого ты называешь Симургом! – и почувствовал в себе силу охранника подземного мира. – Ты потерпи, всё будет хорошо... Ещё немного... – неосознанно повторяю слова, которые говорила мне мать, чтобы облегчить боль надеждой. Давно, в туманные годы детства, когда ещё было естественно склонить голову на её колени, покрытые грубым фартуком.

Не миновать того, что суждено звёздным законом. Разве затмевающая их свет в дни полнолуния Круглоликая рассудит по-иному... Но мертвецам нечего делать во снах живых.

– Во мне слишком много страхов и радости, негодования и жалости. Боги, вылепившие моё тело из глины, вложили в него слишком горячий огонь. Пытались потушить, да перепутали сосуды и залили его вместо воды чёрным «греческим огнём». Мне не жаль этого жара, если он однажды понадобится кому-то, – успел прошептать я прежде чем тварь, ёрзающая на огрызке крыши, будто молодой пёс на первой охоте, наконец, решилась и совершила бросок.

Развернув крылья, я спокойно, хотя внутри всё рвалось и металось, подался навстречу мертвецу-кошмару, чтобы вырвать его из цепких объятий чужого сна. «Сюда, ко мне, ещё один шаг и мы вернёмся домой...» – я навалился плечом на дверь, но мог бы и не делать этого. Казалось бы, накрепко заколоченная калитка послушно открылась в чёрное небо, выпуская нас наружу, в густой воздух южного города, наполненный теплом, убежавшим из очага, ароматом жасмина и имбиря из лавки на маленьком рынке у здания суда.

«Положи на ладонь распростёртую бабочку и поднеси к глазам – увидишь чудовище», – пришли на ум заклинаящие слова. Моя раненая ладонь легла на голову притихшего чудовища. Я успел забыть, кто я есть, бессмертная птица или всё-таки человек в птичьем обличье.

ГОНЧАРНОЕ РЕМЕСЛО

рассказ

– А вот ещё история, – помолчав, сказал гончар. – Был у меня ученик, хороший парень, Егором звали. Сейчас, поди, Егором Ивановичем кличут. Долго мы вместе-то работали, думал, всегда так будет. Да видно, каждому своя дорога.

Он вытер руки рыжей от глины тряпкой, взял с полки кринку с квасом и предложил мне. Я отказалась. Тогда гончар снова окунулся в работу: вытащил из тастика комок глины, которую только что вымешивал, как тесто, и водрузил на широкую фанерную доску.

– Ну вот, теперь катать тебя буду, бить. А ты не обижайся. От этого ты только лучше да глаже сделаешься, – ласково говорил он глине. А сам раскатывал её в колбаску, сминал, снова раскатывал, скручивал по спирали. Потом с силой как шлёпнул кусок об доску, ещё раз и ещё. Я даже подпрыгнула от неожиданности.

– Всегда вы так глину терзаете? – переведа дух, спросила я.

– Это я из неё лишний воздух выгоняю, готовлю её к работе. Она должна быть однородная. С этого всё и начинается.

Немного помолчал.

– Хотя, нет, не с этого. Раньше. Сначала хорошую глину ещё найти надо. Сейчас много всего в магазине есть: и глину можно готовую купить, и инструмент разный. А мне нравится самому искать, в землице. Хорошо, если найдёшь пласт жирной глины, да чтобы извести в ней поменьше было. На всякое дело опыт нужен... И инструмент у меня свой, под себя сделал. Может, и не такой, как надо, зато свой. Круг только вот не моими руками изготовлен – от деда в наследство достался. Приятель давно электрическим пользуется, а я всё по старинке...

Я слушала его неторопливый рассказ и медленно следовала вдоль стен мастерской. На них по периметру помещения располагались длинные полки, заставленные керамическими изделиями: горшками разных размеров, кринками, кувшинами, тарелками. Обожжённая посуда стояла на одних полках, необожжённая – на других. Не было в ней особого изыска, утончённости, но веяло теплом крепкого крестьянского быта. Казалось, из горшков поднимается пар, разнося по мастерской запах распаренной гречки с салом. На большой тарелке – лук, редиска, укроп, в миске – варёные яйца, в кринке – молоко. Вот-вот войдёт хозяйка с караваем свежего ржаного хлеба...

Гончар отёр ребром ладони поверхность старого гончарного круга. Заметив, как я с интересом рассматриваю керамику, теснящуюся в изобилии на длинных полках, подошёл. Большими шершавыми ладонями бережно, с

тёплой отеческой улыбкой снял с полки старый потёртый горшок. Когда-то блиставшие лаком крутые бока горшка уютно спрятались в ладонях гончара.

– Вот он, возмутитель моего спокойствия, с него началась моя гончарная жизнь! – он поставил горшок на полку и повернул его к себе наиболее сохранившимся боком. – Дедов горшок-то. Хотелось мне в детстве научиться гончарному ремеслу. Стал я к деду-гончару приставать, он и взялся меня учить. Но терпения моего ненадолго хватило, не больно-то хорошо получалось. Тогда дед мне сказал: «Взялся за гуж, не говори, что не дюж! Вот сделаешь такой же горшок, тогда отпущу на все четыре стороны. А куда седи и учись». Поставил передо мной вот этот самый горшочек. Я думал, проще простого такой-то сляпать, но не тут-то было. Видно, какой-то секрет у деда был. Сколько я ни бился, сколько ни старался, а точь-в-точь такого же не получалось. Не дождался дед моего горшка, на фронт его призвали, там и сгинул.

Последние слова прозвучали глухо, будто оба мы разом оказались в том самом дедовом горшке. Замолчал гончар. Только руки его, зная своё дело, исправно месили рыжую глину.

– С тех пор и пристрастился я к этому ремеслу, – продолжил он после долгой паузы. – Хорошо ли, плохо ли – не мне судить. Посуда моя – для хозяйства, повседневная. Не надо её на полку для красоты ставить. Бывало, жена примется цветочки-листочки разные выводить. А как не стало её, так и посуда поскучнела, загрустила.

Насмотревшись на глиняную утварь, я уселась на лавку и принялась разглядывать гончара. Он производил впечатление человека без возраста. Сухой, жилистый, с большими узловатыми руками, суровым, сосредоточенным лицом. Он, будто в омут, погружался в работу, отключаясь от внешнего мира. Выныривал – то задумчивый, то просветлённый. Чувствовалось, что душой он неразрывно связан с ремеслом, и частички его души навсегда остаются в его изделиях. Отсюда и особая их привлекательность.

– А что с учеником вашим стало, почему дороги ваши разошлись?

– С Егором-то? Всё просто. Мастером он оказался отличным: на что мне неделя нужна, он за день сделает. Да только вскружил ему голову такой-то успех. Принялся он из ремесла бизнес делать. Увлёкся и потерял себя в этой суете. Думал, чем больше налепит, тем больше продаст. Цены взвинтил, ух – какие! А вкладывать в изделия души своей частичку перестал. Некогда... Вот и стала у него получаться только форма, без содержания. Местных покупателей не обманешь, перестали у Егора посуду покупать. Так он в столицу подался: там народ за экзотику любые деньги отдаст. Покуда не воротился...

Гончар помолчал:

– Да не сужу я его – сам ведь на продажу посуду делаю. Жить-то надо как-то. Думалось мне, оставлю на него мастерскую. А теперь что, сызнова начинать? Вот ведь дело-то какое...

КОСПРОМА

– Так что у тебя за беда? – спросил он, вздохнув, будто отмахиваясь от воспоминаний.

– Да вот, крышку от горшка разбила. Не поможете примерно такую же сделать? – я протянула мастеру разбитую чёрную крышку.

– М-м, – протянул он, вертя в руках крышку. – Чернолощённая она у тебя. Я такую не делаю, но попробовать можно.

Мне стало очень интересно, что же за диковиной я до сих пор владела.

– А как это – чернолощённая?

Гончар взглянул на меня исподлобья, оценивая, вероятно, общую мою осведомлённость в вопросе гончарного ремесла, вздохнул:

– Это такой способ отделки с помощью дыма. Как тебе сказать, чтобы понятнее было? Изделие нужно закоптить в герметичной посуде: в печке ли, в банке железной. Разные способы есть. Честно тебе признаюсь – не пробовал. Хочешь, я твою крышку другу в Ростов отвезу? Он – может.

Я раздумывала, что ответить. А гончар тем временем водрузил кусок глины на гончарный круг, уселся за него и, подождав немного, словно помолвившись, нажал на педаль. На удивление легко начал раскручиваться столик круга, без скрипа качалась почти столетняя педаль. Под монотонное жужжание я решила задать гончару вопрос, томивший меня уже пятнадцать минут.

– А есть у нас гончары искуснее вас?

– У нас в области, в России? – невозмутимо переспросил он.

– В России, – неуверенно уточнила я.

– Эка ты хватила! В России мастеров много. Наверное, каждый третий в чём-нибудь мастер. Да и гончаров среди них достаточно. Какие-то – как я, а есть и настоящие волшебники, так сказать, магистры своего ремесла. А что ты смеёшься? – заметил он мою улыбку. – Это же практическая магия. Гончар управляет всеми стихиями сразу: землёй и водой, когда из глины лепит, воздухом и огнём, когда глину сушит и обжигает.

Он снова взглянул на меня исподлобья. Засмеялся:

– А ты, небось, думала, что я хвастать начну, цену себе набивать? Мол, лучше меня нигде не сыщешь? Вот дед мой настоящим волшебником был... И сейчас есть такие мастера, что от их работ глаз не оторвёшь. Так что не переживай, не умрёт ремесло гончарное. Вечно жить будет.

Я растерянно смотрела, как на гончарном круге из округлой заготовки вырастает, распускается, будто цветок, моя новая крышечка.

– Иди домой, – вдруг сказал мастер. – Придёшь через недельку. Может, сам решушь чернить, может, в Ростов съезжу. Давно там не был.

Пробормотав «спасибо», я вышла на улицу. Погода стояла пасмурная: вот-вот заморосит дождик. Мимо проходили люди, не обращая на меня никакого внимания. Каждый был погружён в свои мысли. Вспомнились слова гончара: «...в России мастеров много, каждый третий в чём-нибудь мастер». И вдруг по-новому предстала передо мной обыденная уличная картина. Уже не просто люди проходили мимо, а волшебники! Казалось, я даже могу понять,

какие великие мысли занимали сейчас их умы. Окрылённая этой внезапной догадкой, я с трепетом влилась в людской поток.

Ровно через неделю я снова стояла на пороге гончарной мастерской. Что-то изменилось здесь за это время. Как прежде слышался низкий хрипловатый голос гончара, монотонно жужжал круг. Но что-то было уже не так.

Я заглянула за перегородку, разделяющую помещение мастерской на две части, и увидела скромно стоящего рядом с гончаром юношу. Высокий, нескладный, он, однако, цепко следил серыми глазами за каждым движением учителя. Именно учителя, в этом у меня не было сомнений.

– А, это ты! Приветствую! – с улыбкой поднялся мне навстречу гончар, покосился на юношу и добавил, – Вот видишь, не случайно мы с тобой встретились. Не умрёт ремесло, не умрёт!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мушинова Н. Литературный альманах «Кострома»: областное, всероссийское и международное звучание</i>	3
--	---

I. ПОЭЗИЯ

Князев Г.	6
Прудченко Е.	13
Иваськова И.	21

II. ПРОЗА

Пучков А.	27
Разживин Р.	45
Харитонов Е.	60

III. ДРАМАТУРГИЯ

Патраева С.	79
Мишутин А.	97
Татарченко Ю.	109

IV. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Волошина-Андрейчук С.	135
Гайкова Н.	149

V. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

Дик Н.	163
Костерев А.	172
Сукгоева А.	180

VI. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Кузин А.	186
Пермякова Е.	193
Гешко Е.	198

VII. ЛАУРЕАТЫ ОБЛАСТНОГО КОНКУРСА ПРОЗЫ ИМЕНИ В.Г. КОРНИЛОВА

Богданова М.	202
Клемина А.	204
Манина И.	205
Механькина А.	214

Литературный альманах

«КОСТРОМА»

Выпуск № 7 (2023 г.)

УЧРЕДИТЕЛЬ

Костромская областная писательская организация Общероссийской
общественной организации «Союз писателей России»

Главный редактор – Мусинова Н.Е.

Редакционная коллегия

Бугров А.А.

Муренин Н.В.

Зябликов А.В.

Запольских О.А.

Проскураев В.М.

Каргопольцева Е.Е.

Технический редактор – Петрюк И.П.

Иллюстрации:

из Интернета (свободный доступ)

Отпечатано в ЗАО «ЛИНИЯ ГРАФИК Кострома»

г. Кострома, ул. Петра Щербины, 9-а

Формат 60 × 90 1/16. Объем 13,75 у.п.л.

Тираж 500 экз.